

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

Шаронов Виктор Сергеевич

ИСПОЛНЕНИЕ ПРАВА

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Научный руководитель:

**доктор юридических наук,
доцент
Д.Е. Петров**

Саратов – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПОЛНЕНИЯ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА.	 16
§ 1.1. Исполнение в ряду форм реализации права	16
§ 1.2. Исполнение права: понятие, признаки, функции	32
 ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ИСПОЛНЕНИЯ ПРАВА В РОССИИ	 56
§ 2.1. Объекты и типы исполнения права	56
§ 2.2. Формы, субъекты и средства исполнения	74
§ 2.3. Процесс исполнения права	97
 ГЛАВА 3. ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА	 118
§ 3.1. Правовое регулирование вопросов юридической ответственности за неисполнение права.	118
§ 3.2. Проблема исполнимости юридических актов: причины и способы решения	141
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 164
 БИБЛИОГРАФИЯ.	 168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных условиях перед страной стоят задачи устойчивого развития во всех сферах. В связи с этим российское право, обеспечивая выполнение данных задач, не должно быть декларативным, бездейственным, неисполнимым. Именно поэтому проблема исполнения права приобретает сегодня особое значение.

Исполнение под определенным углом зрения можно назвать основной формой реализации права, что обуславливается нормативным пониманием последнего как системы общеобязательных, формально определенных правил поведения, действующих в обществе. Именно благодаря исполнению реализуется императивное начало, заложенное в праве, присущее в той или иной степени всем видам юридических норм.

Исполнение права как цель и результат самым тесным образом связано с понятием эффективности правового регулирования, вопросы повышения которой не перестают волновать умы как теоретиков, так и практиков. Кроме того, комплексный общетеоретический анализ понятия исполнения права может помочь решению проблем претворения в жизнь отдельных видов правовых актов, которые решаются в рамках отраслевых наук. На полном, качественном и своевременном исполнении обязательств основывается стабильность гражданского оборота, что предопределяет необходимость обращения к самой сущности понятия «исполнение права». Также требует надежной теоретической базы разработка в рамках уголовно-исполнительного права системы оптимизации исполнения наказаний.

Непреходящая актуальность избранной проблематики обуславливается еще и тем, что надлежащее, добровольное исполнение юридических актов всегда выступало залогом обеспечения баланса интересов в обществе, поддержания стабильности и правопорядка. Достижение последнего из вышеперечисленных условий исполнения представляется наиболее проблематичным в современных российских реалиях. Оно возможно только

при осознании всем населением неразрывной связи между правами и обязанностями, свободой и ответственностью, возможностями и долженствованием и требует от государства упорной, планомерной, последовательной работы по повышению общего уровня правосознания и правовой культуры населения. Помимо этого, рациональная, грамотная, научно обоснованная организация правового регулирования также способна оказать побуждающее воздействие на граждан к исполнению возложенных на них обязанностей. Вместе с тем, следует отметить отсутствие комплексного общетеоретического исследования, специально посвященного исполнению права и соответствующей научной категории.

В этой связи насущной задачей современной юриспруденции можно считать создание целостной теории исполнения права, включающей дефинитивную формулировку его понятия, выделение признаков и функций, комплексный анализ его форм, субъектов и средств, а также разработку методологических основ исследования обозначенного процесса. Помимо этого, особую злободневность приобретает рассмотрение неисполнения, ненадлежащего исполнения права как крайне негативной, но, увы, весьма характерной для современного российского общества тенденции. Кроме того, необходимо помнить, что одним из важнейших параметров и в то же время условий эффективности юридических актов (следовательно, и правового регулирования в целом) выступает их исполнимость, т.е. потенциальная и реальная возможность их претворения в жизнь. Все это обусловило выбор темы диссертационного исследования.

Степень разработанности проблемы. Категория «исполнение права» сравнительно редко становилась предметом самостоятельных научных изысканий. В большинстве случаев она фрагментарно освещалась в процессе исследования понятия реализации права, в качестве одной из ее форм, например, в работах таких ученых, как: С.С. Алексеев, Л.Т. Бакулина, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, И.Я. Дюрягин, В.В. Лазарев, С.В. Липень, Р.Х. Макуев, М.К. Маликов, П.Е. Недбайло, М.Ф. Орзих, В.Д. Перевалов, А.С.

Пиголкин, А.В. Погодин, П.М. Рабинович, Ю.С. Решетов, В.А. Сапун, Ф.Н. Фаткуллин, В.Н. Хропанюк, Л.С. Явич, В.Ф. Яковлев.

Вопросы исполнения затрагивались в рамках анализа категории «юридические обязанности» Ю.В. Барзиловой, Е.В. Вавилиным, Н.В. Витруком, Л.Д. Воеводиным, М.Д. Генкиным, Р.Е. Гукасяном, Ю.М. Доренковой, О.В. Кабаковой, Р.Р. Каримовой, Г.В. Колодубом, М.А. Кондрашовой, Е.А. Крашенинниковым, С.Т. Максименко, Н.И. Матузовым, Е.Я. Мотовиловкером, А.А. Рудаковым, Б.М. Семенко, И.Ю. Шумейко, Б.С. Эбзеевым, М.А. Юнусовым и др.

Помимо этого, в современной научной литературе присутствуют наработки по проблеме неисполнения права как основания юридической ответственности в трудах О.Н. Городновой, Ю.А. Диденко, Ю.А. Жукова, Т.Д. Зражевской, Н.В. Иванцовой, А.Н. Лебедева, Н.С. Малеина, Н.В. Путеевой, В.В. Старженецкого, О.М. Шагановой, Е.В. Шестаковой, С.В. Яровой.

Также к избранной тематике имеют определенное отношение работы, посвященные понятию исполнительного производства и проблеме повышения его эффективности, – в частности, И.Ю. Бурмакова, Д.Х. Валеева, И.М. Вставской, Я.П. Горбуновой, В.А. Гуреева, В.В. Гущина, Л.Г. Коноваловой, С.Н. Махиной, И.Б. Морозовой, В.М. Оганесяна, С.А. Савченко, Ю.А. Свирина, А.М. Треушникова, П.В. Уварова и других ученых.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент отсутствует самостоятельное монографическое исследование, предметно направленное на анализ исполнения права как юридического феномена.

Объект и предмет исследования. *Объектом диссертационного исследования* выступила совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения как одной из форм реализации права. *Предмет исследования* составляют наиболее общие закономерности исполнения права как явления объективной правовой действительности.

Цели и задачи исследования. *Основная цель* настоящей работы заключается в комплексном общетеоретическом исследовании юридического явления «исполнение права», выступающем базисом решения практической проблемы повышения исполнимости юридических актов в Российской Федерации.

Для достижения названной цели планируется решить *следующие задачи*:

- уточнить место и роль исполнения в ряду форм реализации права;
- дать определение понятия исполнения права, раскрыть его юридическую природу и признаки;
- выделить функции исполнения права, определить его последствия;
- выявить критерии типологии исполнения права и проанализировать его основные типы;
- разграничить понятие «исполнение права» со смежными юридическими категориями;
- рассмотреть формы, субъектов и средства исполнения права, выявить их взаимосвязь;
- определить мотивы исполнения права;
- проанализировать системные характеристики процесса исполнения права, его стадии;
- раскрыть вопросы юридической ответственности за неисполнение права;
- обосновать необходимость выделения исполнимости в качестве комплексной характеристики юридического акта;
- изучить причины неисполнимости (ненадлежащей исполнимости) юридических актов в Российской Федерации, предложить пути решения проблемы.

Методологическая и теоретическая основы исследования. Методологическую основу работы составил диалектико-материалистический

метод познания правовой действительности, наряду с которым были использованы общенаучные, частнонаучные и частноправовые методы.

Так, функциональный подход помог глубже проникнуть в сущность феномена исполнения права. Логический метод был взят за основу при выведении дефиниций основных понятий, используемых в работе: «исполнение права», «неисполнение права», «исполнимость юридических актов» и др. Системный подход позволил комплексно подойти к исследованию причин и определению путей решения проблемы исполнимости юридических актов в Российской Федерации.

Формально-юридический метод активно использовался при работе с текстами нормативных правовых актов. Для выявления причин неисполнимости международно-правовых актов был применен сравнительно-правовой подход.

Теоретическую основу диссертации составила специальная юридическая литература. В ходе исследования автор опирался на труды как ученых-теоретиков (в частности, разрабатывавших понятие реализации права, исследовавших категорию юридических обязанностей), так и специалистов отраслевых наук: конституционного, административного, гражданского, уголовного, уголовно-исполнительного, налогового, трудового права. Была проанализирована монографическая научная литература, периодические издания, а также публицистический материал, посвященный наиболее актуальным вопросам исполнимости юридических актов в Российской Федерации.

Нормативно-эмпирическая основа работы представлена Конституцией Российской Федерации, законами и подзаконными нормативными правовыми актами различного уровня, материалами судебной практики, а также отдельными международно-правовыми актами.

Научная новизна работы предопределяется непосредственно формулировкой тематики, а также поставленными задачами исследования и заключается в том, что в настоящей работе на монографическом уровне

проведен комплексный общетеоретический анализ юридического явления «исполнение права» как одной из форм реализации права.

Дано авторское определение исполнения права, исследована его юридическая природа и признаки. Обоснованы основные требования к исполнению, в качестве которых названы качество, полнота и своевременность. Проведено разграничение понятий «исполнение права» и «исполнение обязанности».

Сформулированы и исследованы основные функции исполнения права, определены последствия полного, качественно и своевременного исполнения.

Определен основной объект исполнения, рассмотрено многообразие форм его проявления. Впервые выделены типы исполнения, основанные на группировке его объектов.

Проанализировано соотношение исполнения как формы реализации права с традиционными формами осуществления функций государства. Разграничены понятия «исполнение законов (законодательства)» и «исполнение права».

Получены новые данные о формах, субъектах и средствах исполнения, выявлена их взаимосвязь и взаимообусловленность, сформулированы соответствующие понятия.

Исследованы мотивы добровольного исполнения права, на основе чего предложена его оригинальная классификация.

Новизной отличается взгляд автора на процесс и стадии исполнения права, характеризующие совокупностью взаимозависимых друг от друга параметров.

Проведены логические операции дефиниции (определения) и деления (классификации) в отношении понятия «неисполнение права», обоснован его противоправный характер, выступающий основанием наступления юридической ответственности.

Предложено развернутое понятие исполнимости юридического акта как его комплексной характеристики. Изложено авторское видение решения проблемы повышения исполнимости различных юридических актов, намечены пути оптимизации исполнительного производства в Российской Федерации.

На защиту выносятся следующие основные теоретические положения:

1. *Исполнение права* – это форма реализации права, заключающаяся в полном, качественном и своевременном претворении в жизнь императивности права, его обязывающих предписаний, происходящая посредством действия в рамках конкретных правоотношений, служащая целям беспрепятственного использования субъектами предоставляемых правом возможностей, направленная в конечном счете на поддержание законности и правопорядка, а также баланса частных и публичных интересов в обществе.

Исполнение права исходит из такого общего свойства права, как императивность, в связи с чем исполнение права в широком смысле – это и есть реализация права. Следует различать исполнение права как обобщающее понятие, обозначающее цель и одновременно результат претворения в жизнь заключенного в праве (системе юридических норм) императива, и исполнение обязанности как реализацию конкретной юридической нормы, т.е. частный, единичный случай (форму проявления) исполнения права вообще.

2. Выделены следующие *признаки* исполнения как формы реализации права:

1) в специально-юридическом смысле (с позиции деления юридических норм на виды) посредством исполнения претворяются в жизнь *обязывающие нормы*;

2) *основными требованиями* к нему являются качество, полнота и своевременность;

3) *способом исполнения* выступает действие;

4) оно всегда происходит в рамках конкретных правоотношений;

5) благодаря ему обеспечивается беспрепятственное использование субъектами предоставляемых правом возможностей, что в конечном счете способствует поддержанию законности и правопорядка, обеспечению баланса частных и публичных интересов в обществе.

3. Исполнение права выполняет следующие *функции*, раскрывающие его социальное назначение:

1) *оперативно-результативную* – посредством исполнения как формы реализации права претворяется в жизнь императив, заключенный в юридических нормах, и достигаются определенные цели в правовом регулировании;

2) *обеспечительную* – исполнение служит цели обеспечения беспрепятственного использования субъектами предоставляемых правом возможностей, ввиду того, что в большинстве случаев для реализации прав одних субъектов необходимо исполнение обязанностей другими субъектами;

3) *балансирующую* – исполнение права способствует нахождению и сохранению баланса частных и публичных интересов в обществе;

4) *охранительную* – благодаря полному, качественному и своевременному исполнению обязанностей всеми гражданами возможно поддержание состояния законности и правопорядка в обществе, охрана безопасности и суверенитета государства.

4. В соответствии с функциями, *правовыми последствиями* полного, качественного и своевременного исполнения права выступают:

1) достижение определенных целей в правовом регулировании;

2) обеспечение возможностей для реализации прав и законных интересов граждан;

3) установление баланса частных и публичных интересов в обществе;

4) создание необходимых условий для поддержания законности и правопорядка, охраны безопасности и суверенитета государства.

5. *Основным объектом исполнения* как формы реализации права выступают обязанности во всем многообразии их проявления. На основе группировки обязанностей можно выделить следующие *типы исполнения*:

1) *нормативное исполнение* – исполнение обязанностей, закрепляемых в нормативных правовых актах, которые адресованы неопределенному кругу субъектов и рассчитаны на неоднократное применение;

2) *казуальное исполнение* – исполнение обязанностей, устанавливаемых в актах правоприменительного характера, возлагаемых на конкретных лиц и предполагающих, как правило, единичный акт исполнения;

3) *договорное исполнение* – исполнение обязанностей, принимаемых на себя добровольно, закрепляемых в соглашении сторон и реализуемых в порядке, им предусматриваемом.

Исходя из этого, *основаниями исполнения* выступают, во-первых, нормативные правовые акты, во-вторых, акты правоприменения, в-третьих, соглашения сторон (договоры).

6. *Исполнение законов (законодательства)* не тождественно понятию «исполнение права», представляя собой его особый вид (форму проявления). К индивидуализирующим его признакам относятся следующие:

- в ряду государственной деятельности выделено в самостоятельную ветвь власти – исполнительную, представленную соответствующей подсистемой государственных органов;

- корреспондирует одной из трех правовых форм осуществления функций государства,

- имеет властную природу,

- характеризуется особым субъектом, в качестве которого выступают исполнительные органы власти и их должностные лица.

7. Существует прямая взаимосвязь и взаимообусловленность форм, субъектов и средств исполнения права. *Формами исполнения* являются добровольное и принудительное исполнение. *Субъектом исполнения права* необходимо считать того, кто непосредственно претворяет нормативные

предписания в жизнь, и с этой позиции можно выделить самостоятельное исполнение обязанностей и несамостоятельное их исполнение (исполнение «чужих» обязанностей) – принудительные действия компетентного лица по осуществлению обязывающих норм вне зависимости от воли обязанного субъекта (обращение взыскания на имущество, снятие средств со счета по решению суда для исполнения задолженности по налогам, штрафам и т.д.). *Средствами исполнения* выступают, с одной стороны, инициативные действия граждан, с другой – процедура правоприменения, включающая механизм наложения юридической ответственности.

8. *Мотивами добровольного исполнения права* являются:

- 1) внутренняя убежденность в целесообразности, необходимости и важности реализации конкретной обязанности;
- 2) привычка к законопослушному поведению;
- 3) стремление избежать наступления негативных последствий («страх перед наказанием»).

Исходя из мотивов, добровольное исполнение права может быть дифференцировано на следующие виды:

- 1) *целенаправленное (сознательное) исполнение права* – инициативная реализация обязанностей, соответствующая правовой установке субъекта;
- 2) *автоматическое (привычное) исполнение права* – повседневная, конформистская реализация обязанностей, не затрагивающая внутренних убеждений личности;
- 3) *условное (формальное) исполнение права* – «вынужденная» реализация обязанностей, противоречащая интересам индивида.

9. *Процесс исполнения права*, будучи по своей природе правовым процессом, представляет собой совокупность процедур (стадий), количество, особенности и последовательность которых в каждом конкретном случае определяются следующими параметрами: во-первых, объектом исполнения, во-вторых, временным характером императива, заключенного в правовой норме (единичный или длящийся), в-третьих, формой исполнения

(добровольная или принудительная), в-четвертых, степенью его нормативного урегулирования (детальная или обобщенная). При этом все признаки взаимосвязаны и взаимообусловлены (так, степень детальности нормативного урегулирования в той или иной ситуации зависит от формы исполнения, а она в свою очередь, равно как характер императива – от конкретного объекта, подлежащего реализации).

10. Под *неисполнением права* следует понимать деяние, нарушающее определенные нормы права или обязательства, совершаемое в виде бездействия, влекущее за собой наступление юридической ответственности, конкретный вид (уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая) и мера которой определяется характером и общественной значимостью публичных или частных интересов, которым причиняется вред. Применительно к конкретным нормам и обязательствам неисполнение классифицируется на абсолютное (полное игнорирование отдельных обязывающих предписаний) и частичное (ненадлежащее исполнение тех или иных предписаний, выражающееся в неполном, некачественном, несвоевременном исполнении), а также может быть простым и квалифицированным (злостное неисполнение).

11. *Исполнимость правового акта* представляет собой комплексную характеристику его свойств, означающую потенциальную возможность его практической реализации, т.е. претворения в жизнь, обеспеченную совокупностью условий субъективного (психологические установки, т.е. внутренняя готовность субъекта) и объективного (наличие механизма исполнения) характера, выступающую обязательным условием (и одновременно критерием) его эффективности.

12. Исполнимость судебных актов как основа эффективности исполнительного производства может быть повышена только путем осуществления комплекса (системы) мероприятий одновременно в двух направлениях: с одной стороны, реформирования механизма принудительного исполнения актов юрисдикционных органов (модернизации

существующей административной модели с исключением несвойственных Федеральной службе судебных приставов России полномочий; воссоздания судебной (либо создания смешанной административной-судебной) модели; реализации идеи введения института частных приставов вместо либо наряду с государственными), с другой – организации и поддержания необходимых условий, побуждающих граждан к добровольному, полному и своевременному исполнению юридических предписаний.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическое значение исследования заключается в разработке основ теории исполнения права как одной из базовых категорий юриспруденции. Сформулированные определения, выделенные и проанализированные признаки и закономерности рассматриваемых понятий могут служить теоретической базой для будущих научных исследований, связанных с различными аспектами претворения в жизнь обязывающих норм и проблемой реализации права в целом.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов для целей повышения эффективности правового регулирования в Российской Федерации. Анализ причин неисполнимости (неполной, некачественной, несвоевременной исполнимости) юридических актов, а также предложения способов решения проблемы могут быть учтены при разработке нормативных правовых актов, а также при создании (модернизации) правореализационных механизмов.

Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть применены в учебном процессе при преподавании различных курсов, таких как: «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Исполнительное производство», а также написании квалификационных работ.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», на кафедре теории государства и права. Основные теоретические положения и выводы исследования отражены в статьях автора, в том числе в

журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

По теме исследования соискатель участвовал в V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной двадцатилетию принятия Конституции Российской Федерации «Актуальные вопросы современной юридической науки» (г. Саратов, 6 декабря 2013 г.), Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной празднованию пятнадцатилетия Балаковского филиала Саратовской государственной юридической академии «Актуальные вопросы современной юридической науки» (г. Балаково, 5 декабря 2014 г.), IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (г. Рязань, 25 ноября 2015 г.). Положения диссертации использовались автором в процессе прохождения педагогической практики в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура диссертации обусловлена целями, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПОЛНЕНИЯ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

§ 1.1. Исполнение в ряду форм реализации права

В теории государства и права, выступающей методологической основой юриспруденции как науки, существует некий ряд базовых категорий, определяющих саму суть права как социального регулятора, его функциональное назначение и механизм действия. От этих категорий-основ производны все остальные юридические понятия, в своей совокупности очерчивающие контуры терминологического арсенала современной системы правовых знаний. И одной из таковых выступает теоретическая конструкция «реализация права».

Категория «реализация права» достаточно основательно исследована в научной литературе. Базовое понимание ее сущности, основывающееся, прежде всего, на семантическом значении составляющих рассматриваемого словосочетания («реализация» и «право»), в целом выработано, классификация на основные формы (виды) проведена. Пожалуй, наибольшее количество вопросов в данной сфере вызывает такая специфическая, отличающаяся от всех остальных форма реализации права, как применение. В этом направлении научные исследования не прекращаются уже на протяжении многих лет, и в ближайшее время их интенсивность вряд ли уменьшится, поскольку сама жизнь обнаруживает все новые и новые проблемы правоприменения, требующие комплексного теоретико-практического осмысления.

Однако тот факт, что «реализация права» – тематика хрестоматийная, включаемая в качестве самостоятельной главы (параграфа) в большинство современных учебников и учебных пособий по теории государства и права, оказал, на наш взгляд, не совсем положительный, а именно – стопорящий эффект на исследование проблематики. Результатом традиционного подхода

к конструкции «реализация права» в условиях перманентного развития юриспруденции становится терминологическая путаница, смешение родового и видовых понятий и прочие теоретические несогласованности и прямые конфликты, отрицательно влияющие и на юридическую практику.

Иными словами, мы полагаем, что категория «реализация права», будучи, безусловно, одним из центральных элементов системы современной общетеоретической науки, заслуживает самостоятельного, всестороннего, комплексного анализа, особенно учитывая тот факт, что и применительно к ней дискуссионных аспектов более чем достаточно.

Термин «реализация» происходит от французского слова «realisation», а тот в свою очередь – от позднелатинского определения «realis», означающего «действительный», «вещественный». При трансформации определения в существительное мы получаем дословно «овеществление», или более благозвучное «воплощение в действительность», что и предопределяет общераспространенное сегодня толкование понятия «реализация». Соответственно, в современных толковых словарях реализация определяется как осуществление чего-либо, проведение в жизнь какого-либо плана, проекта, программы, намерения, идеи и т.п.¹

Как и в отношении многих других юридических категорий, универсального, признанного всеми определения понятия «реализация права» в науке не выработано. Количество предлагаемых вариантов дефиниции превышает два десятка², при этом критичных расхождений, что любопытно, в них не обнаруживается. Различия сводятся, главным образом, к

¹ См.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 513; Большой энциклопедический словарь. М., 2009. С. 654 и др.

² См., напр.: *Пиголкин А.С.* Формы реализации норм общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 27; *Гревцов Ю.И.* Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 43; *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987. С. 273; *Решетов Ю.С.* Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 7; *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 356–370; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 159–166; Теория государства и права. Изд. 3-е, перераб. и доп. / под ред. А.Г. Хабуллина, В.В. Лазарева. М., 2009. С. 458 и др.

тому понятию, которое используется в качестве определяющего в дефиниции.

Семантически суть абстракции «реализация» характеризуют такие отглагольные существительные, как «осуществление», «воплощение», «претворение» (к последним двум обычно добавляют «в жизнь»). Поэтому, когда в предлагаемых учеными трактовках категории «реализация права» на первый план выводится какое-либо одно из вышеперечисленных понятий, это не представляет научной ошибки, ибо все они образуют синонимичный ряд, элементы которого обладают достаточной степенью эквивалентности. В некоторых дефинициях, очевидно исходя из приведенных соображений, используется сразу несколько определяющих понятий, как например, в варианте И.Я. Дюрягина, который реализацию права трактует как претворение, воплощение юридических норм в фактической деятельности организаций, органов, должностных лиц и граждан¹.

В учебной и монографической литературе наряду со словосочетанием «реализация права» встречается также понятие «правореализация»², что, мы полагаем, вполне допустимо, ибо данные два термина есть два варианта обозначения одного и того же явления. Также считаем возможным рассматривать как синонимичные понятия «реализация права» и «реализация норм права»³.

Реализация права – это одновременно и сам процесс претворения в жизнь правовых предписаний, и его результат. Как процесс реализация права состоит в переводе предписаний, заложенных в правовых нормах в юридически значимое поведение различных субъектов, которыми выступают граждане, их объединения, а также государственные учреждения⁴. Данный процесс имеет свои формы и стадии осуществления. В этой связи в

¹ См.: Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 7.

² См.: Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 273; Решетов Ю.С. Указ. соч. С. 7.

³ См.: Теория государства и права. Изд. 3-е, перераб. и доп. / под ред. А.Г. Хабуллина, В.В. Лазарева. М., 2009. С. 458.

⁴ См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 125.

литературе уделяется особое внимание поведенческому подходу в рамках изучения правореализации, который, по мнению П.М. Рабиновича, представляет собой потенциально мощный ресурс оптимизации правового регулирования и повышения его эффективности¹.

Средства обеспечения реализации права подразделяются на общие, или неправовые (экономические, политические, социальные, психологические) и специальные, или специально-юридические (правовое воспитание, юридическая ответственность, прокурорский надзор, судебный контроль и др.), при этом каждая из двух данных групп средств в процессе работы образует свой механизм обеспечения².

Сущность понятия реализации права наиболее наглядно проявляется при его сравнительном анализе с иными понятиями. Так, в частности, реализацию права невозможно рассматривать в отрыве от категории правотворчества, поскольку они представляют собой смежные, находящиеся в постоянном взаимодействии процессы³, и их проблемы имеют в основном одни и те же корни.

Также тесную взаимосвязь реализация права имеет с категорией механизма правового регулирования, под которым понимают систему юридических средств (инструментов), последовательная организация которых направлена на удовлетворение интересов субъектов права включая преодоление препятствующих этому факторов⁴. Ключевой в понимании сущности механизма правового регулирования является понятие правовых (юридических) средств, а точнее их системы, которая способна оказывать целенаправленное воздействие на общественные отношения в целях достижения социально полезных результатов⁵. С этой позиции реализация

¹ См.: Рабинович П.М. Общетеоретические вопросы реализации советского права // Вестник Львовского ун-та. Серия юрид. 1983. Вып. 22. С. 7.

² См.: Хакимов И.А. Средства обеспечения реализации права: к постановке проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 34–37.

³ См.: Решетов Ю.С. Указ. соч. С. 25.

⁴ См.: Шундилов К.В. Правовые механизмы: постановка проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2002. № 3. С. 83.

⁵ См.: Сапун В.А. Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. № 1. С. 4.

права рассматривается в качестве завершающего этапа механизма правового регулирования, а акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей – как главное средство, позволяющее правам и обязанностям быть претворенными в жизнь в поведении конкретных субъектов.

Однако реализация права как абстракция по объему шире, чем завершающий этап правового регулирования. По мнению Л.Н. Завадской, механизм реализации норм права, представляя собой многоуровневую систему, в качестве центрального компонента имеет регулятивный механизм, зависящий от воли законодателя¹. Пытаться приравнять названные понятия – дело, довольно неблагодарное, о чем говорит и Ю.С. Решетов, подчеркивая, что правовое регулирование и реализация норм права – есть самостоятельные, характеризующиеся своими специфическими особенностями грани функционирования права². Реализация норм права – это и фактический результат правового регулирования, и итог идеологического влияния права.

Все вышесказанное, казалось бы, только подтверждает бездискуссионность обозначенной проблематики. Упрощенно говоря, реализация права есть процесс (и результат) претворения его в жизнь, посредством которого право выполняет свое функциональное назначение – регулятора поведения людей. Однако при рассмотрении отдельных форм (видов) реализации права и их сопоставлении с общеродовым понятием возникают некоторые теоретические и практические проблемы.

Как мы уже говорили, подход к выделению форм (видов) реализации права можно считать достаточно устоявшимся. Традиционно перечисляют четыре основные формы: соблюдение, исполнение, использование и применение права. В свое время данный подход был наиболее последовательно изложен и аргументирован в работе М.Ф. Орзиха³ и с тех пор в практически неизменном виде сохранился до наших дней, получив

¹ См.: Завадская Л.Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 172.

² См.: Решетов Ю.С. Указ. соч. С. 31.

³ См.: Орзих М.Ф. Реализация советской общественностью норм общенародного социалистического права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1966. С. 6.

отражение в большинстве современных учебников по теории права. Охарактеризуем кратко каждую из форм.

Соблюдение является пассивной формой реализации права, заключающейся в воздержании от совершения запрещенных законом действий. Посредством данной формы реализуются запреты. Последние юридически оформляют недопустимость конкретного поведения, которая обеспечивается угрозой наказания. При этом фактически данное поведение возможно, однако цель запрета состоит в его предотвращении, то есть в создании условий его юридической невозможности¹.

Как форма реализации права соблюдение направлено на сохранение неизменности существующих правовых связей, поддержание стабильности и порядка в обществе. Не случайно запрет является наиболее древним регулятором поведения человека. Именно табу, в основе которого лежит категорический запрет, можно считать прообразом современной юридической нормы². Сегодня запреты и реализующее их соблюдение играют важнейшую роль в упорядочивании общественных отношений, охране прав, свобод и законных интересов граждан посредством создания юридического барьера для общественно вредного поведения. Поведение граждан, отвечающее признакам соблюдения (то, когда мы не переходим улицу на красный свет, отдаем вовремя долг, учитываем интересы других людей), А.Б. Венгеров называет «рутинным», отмечая, тем не менее, его безусловную значимость для поддержания стабильности и баланса интересов внутри социума³.

Ввиду общей тенденции, заключающейся в том, что право сейчас все больше не запрещает, а позволяет, постепенно возрастает роль такой формы реализации права, как *использование*, посредством которой претворяются в жизнь управомочивающие нормы. Использование заключается в активной

¹ См.: Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 10–11.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 24–26.

³ См.: Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 362.

реализации субъектом по своему усмотрению предоставленных ему законом возможностей. Все многообразие данных возможностей охватывается понятием «дозволения», основными видами которых выступают права, свободы и законные интересы. Благодаря использованию права главным образом удовлетворяются частные (личные) потребности и интересы, однако это, в свою очередь, способствует и обеспечению интереса общественного.

Исполнение права подразумевает активные действия субъектов по реализации возложенных на них обязанностей. Таким образом, посредством данной формы воплощаются в жизнь обязывающие нормы. Поскольку исполнение как форма реализации права представляет собой основной предмет нашего исследования, подробный анализ его понятия, признаков, функций и т.д. будет проведен в последующих параграфах настоящей работы.

Рассмотренные формы реализации права объединяет то, что они не требуют вмешательства со стороны государства. Иначе говоря, соблюдение, использование и исполнение являются формами непосредственного претворения юридических норм в жизнь. Что же касается опосредованной реализации права, то существует всего одна форма – применение.

Приступая к рассмотрению применения как формы реализации права, прежде всего, следует отметить ее «обособленность» от всех иных форм. Обобщая встречающиеся в юридической литературе позиции, применение права (правоприменение) можно определить как властную организационную деятельность компетентных субъектов – государственных органов и должностных лиц – по рассмотрению и разрешению юридических дел, оформляемую изданием актов применения – индивидуальных правовых предписаний. Приведенная дефиниция позволяет выявить признаки применения, отличающие его от остальных форм правореализации, к которым относятся: во-первых, властный характер, во-вторых, особый субъектный состав, в-третьих, специально предусмотренная форма проистекания (осуществления), предполагающая строгий порядок,

организованность и четкость действий, в-четвертых, установленный результат – издание правоприменительного акта, который в свою очередь также выделяется в ряду всех прочих правовых актов.

Все вышеперечисленные признаки имеют важное значение для характеристики сущности применения как формы реализации права. И все же главным индивидуализирующим признаком, обуславливающим по сути все остальные, следует признать именно властную природу правоприменения. С.С. Алексеев подчеркивает важность выделения деятельности, не просто сопряженной с организацией претворения в жизнь норм права, а предметно выражающей государственно-властные функции специальных органов¹. Ю.Н. Бро в предлагаемой им дефиниции также на первое место ставит указание на государственно-властный характер деятельности уполномоченных органов, составляющей предмет правоприменения².

Идею «властности» правоприменительной деятельности поддерживают и другие ученые³. В соответствии с ней, только государственные органы и должностные лица могут применять право, что же касается граждан, то они лишь участвуют в применении правовых норм государственными органами, сами их не применяют, а только исполняют, соблюдают и используют⁴. В принципе, именно данная точка зрения, на наш взгляд, наиболее объективно отражает реальность.

Тем не менее, ряд авторов занял противоположную позицию, заключающуюся в том, что юридические нормы могут применять не только государственные органы и должностные лица, но также граждане и общественные организации. Так, С.Ф. Кечекьян утверждает, что применение

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права // Свердловск. 1966. Вып. 4. С. 12.

² См.: Бро Ю.Н. Изучение фактических данных и обстоятельств дела в процессе применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 4.

³ См.: Орзих М.Ф. Указ. соч. С. 100; Сапун В.А. Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. № 1. С. 6–8; Маликов М.К. Проблемы реализации права. Иркутск, 1988. С. 44 и др.

⁴ См.: Галанза П.Н. О применении советских правовых норм // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 96.

равно как соблюдение и исполнение является функцией всех субъектов права, следовательно, все они в равной мере могут соблюдать, исполнять и применять юридические нормы¹. Также полагает, что правоприменительная деятельность не сводится только к действиям государственных органов, предлагая дифференцировать ее не по субъектам, а по характеру их поведения, П.Е. Недбайло².

Г.И. Федькин аргументирует аналогичную точку зрения тем, что если граждане и общественные организации будут исключены из процесса осуществления норм права, то это может нарушить демократические основы государства³. Думается, автор в данном случае допускает смешение понятий «применение» и «осуществление», в то время как они не тождественны друг другу. Впрочем, даже чисто семантически осуществление гораздо ближе по смыслу к понятию «реализация», нежели «применение», не говоря уже о том, что, при переходе в юридическую терминологию четкость разграничения вышеназванных терминов лишь усиливается.

Возможность существования невластного начала в правоприменении подвергалась резкой критике со стороны С.С. Алексеева, который придерживался жесткой позиции относительно объективной обособленности применения права от иных форм правореализации именно ввиду его властной природы. «Только при государственно-властной трактовке применения права, – писал он, – открывается широкая перспектива решения не только социально-политических вопросов правового регулирования, но и специально-юридических, организационно-технических»⁴.

«Созвучно» с приведенной классификацией форм реализации права на непосредственную и опосредованную деление правореализующей

¹ См.: Кечекьян С.Ф. Норма права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 32.

² См.: Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 137.

³ См.: Федькин Г.И. Применяют ли граждане и общественные организации нормы права? Советское государство и право. 1955. № 2. С. 109.

⁴ Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 204.

деятельности на властную и невластную¹. Для непосредственного претворения норм права в жизнь (соблюдения, исполнения либо использования) властного вмешательства не требуется, в то время как специфика правоприменения как опосредованной формы реализации права заключается именно в привлечении к данному процессу представителей власти.

Некоторые авторы, в частности, Т.В. Милушева, полагают, что выделение вышеперечисленных четырех форм реализации права является весьма условным². Она утверждает, что соблюдение, исполнение, использование и применение ни в коем случае не являются взаимоисключающими абстракциями, поскольку они взаимосвязаны и переплетены в своем действии. Даже признавая, что в последнем суждении есть зерно истины, мы не можем не отметить очевидную теоретическую и практическую пользу проведения классификации форм реализации права. Можно согласиться с А.Б. Венгеровым в том, что разграничение форм реализации права позволяет индивиду выбирать из богатого арсенала юридических средств способ наиболее оптимального поведения, наиболее экономичные и действенные инструменты для достижения желаемых целей³.

Несмотря на то, что проанализированную четырехчленную градацию можно с известной долей уверенности назвать традиционной, некоторые авторы предпринимают попытки разработки собственной терминологии в данной сфере, начиная от простого «переименования» классических вариантов (например, Г.А. Жигачев употребляет словосочетание «соблюдение обязанностей» вместо устоявшегося выражения «соблюдение

¹ См.: Яковлев В.Ф. Реализация права и отраслевые методы правового регулирования // Проблемы применения советского права. 1973. Вып. 22. С. 5.

² См.: Милушева Т.В. Исполнительная власть как форма реализации права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 8.

³ См.: Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 380.

запретов», имея ввиду фактически то же самое¹⁾ и заканчивая более «креативными» вариантами.

А.С. Пиголкин в своих трудах рассматривает в качестве форм реализации права активные действия, воздержание от действий и административное правоприменение²⁾. Однако очевидно, на наш взгляд, что автор фактически подразумевает традиционные формы реализации права – исполнение и использование (объединяя их характеристикой активности действий), а также соблюдение и применение. В свою очередь, Л.Н. Завадская выделяет две основные формы реализации – автономную и авторитарную. Но и здесь мы не можем обнаружить какой-то «революционной» идеи, ибо понятно, что автономные формы – это все те же соблюдение, исполнение и использование, а авторитарная – это, безусловно, применение.

Иногда исследователи в своих работах идут дальше, не только меняя терминологию, но и предлагая новые подходы к самой сути выделения форм правореализации. В частности, свое видение вариаций реализации права изложил Л.С. Явич, полагая, что она возможна, во-первых, благодаря морально-политическому влиянию права, во-вторых, посредством закрепления и воплощения в реальность прав и обязанностей в правоотношениях неконкретного характера и, в-третьих, в рамках определенных правоотношений³⁾. Специфика данной классификации, на наш взгляд, заключается в том, что она берет за «исходную точку» не характер правореализующих действий (как во всех предыдущих случаях), а средства претворения нормы в жизнь, происходит определенное пересечение с градацией форм и способов воздействия юридических норм на поведение субъектов.

¹⁾ См.: Жигачев Г.А. Правореализация на современном этапе: конфликты, проблемы, противоречия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 9 (101). С. 322.

²⁾ См.: Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 26–36.

³⁾ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 112.

Критически, на наш взгляд, также следует отнестись к теории Ю.Х. Калмыкова, заключающейся в выделении только двух форм реализации норм права – применения как процесса регулирования социальных отношений и соблюдения, охватывающего все многообразие воздействия права на поведение людей. Ученый обосновывает свою позицию связью рассматриваемых им форм с основными функциями права – регулятивной и охранительной¹. По нашему мнению, данная «усеченная» градация не учитывает специфику вариаций непосредственного претворения в жизнь правовых норм, а потому вряд ли может претендовать на универсальность.

В противовес изложенному выше «усеченному» подходу встречаются и расширенные варианты, включающие большее, нежели традиционные четыре, число форм реализации права. В частности, Б.В. Шейндлин настаивает на существовании пяти форм, к числу которых относит:

- 1) реализацию правового статуса субъектов;
- 2) воздержание от запрещенных действий;
- 3) осуществление правомочий и исполнение обязанностей;
- 4) фактическое воплощение в реальность субъективных прав и юридических обязанностей их носителями – участниками правоотношений;
- 5) применение юридических санкций².

Как нам кажется, в приведенной градации произошло смешение оснований выделения форм реализации права, которое не дает возможности создания четко структурированного подхода к исследуемому вопросу.

В литературе отдельно выделяют такое понятие, как «действие права», рассматриваемое, в частности, на примере прямого действия Конституции Российской Федерации, обусловленного целым рядом факторов политического, экономического и правового характера. При этом понятие «действие права» трактуется как самостоятельная социальная форма

¹ См.: Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С. 9–11.

² См.: Шейндлин Б.В. Сущность советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1962. С. 26.

реализации права, охватывающая все остальные формы, как обобщенная характеристика претворения права в жизнь¹.

Как мы уже говорили выше, значимость самого понятия «реализация права» и обозначаемого им явления сложно переоценить. Право проявляет свою «полезность» исключительно в ходе реализации. Уместно в этой связи вспомнить слова, сказанные еще Петром I: «Все законы писати, когда их не исполняти». Реализация права позволяет претворить в жизнь все его потенциальные возможности, ибо право ценно не только и не столько само по себе, а главным образом, потому что благодаря ему удовлетворяются самые разнообразные интересы максимально широкого круга субъектов. Прежде всего, имеются ввиду частные интересы, отражающие потребности граждан, для удовлетворения которых государство предоставляет и гарантирует им широкий спектр прав и свобод. Также посредством процесса реализации права обеспечивается и публичный интерес, заключающийся в самом общем плане в поддержании в социуме законности и правопорядка, основывающихся на неукоснительном соблюдении предписаний юридических норм.

Таким образом, реализация права – не самоцель, а средство достижения иных практических целей². Данные цели, продиктованные потребностями и интересами, побуждают субъекта начать процесс правореализации, для чего он в большинстве фактических ситуаций вступает в правовые отношения.

Мы специально употребили словосочетание «в большинстве случаев», ибо, как известно, в любом правиле есть исключения. Правило в данном случае справедливо в отношении предоставительно-обязывающих норм, которые непосредственно регулируют поведение людей и имеют наибольший удельный вес в общем объеме нормативного материала. Однако в праве присутствуют и исходные (отправные) нормы (дефинитивные,

¹ См.: Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 370–388.

² См.: Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществления права. Л., 1987. С. 59.

декларативные, нормы-принципы, нормы с неопределенным содержанием и др.), претворение в жизнь которых происходит вне правовых отношений. В их реализации ведущую роль играют системные связи с непосредственно регулятивными (т.е. предоставительно-обязывающими) юридическими нормами.

Так, к нормам с неопределенным содержанием относят общие запреты и общие дозволения, которые могут считаться реализованными и не будучи облаченными в конкретные правоотношения. Пользуясь своим конституционным правом на свободу мысли (т.е. реализуя его), гражданин зачастую ни в какие правоотношения не вступает. Не возникают правоотношения и при осуществлении собственником правомочия владения имуществом, хотя его субъективное право при этом, тем не менее, реализуется.

Теория деления правоотношений на абсолютные и общерегулятивные имеет уже более полувековую историю, однако спорные вопросы в связи с ее применимостью в конкретной ситуации возникают и по сей день. Как отмечается в литературе, общее юридическое воздействие осуществляется вне правоотношений, конкретное – исключительно посредством правоотношений¹.

Закономерно в этой связи возникает вопрос, а можно ли говорить о реализации права в случае бездействия субъекта? Понятное дело, что поскольку существуют активные (использование и исполнение) и пассивная (соблюдение) формы реализации права, то законодатель фактически согласился с возможностью реализации права посредством бездействия в последнем случае. Когда запреты, установленные в обществе, соблюдаются, то никто не поспорит с тем, что право тем самым действует, т.е. реализуется. Если субъект бездействует в отношении возложенной на него обязанности, тут сомнений в квалификации ситуации также не возникает. Право в данном случае не реализуется, а за неисполнение юридических обязанностей, в

¹ См.: *Калмыков Ю.Х.* Указ. соч. С. 9.

отличие от нравственных, предусматривается наступление ответственности, иначе они бы таковыми не являлись.

Другое дело, как трактовать случаи, если субъект ведет себя пассивно не в отношении запрета (что естественно и правильно) или обязанности действовать (что однозначно противоправно), а применительно к предоставленному ему субъективному праву. Можно ли считать бездействие, т.е. не использование лицом предоставленных ему законом возможностей, реализацией права? Одни ученые отвечают на данный вопрос отрицательно. Например, Ю.С. Решетов настаивает на том, что если субъект не использовал право даже по собственной воле, то соответствующая юридическая норма не реализуется, ибо такие поступки не могут быть оценены с юридической точки зрения¹.

Однако другие ученые готовы с этим поспорить, хотя бы на том основании, что бездействие в отношении права может быть рассмотрено в качестве такого же проявления воли субъекта, как и активные действия по его реализации. По мнению Д.Н. Горшунова, это специально оговаривается в некоторых юридических нормах, соответственно, прописываются и правовые последствия, которые правомерно рассматривать в качестве результата реализации нормы². В качестве примера можно привести возможность отказа от исповедания какой бы то ни было религии (атеизм) в рамках свободы вероисповедания (права на свободу вероисповедания), ведь вряд ли кто возьмется утверждать, что право в данном случае не реализуется.

Господствующей является точка зрения, согласно которой реализация права связана не просто с юридически значимым, но именно с *правомерным* поведением людей. Об этом говорит, в частности В.В. Лазарев, настаивая на том, что претворение в жизнь юридических норм достигается исключительно

¹ См.: Решетов Ю.С. Указ. соч. С. 8–9.

² См.: Горшунов Д.Н. Цель в механизме правореализации // Международные юридические чтения. Материалы научно-практической конференции (14 апреля 2005 г.). Ч. 1. Омск, 2005. С. 31–34.

правомерным поведением¹. Иными словами, только из поведения, полностью укладывающегося в рамки закона, складывается реализация норм права. И лишь в таком случае происходит достижение целей правового регулирования.

Факта удовлетворения только одного, чьего-либо интереса недостаточно для констатации того, что право реализовано. Так, скажем, при злоупотреблении субъекта правом удовлетворяется его личностный эгоистический интерес, однако реализуется ли в этом случае право как таковое? Несмотря на формальную незапрещенность деяния, его сущностная противоправность не дает оснований говорить в подобных условиях о реализации права. Думается, для однозначного толкования каждой из возникающих либо возможных ситуаций необходимо не только исходить из критерия удовлетворения посредством определенных действий (бездействия) различных интересов, но и брать в расчет, достигаются ли цели принятия юридической нормы, иными словами – реализуется или нет социальное предназначение права.

При этом правомерное поведение, о чем мы будем говорить далее, далеко не однородно в своей основе и варьируется от социально полезного, поощряемого государством до допустимого. В случаях, когда возможны несколько моделей правомерного поведения, особое значение имеет принцип нравственной обусловленности правореализационной ситуации. Предпочтение в таких ситуациях должно отдаваться модели добросовестного (добропорядочного) поведения. И, пожалуй, наибольшую актуальность данный принцип имеет в деятельности судей и иных специальных субъектов².

Таким образом, понятие реализации права, обозначая в самом общем плане воплощение в жизнь правовых норм во всех формах и всеми способами, благодаря чему удовлетворяются самые разнообразные интересы

¹ См.: *Лазарев В.В.* Применение советского права. Казань, 1972. С. 9.

² См.: *Погодин А.В.* Содержание и методология теории реализации норм права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 4. С. 13.

максимально широкого круга субъектов, выступает одной из базовых, центральных юридических категорий, очерчивающей функциональное назначение права как средства регулирования отношений в обществе и выявляющей в этой связи его социальную ценность.

Будучи неоднородной в своей содержательной основе, реализация правовых норм происходит посредством одной из четырех основных форм – как непосредственным образом (в процессе использования, исполнения или соблюдения права), так и опосредовано (в результате его применения). Их выделение (за исключением единственной формы опосредованной реализации права – применения) основывается на специфике характера действий, направленных на перевод из идеального образа в реальность соответствующего вида юридических норм (управомочивающих, обязывающих и запрещающих), классификация которых, в свою очередь, проистекает из базовой градации способов воздействия государства посредством права на поведение людей. Данные корреляционные связи имеют самое непосредственное отношение к уяснению сущности каждой из форм (видов) реализации права, характеризующихся собственным набором признаков, функций, объектами, субъектами, формами и средствами осуществления.

§ 1.2. Исполнение права: понятие, признаки, функции

Несмотря на отмеченную в предыдущем параграфе работы «очевидность», «бездискуссионность» понятий реализации права и основных его форм, в научной литературе наблюдается, некоторая, на наш взгляд, ограниченность в отношении дефинитивной формулировки данного феномена. Можно встретить, в частности, такое мнение: «слово "исполнительное" (как отглагольное прилагательное – пояснение наше, В.Ш.) вряд ли требует какого-то дополнительного разъяснения, так как

говорит само за себя: исполнить, значит выполнить что-нибудь»¹. Вместе с тем, кажущаяся простота понятия «исполнение права» приводит к тому, что должное, качественное его определение (научно обоснованное, логически непротиворечивое, лаконичное, но при этом емкое) на настоящий момент времени фактически отсутствует.

Мы не случайно употребили словосочетание «кажущаяся простота» по отношению к основному предмету нашего исследования, поскольку понятие «исполнение права» обозначает собой сложное юридическое явление, требующее комплексного научного анализа. И начальным его этапом, на наш взгляд, должно стать подробное рассмотрение понятия исполнения как формы реализации права, основывающейся на таком его базовом свойстве, как нормативность.

Хотя императивность присуща всем юридическим нормам², нормы права принято делить на управомочивающие, обязывающие и запрещающие. Данная практика проистекает из теории способов правового регулирования. И здесь хронологическая связь именно такова: способы детерминировали обособление соответствующего вида норм, но не наоборот. Это обуславливается тем, что способы правового регулирования – запрет, дозволение, обязывание – это не обычные правовые средства, они, как в свое время подчеркивал С.С. Алексеев, «относятся к глубинам правовой материи, образуют, если угодно, проматерию, провещество – тот первичный, исходный материал, который так или иначе проявляется в различных юридических классификациях и из которых складываются основные конструктивные построения позитивного права, типы регулирования»³.

¹ Иванова В.В. Правовая природа и сущность принудительного исполнения исполнительных документов неимущественного характера // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2. С. 93.

² См.: Байтин М.И. Указ. соч. С. 251.

³ Алексеев С.С. Юридические конструкции – ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М., 2001. С. 12.

Невзирая на устоявшийся характер и в целом научную общепризнанность, некоторые современные исследователи выступают против теории «чистого» деления норм на виды. Как отмечает, например, И.Е. Сенников, в содержании многих норм права можно обнаружить элементы различных способов правового регулирования, поэтому причисление конкретной юридической нормы к отдельному их виду (управомочивающим, обязывающим (предписывающим) либо запрещающим) можно расценить как весьма условное, обусловливаемое большим удельным весом характеристик соответствующего способа правового регулирования. Из этого следует, по мнению исследователя, что большинство юридических норм не может быть претворено в жизнь в рамках какой-либо одной формы, причем независимо от принадлежности к конкретному виду¹.

Если идти вслед за автором в его рассуждениях, то сомнению могут быть подвергнуты не только концепция способов правового регулирования, классификация видов юридических норм, но и многие теоретико-логические конструкции, полученные в результате длительных научных изысканий. Понятно, что ни одна теория в рамках юридической науки не может претендовать на универсальность и «истинность в последней инстанции», однако каждая из них, в том числе и обосновавшая выделение форм реализации права на основе соответствующего вида юридических норм, систематизирует имеющиеся разрозненные знания и создает теоретико-методологическую базу для дальнейших, как общетеоретических, так и отраслевых исследований.

Итак, когда мы употребляем понятие «исполнение права» в рамках теории форм реализации последнего, то в содержательной квинтэссенции мы подразумеваем перевод из идеального образа в реальность именно обязывающих и никакого другого вида норм, ибо для каждого из них

¹ См.: Сенников И.Е. Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 7.

существует своя собственная форма претворения в жизнь. Иными словами, любая правовая норма, в которой присутствует элемент обязывания, реализуется посредством исполнения. Столь же верным будет и обратное утверждение: исполнение – это форма реализации права, благодаря которой претворяются в жизнь обязывающие нормы (обязанности).

Необходимо оговориться, что, когда речь идет об исполнении права, то имеется в виду реализация не всех обязанностей, а только тех, которые выступают средством правового регулирования. В свое время еще П.И. Новгородцев выделял два базовых вида обязанностей: нравственные и юридические. Обязанности первого вида осознаются субъектом как свободные, которым не противостоит соответствующее притязание других лиц. Второй же вид обязанностей, напротив, отличается отношением к ним как к несвободным, что означает наличие у них неременной связи с соответствующими правами других лиц¹. И если нравственные обязанности выходят за пределы сферы действия права, относясь к регулятору иного рода, обладающему собственным набором обеспечительных средств, – морали, то обязанности юридические, как следует уже из самого названия, направлены непосредственно на предмет правового регулирования.

Кратко юридическую обязанность определяют как меру необходимого с точки зрения правовых норм поведения, закрепленную для удовлетворения интересов лица, обладающего корреспондирующим правом.

Главным сущностным признаком обязанностей является то, что в них заключена *необходимость* определенного поведения, которую государство признает в качестве таковой и оформляет в виде юридической нормы. Соответственно, их реализация должна обеспечиваться специально созданным механизмом, включающим набор особых способов, методов и средств. Обязанности, имея властно-повелительную природу, всегда

¹ См.: Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 58.

«подкреплены» силовым началом¹, оперирующим такими категориями, как «ответственность», «наказание», «неблагоприятные последствия». Такое понятие, как юридическая ответственность, появилось и существует во многом «благодаря» обязанностям и их присутствию в праве².

Уяснению сущности феномена исполнения обязанностей, по нашему мнению, может существенно помочь рассмотрение вопроса их соотношения с правами в различных его вариациях, охватываемых общим понятием «единство».

Уже в самом определении обязанностей содержится недвусмысленное указание на их взаимосвязь с правами. Не случайно, практически любой аспект характеристики обязанностей, будь то дефиниция, структура или классификация рассматривается либо может быть рассмотрен в сопоставительном срезе с соответствующим признаком субъективных прав. Так, структуру юридической обязанности можно представить в виде четырехэлементной системы, где каждый компонент противостоит одному из правомочий, входящих в состав субъективного права. В результате получаем, что обязанность состоит из четырех базовых «необходимостей»: 1) совершения конкретных действий (либо воздержания от них); 2) реагирования на обращенные к обязанному лицу требования управомоченного лица; 3) несения ответственности, т.е. претерпевания неблагоприятных последствий за неисполнение предписаний, составляющих сущность обязанности; 4) не препятствования управомоченному лицу пользоваться социальным благом, образующим предмет соответствующего права³.

Т.С. Грачев в своей диссертационной работе, предметно посвященной единству прав и обязанностей, обосновал существование нескольких его моделей, т.е. вариаций соотношения. Наиболее распространенной является

¹ См.: Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Правовая культура. 2016. № 1. С. 23–25.

² См.: Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение: монография. М., 2013. С. 306.

³ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 423.

модель, в которой права и обязанности выступают как парные (противопоставляемые по содержанию, но равновеликие по значению) категории, образуя ядро правового статуса личности и содержание правоотношений. Помимо данной, «классической» модели автор выделяет еще две возможные вариации соотношения, которые обозначает как «права внутри обязанностей» и «права и обязанности одновременно». Первая из них заключается в наличии нескольких возможностей в рамках одной общей (причем главной) необходимости, вторая указывает на дифференцированную направленность одной и той же нормы применительно к разным субъектам: для одних она означает дозволенность, для других – долженствование¹.

Уделил внимание рассмотрению соотношения указанной пары категорий уже на уровне докторской диссертации и Е.В. Вавилин, исследуя механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей. Используя термин «конфигурация», он говорит о возможности неодинакового их сочетания в конкретном правоотношении. Согласно его точке зрения, встречаются три основные вариации: 1) их полная полярность; 2) взаимопроникновение и частичное совмещение в каких-либо структурных компонентах; 3) совпадение в целом использования права и исполнения обязанности².

Итак, несмотря на возможность буквального толкования термина «единство», его не следует приравнивать к полному слиянию, смешению прав и обязанностей. Такую ошибку мы можем встретить даже в трудах классиков теории права. Так, О.С. Иоффе суть субъективного права видел в том, что необходимо сделать носителю корреспондирующей обязанности³, нивелируя тем самым сущностные различия двух самостоятельных

¹ См.: *Грачев Т.С.* Права и обязанности: модели единства // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск "Правоведение". 2009. № 5 (8). С. 31–33.

² См.: *Вавилин Е.В.* Структура механизма осуществления прав и исполнения обязанностей: к обоснованию подхода // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 3 (67). С. 81–85.

³ См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды. В 4-х томах. Т. 3. СПб., 2004. С. 53.

юридических феноменов. Здесь мы солидарны с Ю.К. Толстым, отмечающим возникновение при таком подходе опасности полного стирания границ между правом и обязанностью¹.

Регулирование поведения субъектов посредством предоставления прав и возложения обязанностей противоположно по своей сути. Использование субъективного права зависит от желания (т.е. воли) его носителя, предоставляя ему максимальную среди всех юридических средств свободу выбора. В противовес этому исполнение обязанности есть запрограммированный процесс, детерминируемый не самим субъектом, а извне. В исполнении обязанности всегда заложено определенное предписание, долженствование, необходимость, в то время как ключевыми в понимании использования права выступают такие понятия, как «дозволение», «возможность», «свобода».

Желание использовать субъективное право исходит от самого субъекта, и формируется оно под воздействием самых различных факторов. Мотивация же к реализации обязанностей гораздо более «предсказуема», ведущим ее фактором выступает потенциальная возможность наступления юридической ответственности за ее неисполнение и стремление ее носителя избежать наступления неблагоприятных последствий. При всем при этом и использование субъективных прав, и исполнение обязанностей, если они происходят в реальности, в общем и целом соответствуют интересам субъекта, но интересам различного рода: в первом случае интерес заключается в получении какого-либо блага (материального или нематериального) «сверх» уже имеющихся, во втором – в возможности не понести ущерба (который также может быть как материальным, так и нематериальным)².

¹ См.: Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении // Правоведение. 1969. № 1. С. 32–36.

² См.: Гукасян Р.Е. Личные интересы в механизме правового регулирования // Защита личных и общественных интересов в гражданском судопроизводстве. Сборник научных трудов. Калинин, 1985. С. 12.

Таким образом, исследование юридической природы исполнения как формы реализации права может быть более результативным в рамках сопоставительного анализа его с «противоположной» формой – использованием. Это обуславливается тем фактом, что права и обязанности принято рассматривать как парные категории¹, следовательно, аналогичным образом могут быть истолкованы и формы их реализации.

Исполнение и использование, несмотря на очевидную их параллель как форм реализации одного из видов юридических норм (управомочивающих и обязывающих соответственно), тем не менее, в сути своей имеют принципиальные различия, основанные на неодинаковости регулятивного потенциала соответствующих правовых средств. Права, предоставленные субъектам, не обязательно должны быть претворены в жизнь, хотя законодатель, безусловно, заинтересован в реализации большинства из них. При этом отношение к использованию прав может варьироваться от желательного и поощряемого до нейтрального, но допустимого. Таким образом, использование права может произойти, а может и не произойти, и каждый из этих вариантов укладывается в рамки законодательного замысла. Обязанности же, и это очевидно, исходя хотя бы из этимологии самого слова («обязанность» – «обязан» – «обязательно»), *должны* быть реализованы, иначе законодатель не обратился бы к соответствующему юридическому средству. В исполнении обязанности и состоит, собственно, их смысл.

Обязанность включает в себе юридическую (т.е. признанную государством в качестве таковой) необходимость определенного поведения, совершения неких действий. Однако юридическая необходимость вовсе не означает того, что она автоматически перейдет в фактическую, другими словами, обязанность будет исполнена. Неисполнение в отличие от его положительного антипода может представать в различных вариантах – как «классическом», т.е. просто неисполнении, так и в виде ненадлежащего –

¹ См.: Рудаков А.А. Соотношение прав и обязанностей как парных юридических категорий // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. № 3. Красноярск, 2006. С. 167–169.

(некачественного, неполного и (или) несвоевременного) исполнения, которые при этом обозначаются одним и тем же термином. Исходя из противного, основными требованиями к исполнению выступают *полнота, качество и своевременность*, причем в своей совокупности. Это означает то, что без удовлетворения хотя бы одного из них об исполнении как таковом речь идти не может.

Юридические обязанности могут быть классифицированы по различным основаниям: в зависимости от субъекта – на общие и специальные, времени действия – на постоянные и временные и т.д. Применительно же к тематике нашего исследования наибольший интерес представляет градация обязанностей, исходя из характера их реализации – на активные и пассивные. Первые можно назвать обязанностями в собственном смысле слова. Они в отличие от пассивных обязанностей содержат в себе некое «новое обременение», которое подразумевает совершение определенными лицами действий, которые они, возможно, не предприняли, либо предприняли, но иным способом, нежели предписывается в юридической норме¹.

Данная базовая градация обязанностей – на активные и пассивные – легла в основу выделения соответствующих способов правового регулирования (позитивные обязывания и запреты) и видов юридических норм (обязывающие и запрещающие). Несмотря на то, что юридические запреты есть те же юридические обязанности, только пассивного характера (обязанности воздерживаться от конкретного рода действий), для них существует отдельная форма реализации – соблюдение. С чем это связано? Ответ, думается, заключается в специфике запретов по отношению к другим способам правового регулирования, обособляющим их не только от дозволений, но и от позитивных обязываний. Дело в том, что их целью выступает не предметное регулирование неких отношений, а превенция их

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 59.

возникновения. Общее назначение запретов – сделать так, чтобы в определенных случаях субъекты права не превращались в субъектов правоотношений, что необходимо для нормального, должного функционирования правовых связей и поддержания правопорядка в обществе¹.

Таким образом, выделение самостоятельных форм реализации права применительно к двум видам обязанностей представляется вполне оправданным, ибо оно продиктовано сущностными различиями в целях правового регулирования, достигаемых в каждом из данных случаев.

Ранее мы упоминали, что существует два основных пути реализации норм права – вне правоотношений и в рамках правоотношений. Возникает закономерный вопрос: можно ли экстраполировать данную градацию на исполнение как форму воплощения в реальность обязывающих норм? И как следствие, *может ли быть обязанность реализована в форме бездействия?*

По нашему мнению, обязанности всегда реализуются в рамках конкретных правоотношений, что представляет собой специфический, сугубо юридический способ их претворения в жизнь. В этом особенно отчетливо проявляется единство прав и обязанностей, выражающееся в строгой корреляционной взаимосвязи использования первых и исполнения вторых. В конкретных правоотношениях правам одной стороны корреспондируют обязанности другой, и наоборот, обеспечивая взаимную реализацию.

В ряде случаев именно исполнение обязанности (обязанностей) одной стороной является залогом реализации корреспондирующего права (прав) другой стороны, т.е. фактически именно обязанности определяют существо правоотношений. В качестве иллюстрации можно привести практически любой гражданско-правовой договор, начиная с договора купли-продажи, конструкция которого, согласно ст. 454 ГК РФ строится на встречных обязанностях продавца и покупателя.

¹ См.: Игнатенкова К.Е., Аминев А.Т. Роль юридических норм в процессе детерминации поведения личности // Академический юридический журнал. 2010. № 1 (39). С. 13–15.

В иных же случаях правоотношения детерминируются поведением управомоченного лица, более того, без проявления им инициативы соответствующие правоотношения в принципе не возникают. К таковым, например, можно отнести регулирование вопросов поступления на работу в трудовом праве: именно инициатива работника, выражающаяся в подаче заявления о приеме на работу, вызывает к жизни обязанность работодателя его рассмотреть, заключить с соискателем трудовой договор (либо отказать в этом), т.е. образование между данными субъектами трудовых правоотношений как таковых. Обязанности в описанном и тому подобных случаях как бы «вторичны», т.е. производны от соответствующих прав субъектов, которые могут как использовать, так и воздержаться от их использования. Исполнение обязанностей, обусловленное исключительно инициативой управомоченного субъекта в правоотношении, называют пассивным¹. Однако и в этом случае обязанность реализуется посредством *действия*.

Своеобразное исключение, на первый взгляд, представляет собой исполнение обязанностей, вытекающих из приговоров суда, предусматривающих наказание в виде ограничения свободы, лишения свободы, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и т.п. В таком случае, казалось бы, лицо (преступник) может исполнить возникшую у него обязанность именно посредством бездействия. Однако здесь все далеко не так однозначно.

Во-первых, данные обязанности могут быть рассмотрены как запреты. Например, в ст. 47 Уголовного кодекса Российской Федерации так и закреплено, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в *запрещении* занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления

¹ См.: Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. 2-е изд. Л., 1987. С. 467.

либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью. Поэтому вполне естественно, что реализуются данные нормы посредством соблюдения, т.е. *пассивно*.

Во-вторых, реализация указанных обязанностей не исключает некоторого рода активности. Так, ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному определенных ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом в рамках общей обязанности по претерпеванию указанных ограничений осужденный обязан *являться* (т.е. действовать) в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы с установленной периодичностью для регистрации (ст. 53 УК РФ).

Лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима, либо в тюрьму (ст. 56 УК РФ). Однако там ему юридически запрещено покидать самовольно данные учреждения (он обязан не совершать побег, и в этом смысле бездействовать). Кроме того осужденный должен соблюдать правила данных учреждений, следовать установленному распорядку дня, иными словами, активно реализовывать возложенную на него приговором суда обязанность. То же можно сказать и в

отношении других обязанностей, возникающих у граждан по результатам вынесения судебных решений.

В качестве еще одного примера обязанностей, которые, казалось бы, реализуются посредством бездействия, можно привести обязанности, предусматриваемые правилами дорожного движения. Например, обязанность пропустить пешехода на пешеходном переходе, обязанность не двигаться на красный сигнал светофора и т.п. Однако если проникнуть в суть данных норм, то можно увидеть, что правила дорожного движения представляют собой определенный набор *запретов*, которые нельзя нарушать. Поэтому реализуются они прежде всего и главным образом посредством *соблюдения*, а исполнение в данном случае играет второстепенную роль и проявляется лишь в отдельных аспектах и только тогда, когда прямо закреплено. При этом обязанность пропустить пешехода или не двигаться на красный сигнал светофора (который не случайно по-другому именуется запрещающим) предусматривает то, что водитель остановится, предпримет торможение, что в любом случае предполагает какие-либо действия.

Таким образом, *без совершения определенных активных действий исполнить рассмотренные обязанности, равно как и любые другие, не представляется возможным*. При этом следует все же учитывать родственную юридическую природу позитивных обязанностей и запретов.

Если касательно исполнения обязанностей в рамках правоотношений ситуация достаточно понятна, то применительно к возможности реализации обязанностей вне правоотношений все далеко не так однозначно. Дело в том, что вне правоотношений реализуются, прежде всего, так называемые всеобщие права – такие права, которые предоставлены каждому субъекту по отношению ко всем другим субъектам. Этим правам корреспондируют особого рода обязанности, которые также можно именовать «всеобщими» – не нарушать, не посягать на данные права. Реализация всеобщих юридических обязанностей происходит посредством воздержания

неопределенного круга субъектов от любого рода поведения, которое могло бы препятствовать свободному использованию всеобщих прав каким-либо субъектом или привести к необходимости обращения к принудительным мерам. Но все вышесказанное характерно для запретов, которые, как мы знаем, представляют собой обязанности пассивного рода и которым корреспондирует своя, собственная форма реализации – соблюдение.

Итак, использование всеобщих прав и исполнение вытекающих из них всеобщих обязанностей также расценивается как реализация права, несмотря на то, что происходит она вне конкретных правоотношений. Однако всеобщие обязанности – это по своей сути запреты, что не дает оснований говорить о возможности исполнения обязанностей вне конкретных правоотношений. Таким образом, еще одним признаком исполнения выступает то, что оно всегда происходит в рамках конкретных правоотношений и исключительно посредством действий, во всех остальных случаях мы имеем дело с иными, а именно, с запрещающими нормами и другой формой реализации – соблюдением.

Следующий важнейший этап научного анализа понятия исполнения права связан с уяснением его функционального предназначения. Функции исполнения как формы реализации права проистекают из необходимости существования в праве и претворения в жизнь юридических обязанностей. Таким образом, вопрос значимости исполнения как формы реализации права можно считать производным от уяснения функциональной роли обязанностей в правовом регулировании.

Здесь следует обратиться к историческому аспекту проблемы. Советское время, то есть большая часть прошлого века характеризовалось доминированием обязанностей над правами – в отношениях обычных граждан с государством – и обратным положением вещей, если рассматривать позицию власти относительно населения. 90-е годы XX века стали рубежом, когда ситуация кардинальным образом поменялась, и для «измученного» многочисленными обязываниями и запретами российского

человека наступила «эра вседозволенности». При этом, после появления либо возвращения многочисленных личных прав (политических, экономических и др.), разумеется, был неизбежен уход в другую крайность – тотальное нивелирование в массовом сознании значимости обязанностей как способа обеспечения тех самых прав. Однако нельзя забывать о том, что, по меткому выражению Н.И. Матузова, «мы свободны потому, что взаимно обязаны»¹. Поэтому так важно прививать в общественное правосознание идею о необходимости не просто ограничения прав, но более того – в ряде случаев самоограничения (самообязывания) в пользу других.

Закрепление в праве юридических обязанностей в конечном итоге преследует цель нахождения баланса интересов в обществе – частных и публичных и его поддержание. Что касается взаимоотношений личных (частных) интересов, то обязанность обеспечивает реализацию соответствующего субъективного права. Она противопоставлена правомочиям другого субъекта и самим своим существованием выступает гарантией претворения предоставленных законом возможностей в жизнь. Однако подход к функциональному назначению обязанности исключительно как средству гарантии реализации субъективного права и обеспечения интересов управомоченного лица обедняет сущность рассматриваемого юридического средства. По мнению А.И. Экимова, значимость юридической обязанности не ограничивается ее потенциалом как обеспечительного средства удовлетворения потребностей отдельных субъектов. Она синтезирует в себе личный, общественный и государственный интересы. Более того, в качестве «миссии» юридической обязанности ученый называет обеспечение функционирования всей социально-политической системы государства².

Говоря о балансе интересов (публичных и частных), рассматриваемом через призму неизбежности существования в обществе обязанностей,

¹ Матузов Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 19.

² См.: Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. М., 1974. С. 85.

желательным является формирование положительного отношения граждан к данной неизбежности. Психологический аспект здесь приобретает особую важность: процент реализации норм права (в данном случае обязывающих) существенно повысится, если в этом будет заинтересовано не только государство, но и каждый человек. По поводу обеспечения в описанной ситуации публичного интереса сомнений не возникает – именно государство устанавливает обязанности в целях их полного и своевременного исполнения. Что же касается частных интересов, то и они опосредованно затрагиваются в ходе реализации обязывающих норм. Поддержание стабильности и правопорядка в обществе, обеспечение безопасности и суверенитета государства, создание условий для беспрепятственного осуществления прав и свобод личности, ее всестороннего развития – все это было бы невозможным без использования обязанностей как средства правового регулирования¹.

Таким образом, исполнение права выполняет следующие функции, в полной мере очерчивающие его социальное предназначение:

- 1) *оперативно-результативную* – посредством исполнения как формы реализации права претворяется в жизнь императив, заключенный в юридических нормах, и достигаются цели правового регулирования;
- 2) *обеспечительную* – исполнение служит цели обеспечения беспрепятственного использования субъектами предоставляемых правом возможностей, ввиду того, что в большинстве случаев для реализации прав одних субъектов необходимо исполнение обязанностей другими субъектами;
- 3) *балансирующую* – исполнение права способствует нахождению и сохранению баланса частных и публичных интересов в обществе;
- 4) *охранительную* – благодаря полному, качественному и своевременному исполнению обязанностей всеми гражданами возможно

¹ См.: Панов А.П. К вопросу о понятии юридической обязанности // Проблемы политической и правовой науки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 2007. С. 67–73.

поддержание состояния законности и правопорядка в обществе, охрана безопасности и суверенитета государства.

Исходя из этого, *правовыми последствиями* полного, качественного и своевременного исполнения права выступают:

- 1) достижение определенных целей в правовом регулировании;
- 2) обеспечение возможностей для реализации прав и законных интересов граждан;
- 3) установление баланса частных и публичных интересов в обществе;
- 4) создание необходимых условий для поддержания законности и правопорядка, охраны безопасности и суверенитета государства.

Анализ юридической природы исполнения как формы реализации права был бы не полным без освещения вопроса технологии ее нормативного закрепления. И начать его рассмотрение следует, безусловно, с анализа Конституции Российской Федерации. Даже «беглое» изучение ее текста свидетельствует о том, что законодатель уделяет существенно большее внимание проблеме использования права, нежели его исполнения – об этом говорит сравнение удельного веса двух групп норм, посвященных правам и обязанностям российских граждан соответственно. Среди специалистов иногда можно встретить мнение, что ситуацию, когда в Основном законе страны насчитывается несколько десятков прав, а обязанностей – буквально единицы, нельзя признать сбалансированной¹.

Не стоит, однако, обвинять законодателя в умышленном нивелировании значимости обязанностей как базового элемента правового статуса личности и «непременного атрибута зрелого правосознания»². В принципе, представленный в Основном законе страны подход к урегулированию данного вопроса, заключающийся в закреплении на конституционном уровне не всех, а только наиболее значимых юридических

¹ См.: Кабакова О.В. Место конституционных обязанностей в системе средств правового регулирования // Проблемы современной науки и практики. № 1 (3). Ставрополь, 2009. С. 9–11.

² Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. С. 281.

обязанностей, а именно, соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15), уплачивать закрепленные в законе налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду (ст. 58), защищать Отечество (ч. 1 ст. 59) следует признать стратегически рациональным и целесообразным с точки зрения экономии законодательных ресурсов. Полное, качественное и своевременное исполнение указанных обязанностей обеспечивает решение всех магистральных задач государственного масштаба, к которым относятся: поддержание правопорядка в обществе, личной безопасности, физического и психического здоровья граждан; эволюционное развитие рыночной экономики и частной собственности; сохранение достойного уровня качества жизни населения страны; организация системы безопасности государства и защита его суверенитета.

Исходя из упоминавшегося нами ранее принципа единства прав и обязанностей, без учета влияния которого немыслимо ни одно исследование, посвященное какому-либо одному из двух названных элементов, конституционные обязанности можно разделить на непосредственно прописанные в Конституции РФ и закрепленные косвенно¹. Первые мы уже перечислили выше, вторые же вытекают из конституционных прав граждан. Их выделение обусловлено тем, что без исполнения корреспондирующих обязанностей реализация (в форме использования) соответствующих прав не представляется возможной. Таковы, например, обязанность каждого уважать человеческое достоинство других людей, обязанность воспитывать детей, закрепляемая за родителями (корреспондируют статьям 21 и 38 Конституции РФ соответственно) и др.

Тем не менее, в литературе отмечается необходимость «уравновешивания» конституционных прав и обязанностей граждан путем прямого указания на необходимость исполнения последних как условия

¹ См.: Юнусов М.А., Юнусов Э.А. Формы реализации обязанностей человеком и гражданином // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 3. С. 64–66.

осуществления прав и свобод человека¹. Тем самым на уровне Основного закона страны будет смещен акцент по отношению к формам реализации права – с безусловного приоритета использования к равновесному сочетанию его с исполнением. Также логичным шагом было бы изменение названия главы 2 Конституции Российской Федерации, а именно уточнение предмета ее регулирования посредством добавления слова «обязанности» и изложение его в следующем варианте: «Права, свободы и обязанности человека и гражданина». Это важно хотя бы потому что ясность и четкость юридических норм являются необходимыми условиями их правильного уяснения адресатами предписаний.

На основе проведенного научного анализа считаем возможным предложить следующее определение интересующего нас явления: *исполнение права* – это форма реализации права, заключающаяся в полном, качественном и своевременном претворении в жизнь императивности права, его обязывающих предписаний, происходящая посредством действия в рамках конкретных правоотношений, служащая целям беспрепятственного использования субъектами предоставляемых правом возможностей, направленная в конечном счете на поддержание законности и правопорядка, а также баланса частных и публичных интересов в обществе.

Можно выделить следующие *признаки исполнения*, индивидуализирующие его среди иных форм реализации права:

- 1) в специально-юридическом смысле (с позиции деления юридических норм на виды) посредством исполнения претворяются в жизнь *обязывающие нормы*;
- 2) *основными требованиями* к нему являются качество, полнота и своевременность;
- 3) *способом исполнения* выступает как действие;
- 4) оно всегда происходит в рамках конкретных правоотношений;

¹ См.: Грачев Т.С. Указ. соч. С. 161.

5) благодаря ему обеспечивается беспрепятственное использование субъектами предоставляемых правом возможностей, что в конечном счете способствует поддержанию законности и правопорядка, а также обеспечению баланса частных и публичных интересов в обществе.

Однако оговоримся, что предложенное определение отражает узкий подход к содержанию исполнения. За его основу взята теория выделения форм реализации права согласно видам юридических норм при условии рассмотрения права в целом как системы оных. Однако с лингвистической позиции все далеко не так однозначно, что, в том числе, и обуславливает возможность широкого толкования понятия «исполнение права» с точки зрения его места и роли в механизме правового регулирования.

«Исполнение» как существительное, производное от глагола «исполнить», согласно современным толковым словарям означает «выполнение», «осуществление на деле», «претворение в жизнь»¹. Получается, что, исходя из словарного толкования, понятие «исполнение» по своему содержанию практически идентично анализируемому в предыдущем параграфе понятию «реализация». Экстраполируя данную идею на юридическую сферу, неизбежно приходим к выводу, что одинаковым будет и смысловое наполнение их производных – «реализация права» и «исполнение права», заключающееся в претворении содержащихся в праве предписаний в жизнь.

В то же время, напомним, что в теории права исполнение рассматривается как отдельный вид (либо форма) реализации права наряду с соблюдением, использованием и применением. С данной позиции понятие «реализация права» является родовым, а «исполнение права» – видовым.

Если мы говорим о формах реализации права – соблюдении, исполнении и использовании (мы сознательно не включаем в данный перечень применение, которое, как мы уже говорили выше, стоит

¹ См.: Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2011. С. 312.

«особняком» в ряду всех форм), то мы практически всегда делаем уточнение, какие же именно нормы реализуются в той или иной форме. Получается, что каждой из форм реализации (за исключением применения) корреспондирует соответствующий вид норм – используются управомочивающие нормы, соблюдаются запрещающие, а исполняются обязывающие.

Таким образом, налицо строгая корреляция форм реализации права и способов правового регулирования. Иными словами, каждый из способов правового регулирования – дозволение, запрет и позитивное обязывание проявляется посредством одной из трех форм реализации – использования, соблюдения либо исполнения соответственно.

До данного момента рассуждений все, казалось бы, вполне логично и бесспорно. Однако здесь мы опять сталкиваемся с особенностями русского языка, препятствующими созданию унифицированного подхода к употреблению терминов, связанных с претворением правовых норм в жизнь. Если в отношении запретов и лексически грамотным, и юридически корректным будет использование термина «соблюдение», обязанностей – «исполнение», то касательно прав такого единения не наблюдается. С позиции сочетаемости слов русского языка правильно говорить, что запреты *соблюдаются* (не *реализуются*), обязанности *исполняются* (также не *реализуются*), а права при всем при этом – именно *реализуются* (а не *используются*), что, безусловно, выбивается из общей теоретико-логической цепочки.

Получается, что устоявшееся и широко распространенное (и в нормативных правовых актах, и в научных работах, и в учебной литературе) выражение «реализация (субъективных) прав и исполнение (юридических) обязанностей» логически некорректно уже само по себе, ибо в первой его части применительно к однопорядковым понятиям употребляется родовое понятие-глагол, во второй – видовое.

Приведенный пример – далеко не единичный случай, когда правила и особенности русского языка идут вразрез с логикой юридической науки. Так,

далеко не всегда корректно используются в текстах нормативных правовых актов (в том числе, и в Конституции РФ) термины «права» и «свободы» – употребляется зачастую один, а подразумевается другой (например, право на жизнь на самом деле представляет собой по сути ни что иное, как свободу). К сожалению, простого выхода из подобных ситуаций не существует, ибо устранение описанной несогласованности предполагает изменение уже устоявшейся терминологии, к чему юридическое сообщество вряд ли готово.

В то же время словосочетание «исполнение права», встречающееся в юридических текстах (как научных и учебных, так и законодательных) зачастую обозначает куда как более широкое понятие, нежели просто форму реализации одного только вида (а именно обязывающих) норм. В принципе, этому можно найти логическое объяснение. Исполнить можно только то, что имеет в своей природе элемент императивности. Поэтому термин «исполнение» применим не только к отдельным юридическим явлениям (непосредственно обязанностям, а также всем формам их выражения), но и к праву в целом – как системе императивных, формально определенных, общеобязательных правил поведения, действующих в обществе.

Описанная выше особенность и обуславливает многовариантность использования термина «исполнение» применительно к правовым явлениям. Каждое из них, если содержит в себе элемент долженствования, претворяется в жизнь посредством именно исполнения. А некоторые исследователи, в том числе и классики дореволюционной юридической мысли, такие как Н.М. Коркунов, склоняются к мнению, что все «юридические нормы, как и все вообще нормы, суть есть правила должного и в этом смысле веления. Будучи правилом должного, они не могут дозволять, определять, описывать, а всегда повелевают, всегда указывают, что и как должно быть сделано для разграничения сталкивающихся интересов»¹. Также главенствующую роль в

¹ Цит. по: *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1998. С. 520.

правовом статусе личности отдавал юридическим обязанностям французский государствовед Л. Дюги¹.

Таким образом, исполнение права в широком смысле, если рассматривать его через призму места и роли в механизме правового регулирования, – это цель, процесс и одновременно желаемый результат перевода заключенного в юридической норме императива (начала долженствования, обязательности) в практические действия, посредством чего достигаются цели правового воздействия на поведение людей. В этом своем значении исполнение права максимально близко подходит к понятию правореализации вообще.

Тем не менее, допускать смешение данных понятий не позволительно. Об этом предостерегал, в частности, В.А. Сапун, отмечая, что правореализующая деятельность обеспечивается императивными юридическими средствами централизованного регулирования и предстает в виде реализации юридических обязанностей и субъективных прав (посредством исполнения и использования соответственно) в составе разрешительного регулирования². Если добавить к приведенному выше перечню «упущенное» по каким-то причинам соблюдение, то получаем, что правореализация не может быть приравнена ни к одной из своих форм.

Завершая рассмотрение юридической природы исполнения права, можно сделать следующие выводы. Исполнение права исходит из такого общего свойства права, как императивность, в связи с чем исполнение права в широком смысле – это и есть реализация права. Следует различать исполнение права как обобщающее понятие, обозначающее цель и одновременно результат претворения в жизнь заключенного в праве (системе юридических норм) императива, и исполнение обязанности как реализацию конкретной юридической нормы и частный, единичный случай (форму проявления) исполнения права вообще.

¹ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права. М., 1919. С. 18.

² См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 7.

На основе проведенного анализа предлагаем следующее определение: *исполнение права* – это форма реализации права, заключающаяся в полном, качественном и своевременном претворении в жизнь императивности права, его обязывающих предписаний, происходящая посредством действия в рамках конкретных правоотношений, служащая целям беспрепятственного использования субъектами предоставляемых правом возможностей, направленная в конечном счете на поддержание законности и правопорядка, а также баланса частных и публичных интересов в обществе.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ИСПОЛНЕНИЯ ПРАВА В РОССИИ

§ 2.1. Объекты и типы исполнения права

Юридические нормы претворяются в жизнь, т.е. исполняются посредством определенного *механизма*, под которым мы понимаем совокупность его параметров (характеристик): объектов, субъектов, форм, средств, а также сам процесс реализации предписаний, складывающийся из определенных стадий.

Понятие «объект исполнения» с позиции буквального толкования обозначает то, что исполняют, реализуют, претворяют в жизнь. Тем не менее, теория объектного состава рассматриваемой формы реализации права представляется недостаточно проработанной. В одних случаях термин «исполнение» в юридических текстах (и официальных, и неофициальных) применительно к неким явлениям употребляется безосновательно, а в других – напротив, фактически говоря об объектах исполнения, используют другую терминологию.

Как мы уже говорили, «исполнение права», с точки зрения науки теории государства и права, – это конкретное понятие с определенным содержанием, представляющее собой одну из форм реализации права, однако само слово «исполнение» используется применительно к целому ряду объектов в юридической сфере. И в законодательных актах, и в юридической (научной и учебной) литературе встречаются такие словосочетания, как: «исполнение обязанностей», «исполнение обязательств», «исполнение законов (законодательства)», «исполнение правовых актов», «исполнение приказов», «исполнение распоряжений», «исполнение судебных актов», «исполнение приговора», «исполнение наказания» и т.д. При этом каждое из них обозначает самостоятельный юридический феномен, но все они, так или иначе, связаны с общим понятием, отражая одну из сторон исполнения права как такового.

Повторим один из основных выводов предыдущего параграфа – исполняться может только то, что содержит в себе элемент императивности, обязательности, долженствования. Отсюда и вариативность возможных объектов исполнения.

Основной объект исполнения – это, безусловно, обязанности – во всем многообразии форм их проявления. При этом «исполнение обязанностей» – понятие междисциплинарное. Прежде всего, оно активно используется в общей теории права, обозначая собой одну из форм реализации права, но с уточнением того, какие именно нормы по своему характеру посредством нее воплощаются в действительность. И хотя мы не говорим «исполнение обязывающих норм», подразумеваем именно это. Обязывающие нормы как юридические предписания заключают в себе обязанности – юридические средства, и через исполнение и те, и другие претворяются в жизнь.

Помимо этого, «исполнение обязанностей» – безусловно, гражданско-правовой (равно как и семейно-правовой) термин. Гражданский кодекс РФ изобилует словосочетанием «исполнение обязанностей». Данное понятие избрано в качестве предмета исследования в целом ряде научных работ специалистов в сфере гражданского права¹. В частности, Е.В. Вавилиным в его докторской диссертации подробно рассмотрено понятие «исполнение гражданской обязанности», предложено его определение, раскрыты признаки и обоснована связь с осуществлением гражданских прав².

Следует оговориться, что понятие «исполнение обязанностей» активно используется и в других отраслях юридической науки, что отражается в

¹ См.: *Максименко С.Т.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970; *Павлов А.А.* Принуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001; *Вавилин Е.В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009; *Кондрашова М.А.* Соотношение принципов осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском и семейном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 93–96.

² См.: *Вавилин Е.В.* Указ. соч. С. 16–18.

тематике диссертационных работ по трудовому¹, налоговому² и, разумеется, уголовному праву³. Что касается последнего, то в предмет его «интереса» входит не непосредственно само понятие «исполнение обязанности», а его антипод, причем не во всех случаях, а только в тех, когда в силу своей значимости неисполнение обязанности является общественно опасным и подпадает под все признаки уголовного преступления.

Аналогичным образом затрагивает вопросы исполнения права в аспекте регулирования вопросов возложения юридической ответственности за неисполнение обязанностей административное законодательство. При этом на примере административного права становится еще более очевидным многообразие возможных форм проявления обязанностей. Они могут быть оформлены в виде приказов, распоряжений, исходящих от одних субъектов и обязательных к исполнению для других.

Соответствующие понятия разрабатываются в рамках науки административного права. Так, приказ с позиции административистов, – это вид акта управления, волевое властное официальное распоряжение руководителя, отданное в пределах его должностных полномочий и обязательное для исполнения подчиненными. Схожим образом в административном праве трактуется и распоряжение – как вид подзаконного акта управления, изданный органом власти или управления в рамках его компетенции и имеющий обязательную силу для физических и юридических лиц⁴. Различия между приказами и распоряжениями сводятся к тому, что первые из них формируют основу для правоотношений, вторые же не носят нормативного характера и направлены на решение оперативных вопросов.

¹ См.: Жукова Ю.А. Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

² См.: Лукьянов В.В. Правовые основы исполнения обязанности по уплате налогов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

³ См.: Карасев А.И. Преступления, совершаемые судебными приставами-исполнителями при исполнении своих служебных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006; Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003.

⁴ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009. С. 267.

Соответственно, приказы имеют длительный срок действия (до момента отмены), действие же распоряжений ограничено во времени моментом их исполнения¹.

Их общая характерная особенность – обязательность – может выступать юридическим фактом, наличие которого применительно к некой ситуации влечет за собой последствия, отличные от тех, которые были бы при его отсутствии. В частности, речь идет об институте обстоятельств, исключающих преступность деяния, в качестве одного из которых выступает исполнение приказа или распоряжения лицом, для которого они являются обязательными, даже если его действиями причинен вред охраняемым уголовным законом интересам (ст. 42 УК РФ)². При этом, что примечательно, в той же статье присутствует и обратная норма о том, что неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

На первый взгляд, казалось бы, налицо противоречие, когда в одной части статьи законодатель указывает на приоритет обязательности приказа или распоряжения по отношению к вероятности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, а в другой – закрепляет противоположную иерархию социальных ценностей (обязательность приказа или распоряжения не так важна, как возможность не допустить нарушения закона этими самыми актами).

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Решающую роль здесь играет осознание субъектом факта незаконности обязательного для него приказа или распоряжения. Если оно в принципе невозможно, то, безусловно, субъект должен исполнить обращенное к нему требование. Если же оно присутствует, то здесь уже обязательность исполнения приказа или распоряжения нивелируется фактом их противозаконности, и субъект обязан

¹ См.: Юридическая энциклопедия / под ред. А.В. Малько, С.Н. Туманова. Саратов, 2013. С. 133.

² См.: *Леонова Т.Ю.* Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1. С. 206–214.

исполнить уже другую, причем важнейшую, конституционную обязанность – не нарушить (т.е. соблюсти) Конституцию РФ и законы.

Если говорить об отраслевой специфике объектов исполнения, то наиболее «гражданско-правовым» выступает понятие «исполнение обязательств», которому посвящена главы 22, 23, а также отдельные статьи глав второй части Гражданского кодекса РФ, регулирующие отдельные виды обязательств, и которое, несмотря на его очевидную связь с рассмотренным выше понятием, все же представляет собой самостоятельный юридический феномен, неоднократно становившийся предметом отраслевых диссертационных исследований¹. Общее понятие обязательства дается в ст. 307 ГК РФ, согласно которой в силу обязательства один субъект, именуемый должником, обязан совершить в пользу другого субъекта, обозначаемого как кредитор, некое действие (например, передать вещь, сделать работу, оказать услугу и т.п.), либо не совершать конкретное действие (воздержаться от него), а последний наделен правом требовать от того реализации его обязанности.

Таким образом, исполнение обязательства в подавляющем числе случаев заключается в сочетании двух действий: с одной стороны, должник исполняет обязанность, с другой – кредитор его принимает. При этом данные действия «зеркальны», т.е. по своей правовой природе аналогичны друг другу². Но что примечательно, при описании конкретного обязательства законодатель делает акцент именно на обязанностях, а не на правах. Это можно проследить хотя бы на примере договора (а договор – это один из источников возникновения обязательства) купли-продажи, главное, содержание которого определяют обязанности: продавца – передать некую вещь (товар) в собственность покупателю, а покупателя – принять эту вещь (товар) и заплатить за него некую денежную сумму, которая называется

¹ См., напр.: *Доренкова Ю.М.* Исполнение договорного обязательства в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000; *Шумейко И.Ю.* Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

² См.: *Эрделевский А.* О правовой природе исполнения обязанности // *Хозяйство и право.* 2012. № 1. С. 119.

ценой договора. В последующих статьях подробно описываются порядок и конкретные условия исполнения взаимных обязанностей сторон. При этом, опять-таки права, входящие в состав обязательства, не имеют столь подробной регламентации.

Аналогичным образом конструируются в Гражданском кодексе РФ модели и других договоров. Получается, что по формальным признакам в составе договора (следовательно, и обязательства) права носят производный, вторичный характер по отношению к обязанностям. Разумеется, данное утверждение весьма условно и вовсе не означает, что правомочия в рамках обязательств не имеют никакого юридического значения. Более того, вступая в то или иное обязательство, индивид стремится к получению некоего блага, т.е. действует в своих интересах, а это признак именно субъективного права.

Избранная законодателем модель закрепления отдельных видов обязательств свидетельствует о более сложном характере процедуры исполнения как формы реализации права по сравнению с использованием и, соответственно, необходимости подробной законодательной регламентации данного процесса. Но в любом случае на примере категории «обязательство» подтверждается сделанный нами ранее вывод: объектом исполнения может выступать только то, что несет в себе начало императивности, долженствования.

Свои особые объекты исполнения имеет группа отраслей, направленная на борьбу с преступностью и поддержание правопорядка в обществе, – уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право. Забегая вперед, отметим, что они трактуют понятие «исполнение права» в своем, особом ключе.

Прежде всего, оговоримся, что исполнение в рамках рассматриваемой группы отраслей занимает лидирующую позицию среди всех иных форм реализации права. Даже само название отрасли уголовно-исполнительного права содержит прямое указание на основной способ претворения в жизнь соответствующих норм. Более того, данная отрасль не просто основывается

на исполнении как форме реализации права, она предметно посвящена его механизму – применительно к одной из сфер материального (а именно, уголовного) законодательства. Само ее появление базируется на существовании такого феномена, как наказание, которое может быть претворено в жизнь только и исключительно посредством исполнения.

Между тем, не совсем понятным, на первый взгляд, кажется тот факт, что применительно к реализации наказания законодатель использует термин «исполнение». Для прояснения ситуации считаем необходимым обратиться к сущности понятия «наказание».

Одна из наиболее распространенных точек зрения по затронутому вопросу сводит суть наказания к каре, воздаянию за содеянное¹. Такой подход обуславливается, в частности, обращению к толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, где данные понятия («наказание», с одной стороны, и «кара», «возмездие» – с другой) определяются друг через друга².

Приведенная выше позиция подверглась вполне справедливой критике со стороны целого ряда ученых, начиная еще с Платона, подчеркивающего большую значимость наказания, нежели просто воздаяние за содеянное, а именно – создание «примера на будущее»³.

Еще одной популярной точкой зрения касательно сущности понятия наказания выступает его толкование посредством категории «государственное принуждение»⁴. В принципе, она идет в русле позиции законодателя по данному вопросу, изложенной в ст. 43 Уголовного кодекса РФ, согласно которой наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда.

Понятие же «принуждение» по отношению к конкретному лицу подразумевает действия, осуществляемые определенными субъектами

¹ См., напр.: *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 36.

² См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 83, 229.

³ См.: *Теория государства и права: Хрестоматия* : в 2 т. / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. М., 2001. Т. 2. С. 442.

⁴ См., напр.: *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 12–14; *Полубинская С.В.* Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 7–8.

против воли данного лица. Причем, действия этих субъектов отражают другую волю, а именно волю государства, реагирующего на противоправные действия, в которой имманентно заложен посыл обязательности. То есть практическое воплощение принудительной нормы осуществляется уже не самим адресатом первоначального предписания, которое было нарушено, а внешней силой. Но для этой «внешней силы», в лице которой выступают уполномоченные государственные органы и должностные лица, реализация воли государства не менее обязательна, чем для правонарушителя – претерпевание неблагоприятных последствий. Поэтому вполне обоснованно применительно к абстракции «наказание» в случае необходимости обозначения воплощения его в действительность употребляется именно термин «исполнение».

Впрочем, некоторые исследователи критикуют трактовку понятия «наказание» сквозь призму взаимосвязи с государственным принуждением, аргументируя это тем, что такая связь присутствует далеко не всегда¹. В качестве альтернативы предлагается расшифровка понятия «наказание» через другую родовую абстракцию – «правовое ограничение» (в противовес правовым стимулам)². Правовое ограничение, наиболее значимым видом которого А.В. Малько называет наказание, рассматривается ученым как юридическое сдерживание противоправного поведения, установленные законом границы, пределы которых субъекты не должны преодолевать в своих действиях, исключение тех или иных возможностей в деятельности индивидов³.

Но и при такой трактовке использование термина «исполнение» применительно к наказанию представляется вполне правомерным. Наказываемое лицо должно (т.е. обязано) претерпеть некие ограничения, практически претворяемые в жизнь уполномоченными субъектами по

¹ См.: *Нырков В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов, 2006. С. 119.

² См.: *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. М., 1994. С. 68.

³ См.: Там же. С. 59.

официальному предписанию, т.е. опять-таки наличествует элемент необходимости, обязательности, а значит, можно сказать, что наказание (представляя собой особую разновидность юридических предписаний) исполняется.

Еще одно расхожее словосочетание – «исполнение приговора» – используется в рамках как уголовно-процессуального, так и уголовно-исполнительного права. Более того, среди ученых ведутся жаркие дискуссии относительно того, какой же именно отрасли принадлежит данное понятие¹. С одной стороны, стадия исполнения приговора является завершающей стадией российского уголовного судопроизводства, регулируется статьями двух глав (46 и 47) УПК РФ. Это, по мнению М.К. Свиридова, однозначно свидетельствует о том, что такие нормы являются частью уголовно-процессуального права². С другой стороны, и с этим также сложно не согласиться, поскольку деятельность суда, связанная с исполнением мер уголовно-правового воздействия на осужденных, близко примыкает к деятельности органов, исполняющих наказание, она должна регулироваться уголовно-исполнительным законодательством³.

Тем не менее, определение приговора дается именно в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, согласно ст. 5 которого он представляет собой решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции.

Приговор как решение суда, выступающего от имени Российской Федерации, является обязательным как для того лица, кому он выносится, так и для органов, которые должны воплотить его в жизнь. Можно выразиться

¹ См.: *Конин В.В.* Стадия исполнения приговора – УПК или УИК? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-2 (122). С. 187–192.

² См.: *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 80–81.

³ См.: *Шагинян С.А.* О сущности отдельных дополнительных производств в российском уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. Серия «Юридические науки». 2013. № 6. С. 220.

иначе: обязательность исполнения приговора для преступившего закон лица, чья вина доказана в судебном разбирательстве, т.е. в отношении которого он вынесен, порождает обязательность его исполнения для других лиц – уполномоченных законом на его приведение в действие.

Родовым по отношению к приговору как объекту исполнения выступает понятие «судебный акт». Его легальное (официальное) определение мы можем найти в Федеральном законе от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹, согласно ст. 1 которого, судебный акт – это решение, вынесенное в установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо судопроизводства в арбитражном суде; к судебным актам относятся также решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вынесенные в установленной соответствующим законом форме по результатам рассмотрения апелляционных или кассационных жалоб (представлений) либо пересмотра решений суда в порядке надзора.

Также в литературе встречается понятие «исполнение судебного решения», однако его вряд ли следует рассматривать как самостоятельный объект исполнения права. Юридические словари определяют данное понятие как акт суда (судьи), завершающее рассмотрение конкретного дела или появившегося в связи с ним вопроса, которым подтверждаются или нет значимые с юридической точки зрения факты и определяются правовые последствия, наступление которых должно последовать согласно закону². Это дает нам основания сделать вывод, что понятия «судебный акт» и «судебное решение» обозначают по сути одно и то же явление, только в первом случае речь идет о его форме, во втором – о содержании.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6217.

² См.: Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009. С. 267.

Как и любой другой объект исполнения, судебные акты принимаются для того, чтобы быть претворенными в жизнь, в этом и заключается их смысл. Как справедливо отмечал бывший заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.М. Жуйков без исполнения судебных постановлений, вступивших в законную силу, весь предшествующий процесс судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов становится бессмысленным, а право на доступ к правосудию оказывается нереализованным¹. «Максимальная», если так можно выразиться, обязательность исполнения рассматриваемого объекта подчеркивается законодателем путем употребления в нормативных правовых актах производных от термина «неукоснительность». В частности, в ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе»² содержится норма, закрепляющая, что вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Необходимость полной, качественной и своевременной реализации данных правовых актов нашла свое отражение также и в уголовном законодательстве, в частности, в ст. 315 УК РФ, где в качестве преступления против правосудия названо неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Повышенное внимание законодателя к исполнению судебных актов обусловлено целями правосудия, в качестве основной из которых выступает охрана прав и свобод граждан. Такое положение вещей согласуется с международными нормами, в частности ст. 2 Международного

¹ См.: Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 25.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

пакта о гражданских и политических правах 1966 г., закрепившей обязанность государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, а также п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в его интерпретации Европейским Судом по правам человека¹.

И наконец, к чему мы неоднократно подходили ранее, термин «исполнение» как понятие, обозначающий перевод некоего идеального образа в реальность, может быть употреблен в отношении права в целом, поскольку право, если рассматривать его в объективном значении, представляет собой систему общеобязательных норм (правил поведения), выраженных в законах и иных признанных государством источниках, являющихся основанием для определения правомерности либо противоправности поведения².

Основной формой (источником) права выступает закон (законодательство) в широком его понимании – как любой нормативный правовой акт, принятый полномочным органом, направленный на урегулирование общественных отношений и содержащий первичные юридические нормы государства. Как писал еще Е.Н. Трубецкой, «все источники позитивного права сводятся так или иначе к внешнему авторитету.... Каков бы ни был внешний правовой авторитет, норма, изданная его прямым предписанием, будет законом в обширном смысле»³. И в этой своей трактовке закон (законы, законодательство) также выступает объектом исполнения, причем одним из наиболее значимых в рамках целей правового регулирования.

Если законы в конкретном государстве исполняются, говорят, что право в нем «действует», «работает». Таким образом, исполнение законов (законодательства) фактически приравнивается к понятию «действие права»,

¹ См.: Тернова Л.В. Правовой механизм исполнения судебных решений // Журнал российского права. 2008. № 9 (141). С. 53–58.

² См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 58.

³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 108.

которое в свою очередь является аналогом научной категории «реализация права».

На первый взгляд может показаться, что исполнять законы обязаны все граждане, однако это не так. Исполнение законов следует отличать от их соблюдения, поскольку, несмотря на некоторую «созвучность», это два совершенно разных по своему содержанию понятия.

Общей конституционной обязанностью граждан выступает соблюдение законов, т.е. фактически просто их не нарушение. При этом не нарушить закон (что, безусловно, является обязанностью абсолютно всех субъектов, без исключения) еще не значит его исполнить. Не случайно, надзор за исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, осуществляется прокуратурой Российской Федерации, согласно закону, регулиющему вопросы ее деятельности¹⁾ в отношении строго определенных субъектов, а именно: федеральных органов исполнительной власти, Следственного комитета Российской Федерации, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, их должностных лиц, субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций (ст. 21).

Вообще грань между понятиями «исполнение законов» и «соблюдение (не нарушение) законов» в отношении деятельности указанных в ст. 21 Закона «О прокуратуре» органов очень тонка. Более того, анализ главы 1 «Надзор за исполнением законов» раздела III «Прокурорский надзор» названного нормативного правового акта свидетельствует о том, что

¹ См.: О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1992. 18 февр.

законодатель, случайно или сознательно, допускает их смешение, в то время как они – не одно и то же. В данном законе речь идет о прокурорском надзоре именно за ненарушением законов, а не собственно за их исполнением, об этом свидетельствуют используемые в тексте формулировки: «протест на противоречащий закону правовой акт» (ст. 23), «представление об устранении нарушений закона» (ст. 24), «характер нарушения закона должностным лицом» (ст. 25). Между тем, соблюдение (не нарушение) законов органами и лицами, перечисленными в ст. 21 Закона «О прокуратуре» – это та же общая (конституционная) обязанность соблюдения Конституции Российской Федерации и законов – в отношении особых субъектов, обособляемая не в виду содержательного отличия, а в силу повышенной общественной опасности ее потенциальной нереализации.

«Исполнение законов (законодательства)» – это понятие с уже иным смысловым наполнением. Оно ближе к абстракциям «действие законов», «работа законов», нежели просто к их не нарушению. Для исполнения законов необходим комплекс практических, организующих, координирующих и контролирующих действий, совокупность которых образует полномочия особой ветви власти – исполнительной. И здесь считаем необходимым рассмотреть соотношение исполнения законов (законодательства) как одной из основных форм проявления исполнения права с формами осуществления функций государства.

Как известно, в основу современной организации системы государственной власти в Российской Федерации, согласно Конституции РФ, положен принцип разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную, которые при этом являются самостоятельными.

Данный принцип был взят в качестве отправного при создании одной из наиболее распространенных классификаций правовых форм осуществления функций государства (которые выделяются наряду с

организационными). Согласно ей, таковыми являются правотворческая, исполнительная (управленческая) и судебная деятельность¹.

Таким образом, исполнительная деятельность выступает одной из трех правовых форм реализации функций государства. Она осуществляется специально для этого предназначенной, исполнительной ветвью власти (в лице исполнительных органов власти и их должностных лиц), и именно от нее в первую очередь зависит эффективность исполнения законов (законодательства).

Иногда исполнительную власть именуют административной, причем отдавая приоритет именно последнему термину. При этом подчеркивается «ее вторичность, ее подчиненное положение, зависимость от высшей власти»². На наш взгляд, не совсем понятно, как это согласуется с теорией разделения властей на три самостоятельные (т.е. не находящиеся друг от друга в отношениях зависимости) ветви власти, поэтому мы выступаем против такой «подмены понятий».

Придерживаясь классической позиции относительно наименования исследуемой ветви власти, подчеркнем, что сущность исполнительной власти основывается на двух ключевых понятиях: «власть» и «исполнение». Если первое характеризует природу названного феномена, то второе – его направленность, миссию, предназначение.

В рамках науки административного права социальное предназначение исполнительной власти определяется как исполнение общих предписаний – решений представительной, президентской и правительственной власти³. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, исполнительная власть направлена на обеспечение повседневного и специализированного управления государственными делами⁴.

¹ См.: Теория государства и права : Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2000. С. 41–43.

² Бахрах Д.Н. Административное право России. Учебник для вузов. М., 2000. С. 35.

³ См.: Конин Н.М. Административное право России : Учеб. М., 2006. С. 14.

⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Об административной реформе России // Исполнительная власть: организация и взаимодействие. М., 2000. С. 8.

Итак, основное назначение исполнительной власти – организация претворения в жизнь нормативных актов – осуществляется посредством всех существующих форм реализации права: соблюдения, исполнения, использования и применения. Исполнение как форма реализации права в рамках осуществления исполнительной власти, по мнению Т.В. Милушевой, имеет свою специфику, которая заключается в предельной точности отражения сути реализации, так как в обязывающих предписаниях заложена конкретная модель поведения субъектов¹.

Примечательно, что основной формой претворения в жизнь юридических норм исполнительной властью тем не менее выступает применение права. Прямые формы реализации (соблюдение, исполнение, использование) права оказывают организационное содействие правоприменительной деятельности органов исполнительной власти.

Ряд схожих черт (в частности, властный характер и наличие специального субъекта) может привести к смешению либо даже к отождествлению понятий «исполнение законов (законодательства)» и «применение права». Делать это, по нашему мнению, категорически не следует, ибо различия между ними весьма существенны.

Несмотря на факт, что и исполнение законов, и применение права осуществляется фактически одним и тем же субъектом (исполнительной властью в лице ее органов и должностных лиц), данные понятия не одинаковы уже по одной своей природе. Исполнение законов для указанных субъектов – это прямая обязанность, которая в этом смысле может и должна рассматриваться как проявление исполнения права в принципе. Правоприменительная же деятельность (применение права) – это осуществляемая теми же субъектами одна из форм реализации права, отличающаяся от остальных властной природой, предельно строгим и точным использованием процессуально-процедурных средств и направленностью на разрешение конкретного юридического дела.

¹ См.: Милушева Т.В. Указ. соч. С. 9.

Исполнение законов в широком смысле рассматривается как цель (и желаемый результат) издания нормативных правовых актов, в то время как применение права, являясь факультативной стадией правового регулирования, его самоцелью быть не может, а выступает лишь средством, позволяющим реализовать социальное назначение права.

Отдельно хотелось бы остановиться на природе обязанности, составляющей суть исполнения законов. Она носит специфический характер по сравнению с обязанностями в общепринятом понимании этого феномена. Дело в том, что для субъектов такого рода характерно условное слияние их прав и обязанностей. Эту особенность отмечает Д.Н. Бахрах, полагая, что само рассмотрение прав и обязанностей таких специальных субъектов, как государственные служащие, можно проводить только в их единстве, взаимной связи, взаимной обусловленности¹.

Государство возлагает на уполномоченные органы в лице их должностных лиц обязанности по реализации принятых нормативных предписаний, однако в то же время это можно расценить как их исключительную прерогативу, т.е. право. При этом для исполнения данной общей обязанности субъекты наделяются определенными правами по отношению к другим лицам. Тем не менее, главным в содержании исполнения законов выступает именно необходимость, долженствование, т.е. обязанности, и за их исполнение данные субъекты несут ответственность за свои действия (бездействие) – перед вышестоящими структурами и обществом в конечном итоге². Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.Н. Стариков, отмечая, что «обязанности государственного служащего характеризуют сущность его служебной деятельности, ибо государство (государственный орган) принимает на работу гражданина, главным образом,

¹ См.: Бахрах Д.Н. Указ. соч. С. 378.

² См.: Гукасян Р.Е. Соотношение прав и обязанностей социалистических организаций и государственных органов // Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1979. С. 12–25.

с целью возложения на него соответствующих должностных обязанностей»¹. В результате субъективное право как таковое в конкретном случае трансформируется в обязанность.

Исполнительно-распорядительная деятельность государственных органов не отождествляется с исполнением права, но является его разновидностью, поскольку в данной деятельности они исполняют свои обязанности. И в этом смысле названная деятельность есть исполнение норм, устанавливающих их компетенцию. Но поскольку эта деятельность слишком масштабна и однородна по своей сути, ее можно выделить в качестве особой разновидности исполнения права.

Таким образом, основным объектом исполнения как формы реализации права выступают обязанности во всем многообразии их проявления. Любое правовое явление, имеющее в своей сущности начало императивности, необходимости, долженствования может быть претворено в жизнь исключительно посредством исполнения. Все объекты исполнения можно сгруппировать в три основных вида, в соответствии с которыми следует выделять следующие *типы исполнения*:

1) *нормативное исполнение* – исполнение обязанностей, закрепляемых в нормативных правовых актах, которые адресованы неопределенному кругу субъектов и рассчитаны на неоднократное применение;

2) *казуальное исполнение* – исполнение обязанностей, устанавливаемых в актах правоприменительного характера, возлагаемых на конкретных лиц и предполагающих, как правило, единичный акт исполнения;

3) *договорное исполнение* – исполнение обязанностей, принимаемых на себя добровольно, закрепляемых в соглашении сторон и реализуемых в порядке, им предусматриваемом.

Источниками и формами обязанностей, т.е. теми самыми *основаниями исполнения* выступают, во-первых, нормативные правовые акты, во-вторых, акты правоприменения, в-третьих, соглашения сторон (договоры).

¹ Старилов Ю.Н. Службное право. М., 1996. С. 324.

Исполнение законов (законодательства) не тождественно понятию «исполнение права», представляя собой его особый вид (форму проявления). К индивидуализирующим его признакам относятся следующие:

- оно происходит в процессе исполнительной деятельности государства,
- в ряду государственной деятельности выделено в самостоятельную ветвь власти – исполнительную, представленную соответствующей подсистемой государственных органов;
- имеет властную природу,
- характеризуется особым субъектом, в качестве которого выступают исполнительные органы власти и их должностные лица.

§ 2.2. Формы, субъекты и средства исполнения

С определением объектов исполнения права самым непосредственным образом связана проблема выделения и анализа соотношения его форм, субъектов и средств.

Юридическая обязанность, равно как и субъективное право, будучи проявлением внешнего воздействия на личность, тем не менее, всегда проходит через внутреннее «переживание» индивида, отражая его позицию к праву¹. В контексте данной идеи, исходя из отношения субъекта к обязанности, предопределяющего его действия и соответствующие последствия как реакцию на них государства, можно выделить две основные формы исполнения права – *добровольную и принудительную*.

Отличительной особенностью права как регулятора поведения людей выступает заключенная в нем свобода выбора, которая делает альтернативной реализацию нормативного предписания и ставит ее в зависимость от воли субъекта. В отношении такой формы реализации права,

¹ См.: Каримова Р.Р. О естественно-правовой сущности юридических обязанностей // Право и политика. 2007. № 7. С. 32–37.

как использование, данный тезис не вызывает каких-либо сомнений и разногласий. Использование права (равно как и его неиспользование) может быть только добровольным. Принудить к реализации заключенных в субъективном праве возможностей нельзя, ибо это входит в противоречие с самой сутью данной формы.

Однако ошибочным будет мнение, что добровольность – это признак лишь только одной формы реализации права – использования. Обязанности также могут (и более того, крайне желательно, когда так и происходит) реализовываться (исполняться) добровольно.

Императив, заключенный в обязывающей норме, не исключает альтернативности для обязанного лица – следовать ему или нет. Как отмечал еще Б.Н. Чичерин, «... юридический закон обращается к человеку как к свободному существу, которое может исполнять закон, но может и нарушать его. На признании свободы основаны понятия вины и ответственности; в силу этого за нарушение закона полагается наказание»¹.

В этой связи некоторые ученые идут дальше и утверждают, что реализация обязанностей в принципе может быть только добровольной. В частности, Е.Я. Мотовиловкер обосновывает данную идею тем, что лицо, на которое возложена обязанность, всегда обладает свободой выбора – исполнить предписанное законом требование либо отступить от него². Данная идея, на наш взгляд, является весьма спорной, поскольку ее признание означало бы отрицание существования принудительной формы исполнения права, что, безусловно, немыслимо.

Разнообразные позиции по данному вопросу встречаются в трудах специалистов отраслевых наук. Так, если одни ученые считают, что

¹ Чичерин Б.Н. *Философия права*. М., 1900. С. 30.

² См.: Мотовиловкер Е.Я. *Право собственности и притязание // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Тезисы докладов областной научно-практической конференции, 25 - 26 октября 1989 г. Ярославль, 1989. С. 58.*

добровольное исполнение – это право должника¹, то другие вменяют это ему в обязанность². Мы разделяем первую из озвученных точек зрения. Необходимым является исполнение обязанности должником, но оно может быть как добровольным, так и недобровольным (принудительным). В этом и заключается заложенная в исполнении обязанностей альтернативность, своего рода свобода выбора (правда, иного рода, чем в случае использования субъективного права).

Следует предостеречь от опасности смешения понятий прав и обязанностей по признаку потенциальной добровольности форм их реализации. Довольно распространенной является ситуация, когда субъект охотно (т.е. без внешнего принуждения) исполняет возложенную на него обязанность, но это не означает, что тем самым он реализует право, а не обязанность³.

Итак, добровольное исполнение права возможно, но не обязательно. Как форма правомерного поведения оно может быть обусловлено причинами двух уровней – «высшего» и «низшего». Поскольку очевидно, что исполнение обязанностей практически всегда требует от личности финансовых, временных, физических, психологических и иных затрат, то реализация обязывающих норм должна иметь достаточно вескую мотивацию. Последняя, в свою очередь, может обуславливаться либо внутренней убежденностью в необходимости соответствующего поведения ввиду его направленности на достижение общественно полезного результата, либо естественным для природы человека «страхом перед наказанием».

Таким образом, основными мотивами добровольного исполнения права являются:

1) внутренняя убежденность в целесообразности, необходимости и важности реализации конкретной обязанности;

¹ См.: *Смецкая А.М.* Исполнение судебных постановлений путем обращения взыскания на имущество граждан и на заработную плату : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков. 1968. С. 154.

² См.: *Гуреев В.А., Гуцин В.В.* Исполнительное производство. 2-е изд. М., 2011. С. 167.

³ См.: *Гукасян Р.Е.* Личные интересы в механизме правового регулирования. С. 15.

- 2) привычка к законопослушному поведению;
- 3) стремление избежать наступления негативных последствий («страх перед наказанием»).

Поэтому даже добровольное исполнение права, удовлетворяя формальным требованиям правомерного поведения, далеко не однородно в свое мотивационной основе. Оно может варьироваться от социально активного до привычного, конформистского и даже маргинального. Проводя параллели с соответствующей классификацией правомерного поведения, добровольное исполнение права, исходя из его мотивов, может быть дифференцировано на следующие виды:

- 1) *целенаправленное (сознательное) исполнение права* – инициативная реализация обязанностей, соответствующая правовой установке субъекта;
- 2) *автоматическое (привычное) исполнение права* – повседневная, конформистская реализация обязанностей, не затрагивающая внутренних убеждений личности;
- 3) *условное (формальное) исполнение права* – «вынужденная» реализация обязанностей, противоречащая интересам индивида.

Несмотря на то, что наибольший удельный вес в общем массиве исполнения правовых норм как разновидности правомерного поведения составляет автоматическое (привычное) исполнение обязанностей, которое, в принципе, не противоречит публичным интересам, наибольшую социальную ценность представляет именно целенаправленное (сознательное) исполнение права. Такого рода поведение характерно для граждан с развитым правосознанием и высоким уровнем правовой культуры. С мотивационных позиций оно основывается не просто на понимании необходимости существования в обществе определенных правил поведения, облаченных в правовые нормы, а на осознании социальной ценности права, его потенциальных ресурсов как эффективного средства обеспечения стабильности и эволюционного развития общества.

Наивысшим уровнем правовой активности является правовая инициатива. Безусловно, больше она характерна для реализации (использования) субъективных прав, но есть ей место и в процессе исполнения обязанностей. Как отмечает В.А. Затонский, личность своими сознательными, инициативными (естественно, правомерными) действиями может вызывать к жизни, изменять или прекращать как права, так и обязанности, а также влиять на процедуру их реализации¹.

Таким образом, добровольность в исполнении обязанностей заключается также в возможности инициативных действий, проявлении творчества (в установленных законом рамках) в данном процессе, что может облегчить бремя их несения.

Главным условием добровольного исполнения обязывающих норм является заинтересованность самих адресатов данного вида норм в их реализации. Другими словами, исполнение обязывающей нормы субъектом происходит только в случае, если с этим согласуются его личные интересы.

Интерес в психологической и вслед за ней в юридической литературе кратко определяется как «осознанная потребность»². В нем заключается особое отношение индивида к какому-либо объекту в силу его субъективной привлекательности и личностной значимости. Интересы формируют цели, желания и стремления человека. Как отмечают исследователи, осознание интересов становится решающим мотивирующим фактором деятельности человека, в то же время определяющим ее направление в наиболее целесообразном русле³.

Иными словами, вся поведенческая активность личности детерминируется ее интересами. Принимая решения о совершении того или иного действия, в том числе и юридически значимого, человек исходит,

¹ См.: Затонский В.А. Правовая инициатива – мощный фактор прогресса. Право на инициативу и его обеспечение // Юрист. 2004. № 11. С. 10.

² См.: Патюлин В.А. Государство и общество (некоторые аспекты взаимоотношений в контексте исторического развития) // Социалистическое государство и общественный прогресс. М., 1982. С. 32.

³ См.: Архангельский Л.М. Общество, интерес, личность. Свердловск, 1967. С. 5.

прежде всего, из своих личных (частных) интересов, которые далеко не всегда соответствуют интересам общественным (публичным). Тем не менее, поскольку мы все живем в социуме, каждый из нас «вынужден» согласовывать свои субъективные потребности и желания с общественной необходимостью, т.е. в своем юридическом поведении стремиться к поиску и поддержанию гармонии частных и публичных интересов.

Итак, основной, определяющей особенностью добровольной формы исполнения права выступает то, что субъект исполнения совпадает с носителем обязанности.

Обязанность представляет собой часть (элемент) правового статуса личности. Данная юридическая категория также стала предметом достаточно большого числа научных исследований. Существует две точки зрения относительно содержания понятия правового статуса личности: узкая и широкая. Первая ограничивает его двумя компонентами, а именно правам и обязанностями. Вторая состоит в добавлении к правам и обязанностям (наличие которых в структуре правового статуса никем не отрицается) иных компонентов:

- принципов;
- правоспособности;
- правосубъектности;
- гражданства;
- правовых гарантий;
- ответственности и т.д.

Несмотря на имеющиеся различия, обе точки зрения сходятся в одном: права и обязанности образуют саму суть, или, как принято говорить, «ядро» правового статуса личности¹.

В литературе выделяю общий и специальные правовые статусы личности. Первый обусловлен общностью изначального юридического положения субъектов, которая, в свою очередь, проистекает из принципа

¹ См.: Витрук Н.В. Указ. соч. С. 31–32.

равноправия граждан перед законом и судом, существование же вторых предопределено участием каждого человека в различных общественных отношениях в самых разных сферах жизнедеятельности.

По нашему мнению, очевидной является определенная параллель между рассмотренной выше дифференциацией общего и специальных правовых статусов и еще одной классической градацией правовых статусов на конституционный и отраслевые. Конституционный правовой статус можно с известной долей уверенности назвать общим, ибо он един для всех граждан Российской Федерации, какие бы области жизнедеятельности не затрагивали их юридически значимые действия и в какие бы конкретные правоотношения они не вступали. В то же время практические действия лица, подпадающие под ту или иную сферу правового регулирования, отрасль права, свидетельствуют о наличии у него соответствующего отраслевого правового статуса.

Помимо вышеперечисленных можно выделить также индивидуальный правовой статус личности, который представляет собой юридическое положение (статус) конкретного лица в определенном его качестве, иными сущность которого очерчивается правами, обязанностями и иными элементами в процессе обладания ими и их непосредственного претворения в жизнь. Данный статус является «симбиозом» общего правового статуса и определенного количества специальных правовых статусов¹.

Поясним на конкретных примерах влияние того или иного вида правового статуса лица на его участие в процессе исполнения права. Общий (он же конституционно-правовой) статус граждан Российской Федерации делает нас всех носителями и исполнителями базовых обязанностей, прямо закрепленных в Основном законе (соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, платить законно установленные налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду, защищать Отечество), а также вытекающих из конституционных прав (таких, как например, обязанность

¹ См.: Витрук Н.В. Указ. соч. С. 304.

каждого уважать человеческое достоинство других людей). Гражданско-правовой (как отраслевой) статус предполагает возникновение тех или иных обязанностей (и прав, разумеется, также) у участников конкретных гражданских правоотношений и, следовательно, делает их субъектами исполнения соответствующих «необходимостей» (равно как и использования имеющихся возможностей). Административно-правовой статус сотрудников полиции распространяет на них все обязанности, перечисленные в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, субъектами исполнения которых они выступают в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Индивидуальный же правовой статус конкретного сотрудника полиции предполагает обязательность для него исполнения приказов и распоряжений именно тех органов и должностных лиц, которые непосредственно для него являются вышестоящими.

Таким образом, субъектом добровольной формы исполнения выступает лицо, правовой статус которого (общий, специальный и индивидуальный) включает наличие соответствующей обязанности. Средством исполнения в данном случае будут выступать инициативные действия самого субъекта, обусловленные одним из рассмотренных выше мотивов.

Однако далеко не все обязанности исполняются «сами по себе» (т.е. по инициативе обязанного), ввиду того, что они противоречат, т.е. внутренне конфликтуют с интересами субъекта, на которые эти обязанности возложили извне, т.е. без учета его воли. Тем не менее, нормы должны быть претворены в жизнь и в этом случае, ввиду чего и существует возможность принудительного исполнения права. Об этом говорил еще в начале прошлого века П.А. Сорокин: «... правовые убеждения членов одного и того же общества далеко не одинаковы и они часто противоречат официальным законам... Непокорных, нарушающих официальное право, принудительно

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

заставляют соблюдать его»¹. Солидарен с ним в озвученной идее был и Н.М. Коркунов: «Юридические нормы, как веления, обращенные к сознательной воле человека, могут быть им и не соблюдаемы и поэтому для своей силы нуждаются в особых обеспечениях их действительного соблюдения. Необходимо каким-нибудь образом понудить к исполнению юридических норм, иначе они остались бы мертвою буквою»².

Реалии любого современного общества таковы, что существование принудительной формы исполнения обязанностей в нем неизбежно. Это продиктовано необходимостью защиты, прежде всего, публичного интереса. Например, неисполнение налоговой обязанности гражданами наносит существенный ущерб интересам государства и общества в целом, поскольку это ограничивает власть в реализации важнейших направлений внутренней и внешней политики³.

Указанная «неизбежность» существования принудительной формы исполнения права не расценивается нами как нечто негативное, а является простой констатацией факта. Как справедливо отмечал П.А. Сорокин почти век назад: «... ни в прошлом, ни в настоящем мы не знаем ни одного общества или государства, в котором официальное право не защищалось бы принудительными мерами, ... принуждающими непокорных соблюдать его»⁴.

При этом принудительная форма исполнения обязанностей является факультативной, поскольку ее существование в большинстве случаев не обязательно. Ее появление становится необходимым только тогда, когда исполнение в основной – добровольной – форме по каким-либо причинам не происходит.

¹ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 109.

² Цит. по: Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Хрестоматия. М., 1998. С. 902.

³ См.: Лагутин И.Б., Вычерова Н.В. Федеральная служба судебных приставов как орган принудительного исполнения налоговой обязанности в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2 (15). С. 32–37.

⁴ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 125.

Что примечательно, сам факт существования принудительной формы исполнения обязанностей является мощнейшим стимулом к добровольной реализации соответствующих норм. Ведущим мотивом здесь выступает упомянутый выше «страх перед наказанием». В свою очередь, неэффективность принудительной формы исполнения права провоцирует новые случаи неисполнения субъектами аналогичных обязанностей добровольно.

Обеспечивать принудительное претворение в жизнь юридических норм призваны уполномочены специальные субъекты. Так кого же считать субъектом исполнения права в этих случаях?

Наиболее наглядно обозначенная дилемма проявляется на примере исполнения наказания. Оно исполняется исключительно в принудительной форме, ведь недаром оно трактуется в уголовном законе как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда.

Мы уже говорили, что существует специальная отрасль права, регулирующая вопросы принудительного исполнения определенного рода юридических предписаний, а именно наказаний – уголовно-исполнительное право. К предмету регулирования названной отрасли относится исполнение и отбывание всех видов наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

При этом определения понятия «исполнение наказаний» не предлагается ни в нормативных правовых актах, ни в научной литературе. Вместо этого лишь уточняется, что термин «исполнение» обращен к представителям органов и учреждений, исполняющих наказания, а «отбывание» – к осужденным, означая претерпевание всего того, что оно в себе несет¹.

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ закреплено, что наказание исполняют специальные учреждения и органы. Более того, в ст. 16 УИК РФ

¹ См.: Анисимков В.М., Капункин С.А., Рыбак М.С. Уголовно-исполнительное право : курс лекций / под ред. В.М. Анисимкова. Саратов, 2001. С. 10.

подробно расписывается, какой конкретно орган исполняет тот или иной вид наказания. Так, наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями, наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – судом, вынесшим приговор, наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы – уголовно-исполнительной инспекцией, наказание в виде лишения свободы – колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой.

На примере наказания становится очевидна дифференциация субъектов, участвующих в процессе исполнения, – тех, к которым была обращена первоначальная обязанность (соблюдать, т.е. не нарушать закон), и тех, кто уполномочен претворить в жизнь реакцию законодателя на ее неисполнение. Факт преступления уже наличествует, следовательно, первоначальная обязанность уже не может быть исполнена. Она трансформируется в обязанность иного рода – претерпеть неблагоприятные последствия (ограничения), предусмотренные уголовным законом и конкретизированные в приговоре, отражающем волю государства (суда, выступающего от его имени). Одновременно у определенных в законе лиц возникает обязанность обеспечить их практическую реализацию, т.е. другими словами, исполнить право. При этом тот, кто претерпевает установленные ограничения, является пассивным субъектом исполнения наказания, а активным, т.е. непосредственным субъектом исполнения должен считаться тот, кто своими действиями воплощает официальную (властную) волю в действительность.

Исполнение наказания всегда противоречит интересам того, в отношении кого оно назначено, так как предполагает для него физические, финансовые, моральные и т.д. ограничения. Даже если преступник осознал свою вину за совершенное и теоретически готов претерпеть неблагоприятные

последствия, предусмотренные вынесенным в отношении него приговором, данный процесс (исполнение наказания) нельзя пускать «на самотек», т.е. предоставлять возможность добровольной реализации, ввиду необходимости неукоснительной реализации принципа неотвратимости наказания.

Вид и мера наказания определяется в приговоре суда, который представляет собой решение о виновности либо невиновности в конкретном преступлении конкретного субъекта. Будучи как обвинительным, так и оправдательным, он подлежит обязательному исполнению, т.е. претворению в жизнь. При этом самостоятельно его реализовать лицо, чью судьбу он решает, не может. Объясняется это тем, что в первом случае приговор содержит в себе указание на необходимость наложения на соответствующее лицо неких ограничений, предполагающих принудительное воздействие, следовательно, о добровольности здесь речь не идет; во втором – отражает государственное решение об отсутствии оснований к такому воздействию, что также не предполагает учет воли подсудимого. Поэтому мы говорим, что субъектом исполнения приговора выступает не гражданин, в отношении которого он вынесен, а специально уполномоченные государством органы и должностные лица, на которые возлагается обязанность по претворению его в жизнь.

Таким образом, если для добровольного исполнения характерно совпадение его субъекта и носителя обязанности, то принудительное исполнение отличается их дифференциацией. При этом субъектом исполнения следует считать того, кто непосредственно претворяет волю законодателя в жизнь (т.е. применяет принудительные меры), а средством исполнения в данном случае выступает процедура правоприменения, включающая механизм наложения юридической ответственности.

Связь между добровольной и принудительной формами исполнения права, казалось бы, очевидна и безальтернативна: в случае отсутствия первой применяется вторая. Таково, например, исполнение конституционной налоговой обязанности, заключающейся в том, что каждый обязан платить

законно установленные налоги и сборы, которое может быть или добровольным, или принудительным. Здесь наблюдается именно прямая зависимость: если налоговая обязанность не исполняется добровольно, то «включается» механизм принудительного исполнения. Уполномоченные органы предпринимают предусмотренные законом меры и взыскивают налоги, в результате помимо того, что происходит исполнение права в самом общем смысле этого термина, одновременно-таки исполняется и первоначальная обязанность.

Однако такая прямолинейная зависимость присутствует далеко не всегда ввиду многообразия форм проявления обязанностей. В отношении одних обязанностей справедливо говорить о возможности существования обеих форм исполнения. Другие же в принципе исполняются только добровольно; если этого не происходит, принудительно исполнены они быть уже не могут. Однако в данном случае, несмотря на то, что «заставить» субъекта исполнить обязанности государство не в силах, оно, тем не менее, должно как-то отреагировать на невыполнение его воли, отраженной в принятой, но не реализованной обязывающей норме. И происходит это в рамках института юридической ответственности, под которой согласно одной из наиболее распространенных сегодня общетеоретических трактовок также подразумевается обязанность, правда, особого рода. Эту особенность С.Н. Братусь видел в принудительном исполнении той же обязанности, если субъект (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не реализует ее по доброй воле¹.

Получается, что за неисполнение обязанности возлагается другая обязанность, которая, как и все прочие, должна быть исполнена. Однако обязанность, заключенная в юридической ответственности, при ее претворении в жизнь, никак не может «помочь» в реализации первоначальной обязанности, которая может быть исполнена только и исключительно добровольно.

¹ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 14.

Таким образом, добровольное исполнение обязанностей обеспечивается не только возможностью принудительного исполнения, но и существованием в праве института юридической ответственности, которые можно рассматривать как мощнейшие негативные стимулы к законопослушному поведению.

Возвращаясь к идее о дифференциации обязанностей по критерию возможных форм их исполнения, считаем необходимым проиллюстрировать ее конкретными примерами. Начать анализ логичнее всего с базовых (конституционных) обязанностей российских граждан, закрепленных в Основном законе страны. К ним, напомним, относятся следующие: соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15), платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду (ст. 58), защищать Отечество (ч. 1 ст. 59). Статус конституционных присвоен им вследствие наивысшей в общегосударственных масштабах значимости, но не в силу однородности их природы. А это порождает различия в их практической реализации, в том числе, и в возможных формах их исполнения.

Важнейшей обязанностью всех субъектов (не только граждан, но и их объединений, государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц) является обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, которая упоминается первой среди прочих в тексте Основного закона страны. Данная обязанность ввиду ее универсальности возведена в ранг специально принципа – законности, который относится к числу общеправовых принципов, т.е. максимально широких начал, имеющих этико-социальные корни, на которых строится все правовое регулирование¹.

Поскольку в формулировке характеризуемой обязанности присутствует глагол «соблюдать», то ее можно одновременно рассматривать и как запрет

¹ См. подробнее: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010.

нарушать Конституцию Российской Федерации и законы. Отсюда вытекает и особенность ее реализации, заключающаяся в том, что названная базовая обязанность всех и каждого должна претворяться в жизнь постоянно и только в добровольной форме. Принудительно исполнена данная обязанность быть не может, ибо если она не реализуется добровольно, т.е. при совершении какого-либо деяния (будь то действия или бездействие) Конституция или законы не соблюдаются, значит, они *нарушаются*. А если правонарушение уже произошло, то применительно к тому самому конкретному деянию вернуть время вспять и заставить «соблюсти» Конституцию Российской Федерации или закон невозможно.

Что касается конституционной обязанности каждого человека сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58), то, на наш взгляд, очевидно, что смысл ее закрепления также состоит именно в добровольном исполнении. Если исходить из языкового (филологического) толкования слова «сохранять», означающего «не подвергать изменениям», «оставлять в прежнем, неизменном виде», то данная обязанность может в принципе быть исполнена только добровольно. Более того, поскольку рассматриваемая обязанность носит очевидно пассивный характер, ее можно трактовать также как запрет (наносить вред окружающей среде), а для запретов характерна уже другая форма реализации – соблюдение, другие способы обеспечения и механизм наступления ответственности за нереализацию.

Если главную конституционную обязанность в экологической сфере рассматривать не как запрет, а все-таки как обязанность (правда, повторимся, пассивную по характеру), то придется констатировать невозможность ее принудительной реализации. Говорить в таком срезе можно лишь об ответственности за неисполнение обязанности (выражающемся как раз в активных действиях, наносящих вред окружающей среде), которая предусматривается в ряде статей Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях.

В литературе можно встретить и иную точку зрения – некоторые ученые полагают, что термин «сохранять» подразумевает собой активность, т.е. действия, нацеленные на сбережение среды обитания¹. При такой трактовке безусловно, принудительная форма исполнения рассматриваемой конституционной обязанности возможна. Однако мы не совсем с ней согласны и считаем, что общая конституционная обязанность каждого гражданина применительно к окружающей среде заключается именно в принципе «не навреди», что очерчивает тот минимум, который необходим для поддержания условий благоприятного существования человека на планете Земля.

В этой связи следует проводить четкую дифференциацию субъектов экологических обязанностей – на граждан, юридических лиц (которых, в свою очередь, целесообразно подразделять на тех, чья деятельность по своему характеру не оказывает специального воздействия на окружающую среду, и тех, чья деятельность потенциально может нанести ей вред) и государство (в лице его органов и должностных лиц). Обязанности последнего обусловлены конституционным правом граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ)². Еще в Конституции РСФСР 1978 г. присутствовала норма, закрепляющая, что «в интересах настоящего и будущих поколений в РСФСР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды» (ст. 18), фактически признавая активный характер конституционных обязанностей государства в экологической сфере.

¹ См.: Мокшин С.И. Совершенствование законодательства в сфере реализации конституционной обязанности по охране окружающей среды // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 1. С. 158–162.

² См.: Хатунцева А.С. Конституционная обязанность Российского государства по охране окружающей среды // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1 (24). С. 184–188.

Таким образом, общий субъект конституционной экологической обязанности, представленный всеми гражданами Российской Федерации, не выступающими в каком-либо ином качестве, чья базовая конституционная обязанность была озвучена выше, может исполнять ее только добровольно. По отношению же к специальным субъектам исполнение экологических обязанностей, которые также охватываются общей конституционной нормой, закрепленной в ст. 58 Основного Закона, возможно как в добровольном, так и принудительном порядке.

Для конституционной обязанности граждан по уплате налогов, как мы уже говорили выше, характерен «классический» вариант соотношения добровольной и принудительной форм реализации. Детально особенности ее исполнения регулирует специальный нормативный правовой акт – Налоговый кодекс РФ, а неисполнения – также Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях.

Итак, возможны обе формы исполнения данной обязанности – и добровольная, и принудительная. Правда, так считают не все специалисты. Некоторые из них полагают, что говорить о добровольном исполнении налоговой обязанности как таковом является некорректным. В своих рассуждениях они ссылаются на тот факт, что исполнение обязанности по уплате налога есть необходимость, продиктованная специальными условиями, и утверждают, что принудительность присутствует как до применения мер принудительного исполнения в связи с тем, что обязанному лицу не предоставляется права выбора (свободы), так и непосредственно в процессе их применения¹.

Возражая приведенной позиции, напомним, что заключенный в обязанности императив не исключает альтернативности – следовать ему добровольно или нет. Это в полной мере относится и к налоговой обязанности. Кроме того, возможность ее добровольного исполнения

¹ См.: Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства). М., 2012. С. 107.

вытекает и из текста Налогового кодекса РФ, где в п. 6 ст. 45 сказано, что неисполнение обязанности по уплате налога (имеется ввиду по доброй воле субъекта, которую он может проявить) выступает основанием для применения мер принудительного исполнения данной обязанности.

Последняя из рассматриваемых конституционных обязанностей – защита Отечества – без сомнения, носит активный характер. При этом в Конституции Российской Федерации она характеризуется не только как обязанность, но и как долг каждого гражданина Российской Федерации. Категория долга имеет одновременно и юридическое, и этическое значение. Она близка к понятию обязанности, но не сливается с ней, отражая привнесение в конституционное регулирование нравственных начал. Тем не менее, анализ текста Основного закона страны свидетельствует о том, что защита Отечества расценивается законодателем все-таки как конституционная обязанность, пусть и особого рода. Эта особенность и обуславливает специфику исполнения рассматриваемой обязанности-долга по защите Отечества по сравнению с реализацией остальных конституционных обязанностей.

Дело в том, что защита Отечества, как и любой другой моральный долг, не может рассматриваться как нечто, навязываемое гражданину внешней силой. Долг – не пожелание со стороны государства, но и не безальтернативное требование, в противном случае мы бы имели дело с психическим насилием над личностью. Государство посредством права не может устанавливать моральные нормы для своих граждан. Долг, пишет Р.М. Казаков, воздействует на поведение человека не посредством закрепления безусловного долженствования в виде обязанности, а путем определения общего ориентира с целью побудить личность к соответствующим действиям, воздействуя на ее сознание¹. Поэтому исполнение обязанности-долга по защите Отечества может быть только добровольным. При этом

¹ См.: Казаков Р.М. Сущность конституционного долга по защите Отечества // Lex Russica. 2009. Т. LXVIII. № 5. С. 1203–1206.

Конституция Российской Федерации не ограничивает личность в выборе способов защиты своей Родины и предоставляет ей широкие возможности для активных действий.

Поскольку защита Отечества – это не только долг, но с юридической точки зрения, прежде всего, обязанность¹, то неизбежным является наступление юридической ответственности за нее неисполнение. Повышенная общественная опасность ее игнорирования, уклонения от реализации, т.е. фактически неисполнения диктует отнесение данного вопроса к сфере уголовно-правового регулирования. Не случайно, отечественные уголовные кодексы разных лет всегда включали соответствующие нормы (ст. 81, 206 УК РСФСР 1922 г.; ст. 66, 68, 69, 70 УК РСФСР 1926 г.; ст. 80, 81, 249 УК РСФСР 1960 г., ст. 328 УК РФ 1996 г.).

С сожалением приходится констатировать, что в 90-е годы прошлого столетия в российском обществе сложилось если не враждебное, то просто негативное отношение к армии, военной службе и, соответственно, одной из важнейших конституционных обязанностей гражданина². Предполагается, что одним из мощнейших ресурсов формирования у молодых людей готовности к исполнению обязанности-долга по защите Отечества должно стать воспитание патриотизма³.

Особого внимания заслуживают формы исполнения гражданско-правовых обязанностей, ибо здесь несколько по-иному обстоят дела с соотношением добровольного и принудительного исполнения. Дело в том, что отрасль гражданского права в целом базируется на принципе свободы, в том числе свободы граждан и юридических лиц в установлении своих прав и обязанностей (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Основываясь на данной посылке, Н.В.

¹ См.: *Маслов Н.А.* Обязанность по защите Отечества как юридическая категория // История государства и права. 2009. № 23. С. 41–42.

² См.: *Гоголев М.И.* Отношение граждан к конституционной обязанности по несению военной службы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 5-1. С. 172–176.

³ См.: *Константинов С.А.* История, концепция и технологии воспитания патриотизма и готовности к защите Отечества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 112. С. 29–36.

Варламова предлагает не только субъективное право, но и юридическую обязанность рассматривать как меру свободы поведения субъекта¹.

Термин «добровольность» созвучен с понятием «свобода», однако смешивать их не стоит. Свобода в отношении гражданско-правовых обязанностей, заключается, во-первых, в свободе их установления, во-вторых, в возможности в большинстве случаев выбора способов их исполнения. Однако это не изменяет самой сути обязанности как необходимости (меры необходимого поведения). Тем не менее, специфика отрасли позволяет определять гражданско-правовую обязанность как меру должного поведения, реализуемого в пределах свободы, предоставленной гражданским законодательством, усмотрением управомоченного или обязанного лица либо соглашением сторон².

Этими соображениями и обусловлено особое сочетание добровольного и принудительного исполнения обязанностей в данной сфере. Как отмечает Л.А. Чеговадзе, обязанности в сфере гражданско-правовых отношений чаще всего – дело добровольное, они возникают по воле субъекта, и, как правило, согласно его же воле и исполняются³.

Исполнение законов как одна из важнейших форм проявления исполнения права, как мы уже выяснили, есть деятельность специальных субъектов, не тождественная общей (конституционной) обязанности граждан соблюдать законодательство конкретной страны. Последняя носит пассивный характер (даже для специальных субъектов, перечисленных в ст. 21 Закона «О прокуратуре», за «исполнением» законов которых осуществляют надзор органы прокуратуры) и состоит в воздержании от

¹ См.: Варламова Н.В. Правоотношения: философский и юридический подходы // Правоведение. 1991. № 4. С. 50.

² См.: Шемчук О.А. К вопросу о мере свободы при возложении и исполнении гражданско-правовых обязанностей // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4. С. 141–144.

³ См.: Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 169.

любых правонарушающих действий; исполнение же законов предполагает комплекс активных действий.

Разумеется, по идее специальные органы и их должностные лица, олицетворяющие собой исполнительную власть, должны исполнять законы добровольно – в силу того, что соответствующая деятельность образует их полномочия, т.е. фактически вменена в обязанность. Но как быть с ситуациями, когда законы (слово «добровольно» не употребляется, но оно подразумевается) не исполняются?

Вопрос этот довольно тонкий. Дело в том, что любое исполнение закона автоматически означает его не нарушение, но не всякое не нарушение есть исполнение. Для случаев прямых нарушений законов государственными органами и должностными лицами в нормативных правовых актах подробно прописан механизм восстановления нарушенного положения вещей и привлечения виновных к юридической ответственности. Здесь правомерно говорить о возможности существования принудительной формы исполнения права. Однако случаи неисполнения законов, не подпадающие под признаки прямого нарушения, гораздо более «трудно доказуемые», следовательно, куда как проблематичнее в отношении них «запустить» механизм принудительного исполнения права, однако это все-таки возможно.

Судебные акты, представляющие собой важнейший объект исполнения права как такового, могут реализовываться за определенными исключениями в обеих формах – и добровольно, и принудительно. Взаимосвязь данных двух форм в отношении рассматриваемого объекта предстает в классической форме – ввиду того, что судебный акт, отражающий волю государства, так или иначе должен быть претворено в жизнь, в случае, если это не происходит добровольно, исполняется принудительно посредством определенного механизма, прописанного в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849.

Упомянутый нормативный правовой акт, без сомнения, больше ориентирован именно на принудительное исполнение, что, однако, как отмечают специалисты, не совсем вписывается в задачу повышения удельного веса мирного урегулирования споров¹. Фактически ее обозначил в своем выступлении на встрече с судьями областных, городских и районных судов бывший Президент РФ Д.А. Медведев: «Мы делаем все возможное для широкого внедрения так называемых примирительных процедур, которые призваны не только разгрузить суды, но и снизить уровень конфликтности в обществе»². Таким образом, данная задача может рассматриваться в качестве одного из приоритетов государственной политики.

Добровольность исполнения должна стать одним из главных приоритетов исполнительного производства. Эту идею еще несколько лет назад озвучил Главный судебный пристав РФ А.О. Парфенчиков, заявляя, что требуется закрепление на законодательном уровне норм, стимулирующих должников к исполнению обязательств по собственной инициативе³.

По общему правилу добровольное исполнение допускается в течение пяти дней со дня получения должником документа о возбуждении исполнительного производства (ч. 12 ст. 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Вместе с тем, из этого правила существуют исключения, перечисленные в ч. 14 ст. 30 Закона, когда судебный пристав-исполнитель не устанавливает срок для добровольной реализации исполнительного документа – то есть случаи, когда, по мнению законодателя, добровольное исполнение в принципе невозможно. К ним относятся, в частности, производства по исполнительному документу о

¹ См.: Чекмарева А.В. Добровольное исполнение судебных решений – путь к социальному консенсусу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 39.

² Из выступления Президента России Д. Медведева на встрече с судьями областных, городских и районных судов // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 1.

³ См.: Доклад директора ФССП России А.О. Парфенчикова на коллегии ФССП России по итогам деятельности за 2012 г. // http://www.fssprus.ru/stenorg_dir/ (дата обращения – 28.02.2016 г.).

конфискации имущества, по исполнительному документу об отбывании обязательных работ, по исполнительному документу о принудительном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, по запросу центрального органа о розыске ребенка, по исполнительному документу, выданному судами общей юрисдикции и арбитражными судами в отношении иностранного государства, а также по исполнительному документу, подлежащему немедленному исполнению. Такой подход законодателя оправдан важностью защищаемых интересов, носящих ярко выраженный общественный (публичный) характер, и необходимостью в этой связи беспромедлительного претворения в жизнь воли государства, отраженной в судебном решении.

В этой связи возникает следующий вопрос: на каких стадиях исполнительного производства возможно проявление добровольности? Несмотря на общую «принудительную» направленность института исполнительного производства, две первые стадии – его возбуждение и подготовка судебного пристава-исполнителя к исполнению – не носят, собственно, принудительный характер. Именно вторая стадия, на которой может произойти примирение сторон, в том числе и посредством медиации, является «оплотом» добровольного начала в исполнительном производстве.

Основным выводом настоящего параграфа выступает то, существует прямая взаимосвязь и взаимообусловленность форм, субъектов и средств исполнения права. *Формами исполнения* являются добровольное и принудительное исполнение. *Субъектом исполнения права* необходимо считать того, кто непосредственно претворяет нормативные предписания в жизнь, и с этой позиции можно выделить самостоятельное исполнение обязанностей и несамостоятельное их исполнение (исполнение «чужих» обязанностей) – принудительные действия компетентного лица по осуществлению обязывающих норм вне зависимости от воли обязанного субъекта (обращение взыскания на имущество, снятие средств со счета по решению суда для исполнения задолженности по налогам, штрафам).

Средствами исполнения выступают, с одной стороны, инициативные действия граждан, с другой – процедура правоприменения, включающее механизм наложения юридической ответственности. В случае добровольного (самостоятельного) исполнения права его субъект совпадает с носителем обязанности, а средством исполнения являются его инициативные действия. При неисполнении обязанности в добровольном порядке и как следствие, возникновении необходимости принудительного (несамостоятельного) исполнения, его субъектом выступают уже специально уполномоченные на то государственные органы и должностные лица, а средством исполнения – правоприменение, в рамках которых субъект первоначальной обязанности привлекается к юридической ответственности.

При этом форма исполнения права (добровольная или принудительная) в каждом конкретном случае зависит от объекта, подлежащего претворению в жизнь. Одни из них могут осуществляться исключительно добровольно (конституционная обязанность каждого гражданина соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы), другие – только принудительно (наказание, приговор), третьи – в обеих формах. В последнюю группу входят все гражданско-правовые обязанности и большинство судебных актов, однако если в отношении первых принудительная форма является факультативной (применяемой если добровольного исполнения не происходит), то вторых – напротив, добровольная реализация выступает исключением из общего правила принудительности исполнения.

§ 2.3. Процесс исполнения права

Исполнение права, как мы уже говорили выше, можно трактовать как цель, процесс и одновременно результат перевода заключенного в юридической норме императива (начала долженствования, общеобязательности) в практические действия. Между тем, наибольшее количество вопросов вызывает именно процессуальная сторона содержания

исполнения права, поскольку с ней связан ряд практических проблем, обусловленных, в свою очередь, недостаточной разработанностью ее теоретических основ.

Термин «процесс» в толковых словарях русского языка определяется как 1) протекание, ход какого-либо явления; 2) совокупность последовательных действий, направленных на достижение некоего результата¹. Понятие юридического процесса, что следует уже из самой формулировки, «перемещает» нас в правовую сферу. Его можно трактовать с позиции как узкого, так и широкого подхода. Первый ограничивает сущность юридического процесса лишь юрисдикционной деятельностью компетентных органов². Второй (к слову, более распространенный в среде ученых – как теоретиков, так и отраслевиков, причем и в советский период, и в настоящее время) базируется на признании процессуального характера за любой юридически значимой деятельностью (правотворческой, правоприменительной, судебной)³. Именно широкий подход считаем целесообразным взять за основу при рассмотрении процесса исполнения права.

Некоторые ученые в своих рассуждениях идут дальше и разграничивают понятия «юридический процесс» и «правовой процесс», считая первый разновидностью второго. Так, например, процесс правового регулирования является правовым, но не юридическим. Различия данных двух абстракций сводятся к следующему:

– если юридический процесс всегда урегулирован нормами права, то о правовых процессах такого сказать нельзя;

¹ См.: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2010. С. 453.

² См.: *Протасов В.Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 14.

³ См.: Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8; *Панова И.В.* Юридический процесс. Саратов, 1998. С. 253; *Кутько В.В.* Юридический процесс: основные методологические подходы к определению понятия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20. С. 154–158.

– содержанием юридического процесса выступают действия исключительно процессуального характера, правовых процессов – также и иные действия, таковыми не являющиеся;

– результат юридического процесса, в отличие от правовых прогнозируем и прописан в процессуальных нормах¹.

Исходя из приведенной трактовки, исполнение права, безусловно, является правовым процессом, но применимо ли к нему определение «юридический»? Немного забегаая вперед, скажем, что процесс исполнения одних объектов (в качестве яркого примера можно привести исполнение судебных решений), безусловно, имеет все основания называться юридическим, в то время как процесс претворения в жизнь других (в частности, конституционных обязанностей граждан) на такой статус претендовать не может. В этой связи процесс исполнения права следует характеризовать именно как *правовой*, поскольку юридическим, т.е. содержащим действия исключительно процессуального характера, он является не во всех случаях, а лишь в их части.

В любом случае рассмотрение исполнения права как процесса предполагает его анализ с точки зрения системы следующих друг за другом в установленном порядке действий, завершающихся достижением намеченного результата. При этом отметим, что исполнение права как таковое само представляет собой один из элементов системы более высокого уровня (и более масштабной по объему) – механизма правового регулирования.

Согласно классической точке зрения, акты реализации (как общеродового понятия по отношению к использованию и исполнению) прав и обязанностей, благодаря которым происходит действительный перевод общих предписаний в практические результаты, на которые была направлена воля законодателя, выступают завершающей стадией действия механизма

¹ См.: *Осипов М.Ю.* Теория правовых процессов и ее место в системе юридической науки // Государство и право. 2015. № 6. С. 71–75.

правового регулирования¹. На данной стадии достигаются цели субъектов, участвующих в правовом регулировании, осуществляются те взаимодействия, ради которых рассматриваемый механизм и был «запущен». Таким образом, исполнение права и механизм правового регулирования соотносятся как часть и целое.

При этом создать универсальную модель процесса исполнения права в принципе не представляется возможным, главным образом, ввиду многовариантности объектов исполнения, подробно исследованной нами ранее. Очевидно, что процессуальные особенности исполнения повседневных трудовых обязанностей работником, обязанностей сторон в рамках гражданско-правовых отношений, судебного акта, наказания и т.д. будут кардинальным образом отличаться, будучи объединенными лишь общей направленностью на практическое воплощение в жизнь юридических предписаний.

Не одинаковой по степени конкретности будет и законодательная регламентация процесса исполнения различных объектов. Так, например, процесс практического претворения в жизнь приказов и распоряжений как самостоятельных объектов, подлежащих исполнению, в принципе никак не урегулирован в законодательстве. В то же время, процесс реализации судебных актов стал предметом детального нормативного закрепления.

Итак, первым детерминирующим фактором при определении условий и особенностей процесса исполнения права является то, какой именно объект должен быть переведен из идеального образа в реальность.

Поскольку посредством исполнения как формы реализации права претворяются в жизнь обязывающие предписания (обязанности), то начать рассмотрение соответствующего процесса необходимо именно с данного базового объекта.

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 283.

Основными стадиями исполнения обязанностей выступают следующие:

- 1) нормативное закрепление обязанности;
- 2) возникновение обязанности в конкретном правоотношении у конкретного субъекта;
- 3) осознание субъектом наличия у него обязанности;
- 4) совершение действия в соответствии с данной обязанностью;
- 5) факультативной стадией в случае добровольного неисполнения обязанности является наступление юридической ответственности и и/или принудительное исполнение обязанности.

Исполнить, то есть осуществить на деле, можно только то, что первоначально существует в идеальном виде. В синониме «выполнить» приставка «вы» указывает на завершенность действия по преобразованию идеи в реальность. В частности, при заключении договора в идеальном виде существуют интересы его сторон, реализация которых и составляет основную цель сделки. А она (реализация), в свою очередь, происходит при исполнении договора¹.

Отталкиваясь от этого, некоторые ученые, в частности, А. Эрделевский, утверждают, что воля субъекта при исполнении обязанностей направлена в конечном счете на прекращение существования обязанности в идеальном виде². Однако данное суждение справедливо по отношению только к так называемым «одноразовым» обязанностям – т.е. обязанностям в правоотношении. Что касается длящихся обязанностей, то их однократное исполнение не ведет к прекращению их существования, а представляет собой лишь один из многочисленных этапов исполнения соответствующей нормы.

Таким образом, второй фактор, определяющий особенности процесса исполнения права, заключается во временном характере императива,

¹ См.: Богданова Е.Е. Принцип реального исполнения обязательства в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика. 2005. № 3. С. 31–35.

² См.: Эрделевский А. О правовой природе исполнения обязанности // Хозяйство и право. 2012. № 1. С. 118–121.

заключенного в юридической норме, который может быть единичным либо длящимся.

В частности, все конституционные обязанности человека носят длящийся характер, поэтому разовый исполнительный поведенческий акт не прекращает их существование. Даже такая обязанность, как защита Отечества, которая чаще всего сводится к прохождению военной службы, распространяет свое действие на больший срок, нежели длится данная служба. Нельзя сказать, что, совершив определенные действия, ты раз и навсегда защитил свое Отечество.

Такие же обязанности, как соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, сохранять окружающую среду, бережно обращаться с природными ресурсами в принципе можно отнести к «пожизненным» обязанностям человека, несмотря на то, что возникают они не с его рождением, а несколько позже. Их появление сопряжено с дееспособностью индивида, т.е. способностью своими действиями приобретать права, создавать юридические обязанности и нести ответственность за совершенные правонарушения, которая в полном виде по общему правилу наступает в 18 лет.

В определенной степени это же относится и к обязанности платить законно установленные налоги и сборы. Хотя конкретный их перечень определяется статусом субъекта, который может меняться, общая обязанность уплачивать налоги возникает с момента появления у него дееспособности.

Длящимися являются трудовые (профессиональные), а также должностные (служебные) обязанности, поэтому их исполнение состоит в постоянном осуществлении определенных действий, образующих их содержание.

Коренным образом отличается исполнение обязанностей в гражданском праве. Здесь мы имеем дело с обязанностями, входящими в содержание обязательств, которые корреспондируют соответствующим

субъективным правам. В рамках гражданских правоотношений исполнение юридической обязанности иррационально и в принципе невозможно рассматривать в отрыве от осуществления субъективного права. Как отмечают специалисты в данной сфере, самостоятельность отдельных элементов обязательства, в том числе и исполнения обязанности, весьма условна¹.

Таким образом, исполнение в гражданском праве вполне может быть представлено единичным действием. Это согласуется с изначальным значением слова «исполнить», чьи корни проистекают из старославянского языка, который буквально трактуется как «сделать что-либо полностью (до конца)»².

Если исполнение обязанности являет собой единичное действие, то для прекращения обязательства необходим целый ряд действий³. Реализацию гражданско-правового обязательства образует состоящая из нескольких стадий последовательная смена правовых состояний, представленная юридическими процессами возникновения, изменения и исполнения, направленная в конечном счете на получение блага.

Обязательство для того и появляется, чтобы быть исполненным. Об этом говорил еще Ф.К. Савиньи: исполнение обязательства и есть его сущность⁴. Благодаря исполнению реализуются цели сделки, достигается желаемый правовой результат и, в конечном счете, происходит удовлетворение интересов сторон. При этом с общефилософских позиций исполнение обязательства направлено не только на удовлетворение потребностей непосредственных участников правоотношений, но и на решение общесоциальных задач⁵.

¹ См.: *Вавилин Е.В., Колодуб Г.В.* Методологический подход при исследовании категории «исполнение гражданско-правовой обязанности» // *Власть закона.* 2012. № 4. С. 29.

² См.: *Шанский Н.М., Боброва Т.П.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994. С. 113.

³ См.: *Толстой В.С.* Исполнение обязательств. М., 1973. С. 25.

⁴ См.: *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс, Н. Мандро. СПб., 2004. С. 6.

⁵ См.: *Сарбаши С.В.* Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 26.

Впрочем, ряд авторов и само исполнение гражданско-правовой обязанности рассматривает как систему, элементами которой выступают вспомогательные сделки, порождающие секундарные обязанности¹. Однако в рамках настоящего исследования усложнять подход к исследованию природы гражданско-правовой обязанности считаем излишним и останавливаемся на том, что исполнение обязанности в гражданском правоотношении (обязательстве) есть единичное действие, направленное на достижение цели данного обязательства, заключающейся в пользовании конкретным (материальным либо нематериальным) благом.

Таким образом, процесс исполнения права в зависимости от отраслевой принадлежности (природы) исполняемых обязанностей можно классифицировать на процесс исполнения конституционных, трудовых, гражданско-правовых, процессуальных (гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных) обязанностей. Каждому из перечисленных видов процесса присущи свои особенности (в частности, процесс исполнения конституционных и трудовых обязанностей носит длящийся характер, в то время как процесс исполнения гражданско-правовых обязанностей отличается преимущественно единичностью действий по их исполнению).

Напомним, что обязанности могут реализовываться как добровольно, так и в принудительном порядке. Данную дифференциацию можно считать третьим и имеющим, пожалуй, наиболее принципиальное значение при характеристике особенностей процесса исполнения различных объектов фактором.

Дело в том, что в случае добровольной реализации правовых предписаний обязанным лицом процесс исполнения не нуждается и в принципе не подлежит тотальной нормативной регламентации. Объясняется это тем, что посредством проявления «доброй воли» субъекта к исполнению обязанности реализуется начало свободы, присутствующее, как ни парадоксально, в любом нормативном предписании, а свобода – это есть

¹ См.: *Вавилин Е.В.* Указ. соч. С. 27–29.

отсутствие внешних ограничений. Следовательно, когда человек принимает решение исполнить право (в виде возложенной на него обязанности) инициативно, не дожидаясь принудительного воздействия со стороны, он тем самым получает определенный простор для собственных действий, разумеется, в очерченных законом рамках. В этом случае законодательно закрепляются лишь отдельные ориентиры процесса исполнения (сроки, место исполнения, возможность исполнения третьим лицом и т.д.).

Детальное же нормативное урегулирование процесса исполнения права требуется только для принудительной его формы. Последняя всегда связана с определенными ограничениями прав и свобод граждан, что необходимо в целях защиты прав и свобод других лиц, а также поддержания состояния законности и правопорядка в обществе. А это, безусловно, требует пошаговой законодательной «инструкции», т.е. полного и подробного закрепления в нормативных правовых актах порядка осуществления (процесса) исполнения.

Иными словами, под процессом исполнения права в случае отсутствия какого-либо уточнения, как правило, подразумевается порядок организации именно принудительного претворения в жизнь правовых предписаний. Однако и применительно к данной конкретной (а именно, принудительной) форме исполнения выработка универсальной процессуальной модели не представляется возможной. Несмотря на общность принудительного начала, специфика различных объектов, заключающих в себе идеальные образы, требующие перевода в реальность, настолько велика, что можно говорить лишь о закономерностях организации и протекания процесса исполнения только какого-либо отдельно взятого из них.

Более того, даже выбрав в качестве предмета анализа один конкретный объект, в частности, наказание, создать единую схему претворения его в жизнь оказывается весьма проблематичным. Это подтверждается, в частности, отсутствием в общей части Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а также большинства учебников по соответствующей отрасли (которые

также по аналогии с УИК РФ имеют общие и особенные части) раздела, посвященного процессу, а именно, стадийному урегулированию исполнения наказания как такового. Вместо этого, в особенных частях (как Кодекса, так и учебников) исследуются особенности процесса исполнения различных видов наказаний, с отдельными попытками теоретического обобщения (выражающихся, например, в обособлении разделов, посвященных исполнению наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (раздел II УИК РФ).

Применительно к процессу исполнения наказаний научному анализу подвергаются различные его аспекты, индивидуализирующие именно данный объект исполнения в ряду всех остальных и не зависящие от конкретного его вида, как то: юридические гарантии правового статуса личности в целом¹ и конкретно права осужденных² в процессе исполнения наказаний; значение судимости в рассматриваемом процессе³; влияние норм международного права на процесс исполнения наказания в Российской Федерации⁴ и т.п.

Таким образом, не имея возможности создать универсальную модель урегулирования процесса исполнения наказаний, законодатель пошел по вполне логичному пути закрепления в базовом нормативном правовом акте отрасли особенностей протекания каждого из его видов с объединением в одну группу тех, которые не связаны с изоляцией осужденных от общества, что также представляется оправданным.

Однако исполнение одного из видов объектов получило, тем не менее, максимально подробную регламентацию в законодательстве. Речь идет о

¹ См.: *Пикин И.В.* Юридические гарантии правового статуса личности в процессе исполнения наказания. Монография. Владимир, 2008.

² См.: *Некрасов А.П.* Конституционные права осужденного в процессе исполнения наказания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 47–52.

³ См.: *Зинин Г.Ю.* Значение судимости в процессе исполнения наказаний // Российский судья. 2014. № 9. С. 46–48.

⁴ См.: *Миняева Т.Ф.* Нормы международного права и проблемы их реализации в процессе исполнения наказания в Российской Федерации // Международное уголовное право: актуальные вопросы и современные проблемы: сборник научных статей и сообщений. М., 2014. С. 102–110.

процессе принудительного претворения в жизнь актов судебных органов и иных правоприменительных актов, получившем специальное терминологическое обозначение – исполнительное производство. Последнее как раз и может рассматриваться в качестве «классического» варианта юридического процесса, удовлетворяющего всем его отличительным признакам, иными словами, характеризующееся:

- деятельностью природой;
- направленностью на достижение определенной цели;
- осуществлением в соответствии с определенным набором требований и правил;
- официальным документальным закреплением промежуточных и окончательных его итогов;
- участием в его осуществлении органов власти;
- стадийностью¹.

Само понятие современного исполнительного производства можно считать достаточно обстоятельно проработанным в юридической литературе, что обуславливает многообразие вариантов его определения. Озвучим лишь небольшую их часть, отражающую основные подходы ученых к сущности рассматриваемого феномена.

По мнению И.Б. Морозовой и А.М. Треушникова, термин «исполнительное производство» подразумевает под собой прописанный в законе порядок принудительного претворения в жизнь актов юрисдикционных органов, направленный на практическое осуществление защиты нарушенных или оспоренных предоставленных законом возможностей – субъективных прав или законных интересов².

Ю.А. Свирин трактует исполнительное производство как деятельность специально уполномоченных на то субъектов по принудительному

¹ См.: Уваров П.В. Исполнительное производство как разновидность юридического процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

² См.: Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство: учебно-практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 3.

исполнению судебных и иных актов, регламентируемую специальным нормативным правовым актом¹.

О.В. Исаенкова также определяет данную категорию через понятие деятельности, но уже конкретизирует ее субъектный состав (приставы-исполнители и другие участники правоотношений), условия, в которых она протекает (в процессе реализации судебных исполнительных листов и иных исполнительных документов), а также ее природу (государственное принуждение)².

Анализ приведенных выше, а также ряда других дефиниций позволяет вывести некие основные признаки, характеризующие феномен исполнительного производства:

1) суть его заключается в понятии деятельности, осуществляемой в определенной форме (процедуре);

2) реализуется данная деятельность вне зависимости от или даже против воли должника, т.е. воплощает в себе одну из форм проявления государственного принуждения;

3) субъектами ее могут выступать только уполномоченные на то лица (судебные приставы-исполнители Федеральной службы исполнения наказаний);

4) она направлена на практическое претворение в жизнь специальных правовых актов – исполнительных документов;

5) для ее регламентации приняты специальные нормативные правовые акты (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»³).

¹ См.: *Свирин Ю.А.* Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М., 2009. С. 34.

² См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» / под ред. О.В. Исаенковой // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3590.

Все признаки исполнительного производства логически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Любая форма проявления государственного принуждения, ввиду того, что неизбежно включает в себе некие ограничения прав граждан, должна быть строго урегулирована в законодательстве (специальными нормативными правовыми актами), осуществлять ее может четко очерченный круг лиц и, безусловно, в детально прописанном порядке и при конкретных условиях.

Еще в Концепции судебной реформы Российской Федерации 1991 г. отмечалось, что «значение даже объективно правильных судебных решений сводится на нет неэффективностью их исполнения – оно не гарантирует ни быстрого и полного восстановления нарушенных прав, ни сдерживания противоправного поведения в будущем»¹. Существование исполнительного производства в современном обществе неизбежно, поскольку оно обеспечивает реализацию задачи правильного и своевременного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных российским законодательством случаях – исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Что касается природы исполнительного производства, то следует обозначить три основные точки зрения по данному вопросу. Согласно первой из них (надо отметить, сегодня все менее популярной), исполнительное производство представляет собой заключительную стадию гражданского (арбитражного) процесса². В качестве аргументов, подтверждающих данную позицию, ее сторонники указывают на то, что, во-первых, основаниями возбуждения исполнительного производства являются преимущественно постановления судов, во-вторых, суд выступает одним из субъектов

¹ Концепция судебной реформы Российской Федерации от 24 октября 1991 г. М., 1991. С. 10.

² См., напр.: *Сергун А.К.* Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980; *Морозова И.Б., Треушников А.М.* Указ. соч. С. 3.

исполнительного производства, в-третьих, в исполнительном производстве применяются многие принципы гражданского процессуального права.

Вторая точка зрения заключается в рассмотрении исполнительного производства в качестве самостоятельной (комплексной) отрасли права¹. Как и любую другую отрасль, исполнительное производство наделяют своим предметом (процессуальные отношения, складывающиеся по поводу принудительного исполнения судебным приставом-исполнителем исполнительных документов) – и методом (императивно-диспозитивным). Озвученная позиция подкрепляется следующими соображениями:

- основанием для возбуждения исполнительного производства выступают не только акты судов, но и других субъектов;
- главный его субъект – судебный пристав-исполнитель, а вовсе не суд;
- большинство норм, регулирующих данную деятельность, содержится не в ГПК РФ и АПК РФ, а в специальных нормативных правовых актах (которые были названы выше);
- не исключена возможность добровольного исполнения, что не может быть завершающей стадией гражданского (арбитражного) процесса.

Впрочем, и у данной, безусловно, более распространенной на настоящий момент позиции есть свое «уязвимое» место, а именно то, что указанные в качестве предмета отрасли общественные отношения носят вспомогательный характер и подпадают под действие различных отраслей права.

Наконец, сторонники третьей точки зрения, число которых в последнее время, пожалуй, только увеличивается, расценивают исполнительное

¹ См.: *Валеев Д.Х.* Исполнительное производство и процессуальная форма // *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса.* 2003. № 2. С. 378–386; *Вставская И.М., Савченко С.А.* Исполнительное производство: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 14; *Уваров П.В.* Указ соч.

производство как часть (подотрасль, институт) административного права¹. В пользу этого, по их мнению, свидетельствует то, что:

- Федеральная служба судебных приставов входит в систему органов исполнительной власти, а судебный пристав-исполнитель является государственным гражданским служащим;
- возникающие в процессе исполнительного производства правоотношения носят властный характер;
- среди исполнительных документов большинство составляют постановления по делам об административных правонарушениях.

Критика последней из изложенных точек зрения сводится к указанию на возможное наличие диспозитивных начал в исполнительном производстве. Впрочем, данный аргумент не может претендовать на абсолютность, поскольку диспозитивные начала присутствуют и в других отраслях права, императивных по своей природе (административное, уголовное право).

В качестве подхода, «примиряющего» все вышеперечисленные, можно считать, например, позицию Л.Г. Коноваловой, основывающуюся на признании правового регулирования исполнительного производства комплексным образованием, принадлежащим сразу нескольким отраслям права².

Нормативная база процесса исполнительного производства представлена в виде трехуровневой системы. На иерархически первом уровне располагаются конституционные нормы, имеющие высшую юридическую силу; на втором – специальные (тематические) законы – Федеральный закон «Об исполнительном производстве», Федеральный закон «О судебных

¹ См.: *Оганесян В.М.* Исполнительное производство в Российской Федерации: административно-правовая природа и правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Попова Ю.А.* Процессуальная форма разрешения споров, возникающих из публичных и административных правоотношений // *Российский судья*. 2011. № 4. С. 5–8.

² См.: *Коновалова Л.Г.* Понятие, правовая природа и принципы исполнительного производства // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2014. № 11. С. 77–80.

приставах»; нормы раздела VII ГПК РФ, раздела VII АПК РФ; на третьем – подзаконные нормативные правовые акты, носящие организационно-управленческий характер: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные документы Министерства юстиции РФ и Федеральной службы судебных приставов (напр., Указ Президента РФ от 14 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов»¹ и др.).

Специфика исследуемой области обусловила выделение рядом авторов понятия *режима исполнительного производства*, который рассматривается как один из видов административно-правовых режимов, индивидуализирующийся сферой общественных отношений, которые складываются в процессе реализации специально уполномоченными субъектами механизма государственного принуждения, служащего целям восстановления прав и законных интересов граждан и их объединений в случае их нарушения². С содержательной стороны под режимом исполнительного производства понимают законодательно закрепленный порядок организации деятельности судебных приставов, обеспечивающий результативное осуществление процессуальных действий, направленных на принудительное исполнение судебных и других актов³. Исходя из такой трактовки, названное понятие имеет определенную параллель с классификацией стадий исполнительного производства.

Стадийность рассматривают в качестве общего (и зачастую базового) признака всех юридических процессов, характерного, в том числе, и для исполнительного производства. Относительно же числа стадий процесса исполнительного производства единое мнение отсутствует. В настоящее время даже среди специалистов нет согласия в том, какую именно совокупность процессуальных действий можно считать самостоятельной стадией, а какую – лишь частью другой, более объемной абстракции. В

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42, ст. 4111.

² См.: Оганесян В.М. Указ. соч. С. 9.

³ См.: Бурмаков И.Ю. Указ. соч. С. 7–8.

качестве признака, свидетельствующего об обособлении того или иного комплекса действий в стадию исполнительного производства, можно считать направленность на достижение определенной, причем не конечной, а некой близлежащей цели процесса. Впрочем, и данный критерий не гарантирует единообразия точек зрения.

Минимально выделяют три стадии: возбуждение и подготовку к непосредственному исполнению; осуществление исполнительного производства; его окончание¹.

Д.Х. Валеев говорит уже о четырех основных стадиях. Первой стадией, по его мнению, выступает возбуждение исполнительного производства, вторая представлена подготовкой к принудительному исполнению судебного пристава-исполнителя, третья заключается в непосредственном применении к должнику мер государственного принуждения, четвертая стадия наступает в случае обжалования действий судебного пристава-исполнителя².

В.А. Гуреев и В.В. Гущин расширяют перечень самостоятельных стадий исполнительного производства до шести. Первые три стадии аналогичны тем, которые выделяет Д.Х. Валеев. На четвертой стадии происходит распределение сумм, которые были взысканы, на пятой – исполнительное производство завершается, и наконец, шестая стадия также состоит в обжаловании действий судебного пристава³.

Стадии исполнительного производства подразделяются на две основных группы. Первая охватывает возбуждение исполнительного производства, подготовку к принудительному исполнению и завершение исполнительного производства. Это *обязательные* стадии. Все остальные стадии являются факультативным, поскольку при определенных условиях могут так и не наступить. Здесь мы опять сталкиваемся с детерминацией особенностей процесса исполнения той формой, в которой это происходит.

¹ См.: Пособие по исполнительному производству для судебных приставов-исполнителей / под ред. И.В. Решетниковой. М., 2000. С. 109; Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2007. С. 513.

² См.: Валеев Д.Х. Указ. соч. С. 53.

³ См.: Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник. М., 2009. С. 136.

Так, если требования, содержащиеся в исполнительном документе, должник реализует добровольно (а такая возможность, как мы уже выяснили, существует в большинстве случаев), в установленный для этого срок, то необходимость в принудительном исполнении отпадает, и исполнительное производство завершается.

Каждая из стадий исполнительного производства (порядок, условия и особенности ее протекания) достаточно подробно урегулирована в пятой и последующих главах Федерального закона № 119-ФЗ. Но поскольку абстракцией «исполнение права» обозначается не только процесс, но одновременно и его результат, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает последняя, итоговая стадия рассматриваемой системы действий, а именно завершение исполнительного производства.

Примечательно, что Федеральный закон № 119-ФЗ данную стадию как таковую не обозначает, оперируя терминами «прекращение исполнительного производства» и «окончание исполнительного производства». При этом законодатель не уточняет, каков именно критерий их дифференциации, ограничиваясь лишь перечислением оснований для каждого из них. В качестве такового специалисты (правда, с известной долей условности) предлагают считать субъектов, уполномоченных завершать (прекращать или оканчивать) исполнительное производство. Если первое может произойти по инициативе как суда, так и судебного пристава-исполнителя (по исчерпывающему перечню оснований, закрепленных в законе), то второе – только в результате действий судебного пристава исполнителя¹.

Прекращение исполнительного производства по инициативе суда происходит в случаях:

- 1) смерти взыскателя-гражданина (должника-гражданина), объявления его умершим или признания безвестно отсутствующим, если установленные судебным актом, актом другого органа или должностного лица требования или обязанности не могут перейти к правопреемнику и не могут быть

¹ См.: Гуреев В.А., Гуцин В.В. Указ. соч. С. 215.

реализованы доверительным управляющим, назначенным органом опеки и попечительства;

2) утраты возможности исполнения исполнительного документа, обязывающего должника совершить определенные действия (воздержаться от их совершения);

3) отказа взыскателя от получения вещи, изъятой у должника при исполнении исполнительного документа, содержащего требование о передаче ее взыскателю;

4) в иных случаях, предусмотренных законодательством.

По инициативе второго из вышеназванных субъектов исполнительное производство может быть прекращено, если:

1) суд принимает акт о прекращении исполнения выданного им исполнительного документа;

2) суд принимает отказ взыскателя от взыскания;

3) судом утверждается мировое соглашение, соглашение о примирении между взыскателем и должником;

4) отменяется судебный акт, на основании которого выдан исполнительный документ;

5) отменяется или признается недействительным исполнительный тот документ, который стал основанием возбуждения исполнительного производства;

6) наступают официально установленные условия исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица по делу об административном правонарушении;

7) вносится запись об исключении юридического лица (взыскателя-организации или должника-организации) из единого государственного реестра юридических лиц;

8) исполнительный документ содержит требование о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в ней ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа

на основании международного договора Российской Федерации и ребенок достиг возраста, по достижении которого указанный международный договор не подлежит применению в отношении этого ребенка.

Понятие «прекращение исполнительного производства», как мы уже говорили, не тождественно понятию «окончание исполнительного производства», что становится очевидным хотя бы исходя из анализа их оснований, к числу которых применительно к последнему относятся:

- фактическое претворение в жизнь требований, которые содержатся в исполнительном документе;
- фактическая реализация за счет одного или нескольких должников требования о солидарном взыскании, содержащегося в исполнительных документах, объединенных в сводное исполнительное производство;
- возвращение взыскателю исполнительного документа по основаниям, предусмотренным ст. 46 Федерального закона № 119-ФЗ;
- возвращение исполнительного документа по требованию суда, другого органа или должностного лица, выдавших исполнительный документ;
- ликвидация должника-организации и направления исполнительного документа в ликвидационную комиссию (ликвидатору), за исключением исполнительных документов, указанных в ч. 4 ст. 96 Федерального закона № 119-ФЗ;
- признание должника банкротом и направления исполнительного документа арбитражному управляющему, за исключением исполнительных документов, указанных в ч. 4 ст. 96 Федерального закона № 119-ФЗ;
- направление копии исполнительного документа в организацию для удержания периодических платежей, установленных исполнительным документом;
- истечение срока давности исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица по делу об административном правонарушении независимо от фактического исполнения этого акта.

Во всех вышеперечисленных случаях (как прекращения исполнительного производства, так и его окончания) можно говорить о том, что в результате соответствующего процесса право было исполнено, разумеется, не как таковое (ибо это, в принципе невозможно), а применительно к конкретной юридически значимой ситуации, особенности которой формально были отражены в исполнительном документе. «Исполненность», т.е. завершенность действий по преобразованию идеи в реальность подтверждается соответствующими документами, а именно постановлением о прекращении либо окончании исполнительного производства (в первом содержится указание на отмену всех назначенных мер принудительного исполнения, в том числе ареста имущества, а также установленных для должника ограничений, во втором – на исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, полностью или частично, за исключением случаев, установленных в законе)¹.

Резюмируя вышеизложенное, *процесс исполнения права* можно рассматривать как совокупность процедур (стадий), количество, особенности и последовательность которых в каждом конкретном случае определяются следующими параметрами: во-первых, объектом исполнения, во-вторых, временным характером императива, заключенного в правовой норме (единичный или длящийся), в-третьих, формой исполнения (добровольная или принудительная), в-четвертых, степенью его нормативного урегулирования (детальная или обобщенная). При этом все признаки взаимосвязаны и взаимообусловлены (так, степень детальности нормативного урегулирования в той или иной ситуации зависит от формы исполнения, а она в свою очередь, равно как характер императива – от конкретного объекта, подлежащего реализации).

¹ См.: Уруков В.Н. Отдельные вопросы прекращения и окончания исполнительного производства // Право и экономика. 2005. № 11. С. 75–78.

ГЛАВА 3. ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА

§ 3.1. Правовое регулирование вопросов юридической ответственности за неисполнение права

В процессе научного анализа понятия «исполнение права» мы так иначе не могли не затронуть его понятие-антипод – «неисполнение». Вместе с тем, учитывая тот факт, что данный термин обозначает самостоятельное юридическое явление, имеющее собственное содержание, влекущее определенные правовые последствия, феномен неисполнения права, на наш взгляд, заслуживает отдельного изучения.

Главное, что следует подчеркнуть: *неисполнение является правонарушающим по своей сути*. Если неиспользование как противоположность другой формы реализации права законодателем допускается, то неисполнение всегда оценивается как противозаконное явление. Исключением являются случаи неисполнения заведомо незаконных приказов или распоряжений, в уголовном праве (ст. 42 УК РФ), где ключевым является именно изначальная и сознаваемая субъектом исполнения незаконность соответствующих требований, что нивелирует противоправность их нереализации.

Характеристику неисполнения логично провести по той же схеме, что и его положительного антипода, поэтому прежде всего необходимо определиться с его объектами. Объекты неисполнения – собственно, аналогичны объектам исполнения. Если взять за исходный момент то, что исполнение есть форма реализации права, посредством которой претворяются в жизнь обязывающие нормы, т.е. обязанности, то получается, что именно они являются главной «жертвой» неисполнения. В уголовно-правовой сфере на этот факт прямо указывают названия ряда статей УК РФ ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию

несовершеннолетнего», ст. 199.1 УК РФ «Неисполнение обязанностей налогового агента», ст. 330.2. УК РФ «Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве»).

Однако даже в рамках данной отдельно взятой сферы общественных отношений вопросы ответственности за неисполнение (а также ненадлежащее (некачественное, неполное и (или) несвоевременное исполнение) обязанностей фактически затрагивает значительно большее количество норм. Даже если в названии статьи отсутствует прямое указание на неисполнение обязанности, то анализ ее текста может свидетельствовать о том, что в качестве объективной стороны преступления выступает именно оно. Таковы, например, деяния, предусмотренные ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» (без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом), ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда» (лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению), ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности» (лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению), ст. 228.2 УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ» (лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных в законе правил), ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации, создающей опасность для жизни или здоровья людей (лицом, обязанным обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией) и т.д.

Помимо непосредственно обязанностей объектами преступного неисполнения выступают также приказы (ст. 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органов внутренних дел приказа», ст. 332 УК РФ «Неисполнение приказа»), приговоры суда, решения суда и иные судебные

акты (ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»).

Неисполнение, несмотря на свою противозаконную сущность, не всегда является преступным, поэтому различные его вариации, помимо Уголовного кодекса РФ, регулируются также и иными нормативными правовыми актами, в частности, Кодексом РФ об административных правонарушениях. Исходя из анализа названий и текстов его статей, объектами неисполнения, подпадающего под признаки административного правонарушения, наряду с *обязанностями* (ст. 5.35. КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних», ст. 21.5. КоАП РФ «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету»), могут быть также *решения* (ст. 5.3. КоАП РФ «Неисполнение решения избирательной комиссии, комиссии референдума»), *распоряжения* (ст. 17.3. КоАП РФ «Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов»), *поручения* (ст. 15.10. КоАП РФ «Неисполнение банком поручения государственного внебюджетного фонда), *требования* (ст. 17.15. КоАП РФ «Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера») и т.п.

Продолжая анализ специфики объектов неисполнения в различных отраслях права, отметим, что трудовое законодательство чаще всего сталкивается с «классическим» вариантом, выражающимся в неисполнении обязанностей. Последние являются основным объектом правонарушающей нереализации также в рамках конституционного, семейного, земельного, финансового и других отраслей права. Несколько выделяется в этом плане гражданское законодательство, оперируя главным образом термином «исполнение (и соответственно, неисполнение) обязательств».

Тем не менее, аналогично тому утверждению, что исполнение любого объекта есть проявление исполнения права как такового (или исполнения

норм права, что в контексте нашего исследования одно и то же), всякий единичный случай нереализации чего-либо из вышеперечисленного представляет собой одну из возможных вариаций противозаконного неисполнения права.

Помимо различий в объектах неисполнения, также следует упомянуть о дифференциации неисполнения по субъекту. Общим субъектом неисполнения как правонарушающего деяния являются граждане. В качестве примера специального субъекта неисполнения можно привести государственные органы в лице их должностных лиц, игнорирующие (полностью или частично) возложенные на них обязанности, реализация которых необходима для выполнения тех или иных функций государства. При этом в своей повседневной жизнедеятельности, т.е. во всем, что не имеет отношения к выполнению их служебных обязанностей, данные лица могут также выступать в качестве общего субъекта неисполнения.

Еще один важнейший признак неисполнения, «зеркально отражающий» соответствующий признак его положительного антипода – исполнения, – заключается в том, что оно всегда происходит посредством бездействия.

Правонарушающая сущность неисполнения права как юридического феномена детерминирует причинно-следственную связь каждого его факта с наступлением юридической ответственности.

Юридическая ответственность – одно из наиболее востребованных понятий в юридической науке, причем как в теории права, так и в отраслевых дисциплинах. Она представляет собой разновидность ответственности социальной, наполненной специфическим юридическим содержанием. Несмотря на довольно распространенный в литературе подход, допускающий существование наряду с негативной юридической ответственностью ответственности позитивной, если мы не употребляем соответствующее уточняющее определение, то имеется ввиду именно первая. Это объясняется тем, что, как мы уже говорили, неисполнение по своему характеру всегда

противозаконно, следовательно, поскольку правонарушение уже произошло, речь должна идти о «классической», негативной, или как ее еще называют, ретроспективной юридической ответственности.

Вследствие отмеченной востребованности в научной среде отсутствует единообразный подход к трактовке сущности названной категории. Если обратиться к философскому пониманию данного феномена, то ответственность связывают со свободой воли (свободой выбора)¹. В юриспруденции же ответственность приобретает несколько иное значение. Отметим лишь некоторые из предлагаемых трактовок сущности юридической ответственности:

- как реакции на правонарушение²;
- как юридического отношения (охранительного по своей родовой природе)³;
- как меры принуждения к соблюдению норм права, применяемой органами государства к тем, кем эти нормы нарушаются⁴;
- как применения к правонарушителю санкций правовых норм⁵, их реализация⁶;
- как претерпевания правонарушителем неблагоприятных последствий⁷;
- как особого рода обязанности – исполнить требования, установленные юридической нормой, реализующейся в законопослушных действиях субъекта, соответствующих интересам государства, а в случае ее нарушения – претерпеть определенное ограничение прав⁸ и т.д.

¹ См.: Винденбальд В. О свободе воли. Минск, 2000. С. 192.

² См.: Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 130.

³ См.: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как правоохранительное правоотношение // Советское государство и право. 1980. № 8. С. 122.

⁴ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 318.

⁵ См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 334.

⁶ См.: Самощенко И.С., Фарукиин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 54.

⁷ См.: Иваненко О.Ф. Некоторые проблемы теории юридической ответственности. Волгоград, 1979. С. 4.

⁸ См.: Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2004. С. 15.

В реальности юридическая ответственность всегда предстает в каком-либо своем виде¹: уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой ответственности. Иногда к данным четырем традиционным видам одни ученые дополнительно добавляют конституционную², материальную³, процессуальную⁴ ответственность, что, как полагают другие, например, Н.Н. Вопленко, является весьма спорным⁵.

В частности, ученые, выступающие против выделения материальной ответственности в качестве самостоятельного вида, аргументируют свою позицию тем, что она полностью поглощается ответственностью дисциплинарной в случае совершения дисциплинарного (трудового) проступка⁶. Кроме того, за материальный ущерб, причиненный при выполнении трудовых обязанностей, предусматривается и гражданско-правая ответственность (ст. 346 ТК РФ), меры которой носят имущественный (т.е. материальный) характер. «Материальная ответственность» есть по сути не что иное, как санкция, а санкции предусматриваются во всех видах юридической ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой), следовательно, она не может быть поставлена в один ряд с ними, через запятую.

За различные вариации неисполнения права возможно наступление всех видов юридической ответственности, что регулируется соответствующими отраслями законодательства.

Наибольший удельный вес в массиве юридических норм, закрепляющих меры ответственности за неисполнение обязанностей, принадлежит сферам уголовного и административного права. Базовые

¹ См.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Указ. соч. С. 178.

² См.: *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 13.

³ См.: *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 2004. С. 43.

⁴ См.: *Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 340–365.

⁵ См.: *Вопленко Н.Н.* О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 42.

⁶ См.: *Ячменев Ю.В.* Юридическая ответственность: понятие, виды и особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 54. № 2. С. 67–68.

законы соответствующих отраслей – Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ – регулируют ситуации, выходящие за рамки нормальных. Должное течение вещей предусматривает именно исполнение обязанностей, поскольку последние для того и существуют, т.е. возложены правовой нормой на субъекта, чтобы быть исполненными. Посредством этого право претворяется в жизнь, равно как в других случаях – путем реализации предусмотренных возможностей.

Вообще, применительно к уголовному и административному праву (а именно той его части, которая регулирует административные правонарушения путем установления запрета) наблюдается довольно любопытная ситуация. Общеизвестным является то, что Уголовный кодекс РФ по сути – это свод запретов (равно как и Кодекс РФ об административных правонарушениях). Государственный (и одновременно общественный) интерес заключается в том, чтобы предусмотренные в нем модели ситуаций не превращались в конкретные правоотношения. Для этого у законодателя существует универсальный инструмент, являющийся одним из трех основных способов правового регулирования, – запрет. Его эффективность подтверждена временем, ибо, как мы уже говорили, запрет в виде табу является наиболее древним орудием психологического воздействия на человеческое поведение. Следовательно, поскольку базовый способ регулирования, используемый в уголовном законодательстве, – это запрет, то основная форма реализации права в рамках данной отрасли – это, естественно, соблюдение. Таким образом, в большинстве случаев, если правоотношения, запрещенные нормой уголовного закона, не возникают, то публичный интерес удовлетворяется, и право тем самым реализуется (претворяется в жизнь идея, заложенная в юридических нормах). Казалось бы, причем и откуда возникает тут исполнение?

Все дело в том, что преступление (и административное правонарушение также) может заключаться как в определенных действиях (которых, безусловно, подавляющее большинство), так и в бездействии,

когда оно наносит очевидный вред общественным отношениям. А бездействие – это антипод исполнения, поскольку последнее выступает именно активной формой реализации права. В данном случае налицо сочетание в одном конкретном сегменте законодательства двух способов правового регулирования – запретов и обязываний и двух форм реализации права – соблюдения и исполнения. Иными словами, уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях путем установления запретов, реализуемых посредством соблюдения, регулируют отдельные случаи правонарушающего неисполнения права.

Возникает закономерный вопрос: какими факторами определяется конкретный вид (и, соответственно, мера) ответственности, которая должна наступить за неисполнение той или иной нормы права? Ответ на него, по нашему мнению, лежит в плоскости корреляционной взаимосвязи понятия неисполнения права, влекущего наступление юридической ответственности, с категорией интереса.

Прежде всего оговоримся, что в случае неисполнения права (конкретной нормы права) всегда причиняется ущерб определенным интересам. Как известно, интересы подразделяются на частные и публичные. При этом публичный интерес нарушается при любом факте неисполнения права.

В одних случаях справедливость этого утверждения очевидна. Так, неисполнение гражданами и юридическими лицами налоговых обязанностей самым прямым образом ведет к невозможности реализации основных направлений государственной политики¹, заключающей в себе важнейший публичный интерес.

В других случаях такой очевидности, как, например, при неисполнении норм в рамках гражданско-правовых отношений, не наблюдается. Однако

¹ См.: Шестакова Е.В. Неисполнение законов или решений налоговым органом // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 266–271.

вред публичным интересам причиняется и в таких ситуациях. Сам факт пристального внимания законодателя к различным аспектам исполнения обязательств, отраженный в детальном правовом регулировании соответствующих вопросов (первая и вторая части Гражданского кодекса РФ), свидетельствует о его «заинтересованности» в беспрепятственном функционировании гражданского оборота¹. А эффективность последнего, его устойчивость, залогом которых выступает должное (качественное), полное и своевременное исполнение сторонами заключенных обязательств, и есть важнейший публичный интерес, ибо без этого невозможно говорить о стабильности экономической системы государства.

Итак, вид ответственности, которая наступает за тот или иной факт неисполнения права (нормы права), детерминируется характером и общественной значимостью публичных интересов, которым причиняется вред в каждом конкретном случае.

Наиболее важные (по мнению законодателя) публичные интересы, которые могут пострадать от нереализации некоторых норм права, обусловили отнесение данных деяний пассивного характера (т.е. в виде бездействия) к сфере уголовно-правового регулирования. В свою очередь, они (интересы) также неоднородны, что предопределяет их текстуальное расположение в различных главах Уголовного кодекса РФ.

Так, неисполнение судебных актов посягает на интересы правосудия, что объясняет помещение соответствующего состава преступления в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Неисполнение приказа как преступное деяние, в зависимости от того, кем оно совершено, может посягать на интересы или государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления (в случае неисполнения приказа сотрудником органов внутренних дел (ст. 286.1 УК РФ)), или военной службы (при неисполнении подчиненным приказа начальника,

¹ См.: Трофименко А.В. Гражданское право: соотношение публичных и частных интересов // Наука и общество. 2012. № 6. С. 109–115.

отданного в установленном порядке (ст. 332 УК РФ)), и это отражается в «разведении» двух названных составов по различным главам кодекса.

Особенностями данной группы норм в Уголовном кодексе РФ выступает, то, что состав соответствующего преступления можно констатировать, только при наличии, во-первых, специального субъекта, указание на которого в обязательном порядке должно присутствовать в соответствующей статье, и во-вторых, в большинстве случаев, последствий в виде причинения вреда определенного вида и степени тяжести (ст. 124, 143, 219 УК РФ). В других же составах ввиду особой общественной опасности потенциального неисполнения конкретных профессиональных обязанностей для квалификации деяния как преступления факта причинения вреда не требуется, а его наличие выступает признаком уже квалифицированного состава (части 1 и 2 соответственно статей 228.2 и 237 УК РФ).

В некоторых случаях определенный набор устойчивых, повторяющихся признаков позволил обозначить преступное неисполнение обязанности самостоятельным термином. В частности, имеется в виду состав преступления статьи 293 УК РФ «Халатность», которая определяется в тексте как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства¹.

Неисполнение какого-либо объекта может представлять собой не только основу объективной стороны состава преступления, но и ее дополнительный признак, как в деянии, урегулированном ст. 159.4 УК РФ, заключающимся в мошенничестве, сопряженном с преднамеренным

¹ Подробнее см.: *Тыняная М.А.* Отграничение халатности от других смежных преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 47–53.

неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Данный состав является относительно новым для российского законодательства, и появился он в 2012 г. в результате разделения преступных деяний, охватываемых ранее общим понятием мошенничества (ст. 159 УК РФ), на отдельные подвиды¹. При этом преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности расценивается как способ совершения мошенничества².

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, заключается помимо изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу или пользу третьих лиц, в неисполнении лицом договорных обязательств, т.е. в бездействии, которое привело в итоге к негативным последствиям в виде причинения потерпевшему имущественного ущерба. Основным же признаком, при наличии которого неисполнение договорных обязательств может признаваться преступным, выступает преднамеренность. А.Н. Лебедев и Ю.А. Диденко считают, что под данным понятием следует понимать умысел, возникший как до начала исполнения договора, так и во время его исполнения³. На практике, как полагают специалисты, установление того факта, что при заключении сделки одна из сторон заведомо не собиралась исполнять обязательства, представляется довольно проблематичным⁴. Тем не менее, исходя из данных судебной статистики, можно сделать вывод, что рассматриваемая законодательная новелла оказалась вполне исполнимой, о чем свидетельствует количество

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2012. № 49, ст. 6752.

² См.: Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 40–44.

³ См.: Лебедев А.Н., Диденко Ю.А. Преднамеренное неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 138.

⁴ См.: Майорова Е.И. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Российский следователь. 2014. № 1. С. 27–31.

осужденных по данному и другим видам мошенничества по годам с момента принятия нормы по настоящее время¹. Основным ориентиром для правоприменителей стал Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г.)².

Случаи противозаконного неисполнения права не всегда представляют собой преступные деяния, урегулированные Уголовным кодексом РФ. Тем не менее, юридические нормы они нарушают, однако эти нормы закреплены уже в другом правовом акте – Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Составы правонарушений, объективная сторона которых состоит в неисполнении различного рода обязанностей, также тематически располагаются в различных главах правового акта, регулирующего данный вопрос, – в зависимости от того, на какой объект посягает деяние, какая группа интересов при этом нарушается: права граждан (ст. 5.31. КоАП РФ «Нарушение или невыполнение обязательств по коллективному договору (соглашению)»); окружающая среда (ст. 8.7. КоАП РФ «Невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв»); должный порядок соблюдения правил дорожного движения (ст. 12.27. КоАП РФ «Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием»); порядок управления (ст. 19.25. КоАП РФ «Неисполнение военно-транспортных мобилизационных обязанностей»); интересы воинского учета (ст. 21.5. КоАП РФ

¹ См.: Данные судебной статистики на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.04.2016).

² Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету») и т.д. Во всех перечисленных и других случаях противозаконного неисполнения обязанностей, подпадающих под признаки административного правонарушения, должен быть специально оговорен субъект деяния, поскольку нарушаемые обязанности выходят за рамки его общего (конституционно-правового) статуса как гражданина Российской Федерации и проистекают от того или иного специального статуса лица.

Зачастую некоторые деяния, объективная сторона которых заключается в неисполнении обязанностей, могут по формальным основаниям подпадать под признаки одновременно и административного правонарушения, и преступления. Таковы, например, деяния, предусмотренные ст. 5.35. КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» и ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». В данном, как и во всех аналогичных случаях, главным критерием разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений является общественная опасность¹.

Вопросы дисциплинарной ответственности за неисполнение права регулируются трудовым законодательством. Неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей даже получило свое особое терминологическое обозначение – «дисциплинарный проступок» (ст. 192 ТК РФ). Факт его совершения является основанием наложения дисциплинарных взысканий, к которым относятся следующие виды: замечание, выговор, увольнение (при этом Федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены также и другие их виды).

¹ См.: Карлов В.П. Материальный признак общественной опасности как критерий различения преступления и административного правонарушения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 59–63.

Увольнение как самый строгий вид дисциплинарных взысканий может последовать за неисполнение работником его трудовых обязанностей при наличии следующих условий:

- отсутствия уважительных причин;
- неснятого дисциплинарного взыскания;
- неоднократности неисполнения (ст. 81 ТК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹ к неисполнению работником возложенных на него обязанностей согласно п. 5 ст. 81 ТК РФ приравнивается также ненадлежащее их исполнение (нарушение требований законодательства, обязательств по трудовому договору, правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций, положений, приказов работодателя, технических правил и т.п.).

Рассматривая вопросы дисциплинарной ответственности, повторимся, что сфера публичных интересов является значительно более широкой, чем может показаться на первый взгляд, охватывая весь механизм беспрепятственного функционирования правовых (в том числе и трудовых) связей. Другое дело, что основная «жертва» факта неисполнения трудовых обязанностей (совершения дисциплинарного проступка) – интересы работодателя (и уж затем упомянутый публичный интерес), чем и обуславливается обособление дисциплинарной ответственности в самостоятельный вид.

Основанием наступления гражданско-правовой ответственности выступают последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения субъектом возложенных на него обязанностей, связанные с нарушением прав противоположного субъекта (субъектов) гражданского правоотношения². Помимо интереса субъекта корреспондирующего неисполненной

¹ См.: Российская газета. 2004. 8 апр.

² См.: Крашенинников М.П. Условия (основания) применения мер гражданско-правовой ответственности // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 60–68.

обязанности права (частного по своему характеру), в каждом таком случае страдает и вышеупомянутый публичный интерес общего плана, заключающийся в нормальном, беспрепятственном функционировании правовых связей.

Необходимо отметить, что Гражданский кодекс РФ оперирует в основном словосочетанием «исполнение (и, соответственно, неисполнение) обязательств» (а не обязанностей). При этом он не содержит легальной (официальной) дефиниции рассматриваемого феномена. Чтобы прояснить ситуацию, напомним, что содержание обязательства определяют права и обязанности сторон, причем в большей степени именно последние, ибо права в нем носят условно вторичный, производный характер. Следовательно, неисполнение обязанностей в гражданско-правовом отношении это и есть неисполнение обязательства.

Несмотря на отсутствие законодательного определения понятия неисполнения обязательства в рамках гражданско-правовых отношений, данный вопрос нельзя назвать неурегулированным. Рассматриваемый феномен можно трактовать как антипод исполнения обязательства, признаки которого очерчены в ст. 309 ГК РФ (исполнение надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона и иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями). Кроме того, вторая часть Гражданского кодекса РФ полностью посвящена отдельным видам обязательств – условиям их исполнения и, соответственно, последствиям неисполнения. Исходя из этого, отдельными специалистами были предприняты попытки исправить отмеченное законодательное «упущение» посредством предложения собственного варианта дефиниции неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательства в рамках гражданско-правовых отношений как действий (бездействия) сторон, противоречащих нормам, закрепленным в ГК РФ по исполнению обязательств конкретного вида, и исключаящих

возможность реализации обязанностей, предусмотренных договором, частично или в полном объеме¹.

Неисполнение некоторых обязанностей может подпадать под сферу действия сразу нескольких отраслей права. Так, вопросы исполнения (и, соответственно, неисполнения) служебных обязанностей, как мы уже отмечали, в общей массе регулируются трудовым правом, и одним из основных стимулов к добросовестному, своевременному и качественному их исполнению (а стимулы могут быть как позитивными, так и негативными²) выступает институт дисциплинарной ответственности, предусматривающий возможность применения к работнику предусмотренных Трудовым кодексом РФ дисциплинарных взысканий. Вместе с тем, повышенная социальная важность некоторых служебных обязанностей «перемещает» вопросы их неисполнения в сферы административного или уголовного права.

В частности, административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей (ст. 2.4. КоАП РФ). В некоторых случаях неисполнение профессиональных и служебных (должностных) обязанностей (что, как настаивают некоторые специалисты, не одно и то же³) признается преступным и подпадает под сферу действия уже уголовного закона. Соответствующие нормы «разбросаны» по всему тексту Уголовного кодекса РФ, но главным образом сосредоточены в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

¹ См.: *Лебедев А.Н., Диденко Ю.А.* Указ. соч. С. 136.

² См. подробнее об этом: *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

³ См.: *Царев Е.В.* К вопросу о технико-юридической конструкции норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с исполнением профессиональных обязанностей // *Юридическая техника.* 2013. № 7–2. С. 814–817.

Проведенный анализ позволяет определить соотношение понятия неисполнения права с базовыми юридическими категориями «правонарушение» и «преступление». В теории права под правонарушением (в обобщенной трактовке) понимается общественно вредное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), влекущее наступление юридической ответственности. Несмотря на небольшие расхождения в вариантах дефиниции, ученые в целом сходятся относительно основных признаков правонарушения, к которым относят:

- деяние (действие или бездействие);
- противоправность;
- общественно вредный результат;
- причинная связь между деянием и результатом;
- вина;
- юридическая ответственность¹.

Исходя из приведенного выше определения и перечня признаков правонарушения, можно сделать вывод, что неисполнение представляет собой *форму правонарушения* (наряду с несоблюдением), заключающуюся в нарушающей конкретную юридическую норму (юридические нормы) сознательной нереализации (путем бездействия) обязывающих предписаний, причиняющей вред определенным общественным отношениям, за которую предусмотрено наступление юридической ответственности.

Преступление – это один из видов правонарушения, индивидуализирующийся повышенной степенью общественной вредности, которую принято называть общественной опасностью, и наступлением конкретного вида юридической ответственности – уголовной.

Иными словами, неисполнение права (за некоторыми упомянутыми исключениями) – это всегда по сути есть правонарушение, а в случае, если за него предусмотрено наступление уголовной ответственности, – также и преступление.

¹ См.: См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч. С. 411.

Следующий вопрос, который мы считаем необходимым осветить в рамках настоящего параграфа, связан с используемой законодателем терминологией и разграничением неисполнения права со смежными категориями.

На примере анализа ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ мы уже имели возможность заметить, что под понятием «неисполнение» может также подразумеваться ненадлежащее исполнение. При этом попытки законодателя провести дифференциацию объективной стороны неисполнения той или иной обязанности не всегда встречают «понимание» со стороны практиков, как произошло, в частности, со ст. 156 УК РФ, где в ч. 1 отдельно выделены «неисполнение» и «ненадлежащее исполнение» обязанностей по воспитанию несовершеннолетних. Проведенное исследование показало, что значительное число правоприменителей затрудняются разграничить данные два термина¹.

Между тем, считают специалисты в сфере уголовного права, разница между данными терминами имеется и заключается она в том, что неисполнение обязанностей включает в себя также и ненадлежащее исполнение, т.е. может быть совершено как в форме действия («недосмотр» за ребенком), так и бездействия (сознательное пренебрежение его потребностями)².

Однако, на наш взгляд, сделанный вывод о том, что неисполнение может быть совершено путем действия, не имеет достаточных оснований. Недосмотр за ребенком – это также одна из возможных вариаций бездействия, когда правонарушающая сущность заключается не в том, что сделало обязанное лицо, а в том, что оно не сделало (не доделало).

Ненадлежащее исполнение является разновидностью неисполнения права, представляя собой частичное неисполнение (выделяемое наряду с

¹ См.: *Шаганова О.М.* Толкование понятий «неисполнение обязанностей по воспитанию» и «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию» несовершеннолетнего // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-2. С. 63–67.

² См.: *Яровая С.В.* Уголовно-правовой анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Саратов, 2009. С. 62.

абсолютным неисполнением (полным игнорированием отдельных обязывающих норм) и может выражаться в неполном, некачественном и (или) несвоевременном исполнении. В этой связи его мотивы и факторы, его обуславливающие, аналогичны соответствующим характеристикам неисполнения вообще, от которого ненадлежащее исполнение отличается только степенью.

Помимо просто неисполнения существует также его квалифицированный вариант – «злостное неисполнение», который является обязательным элементом объективной стороны некоторых составов преступлений, в частности, преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». При этом нормативно «злостность» никак не определяется, а выступает оценочным признаком, что неизбежно порождает проблемы в правоприменении.

В литературе было предпринято несколько попыток определить, что же есть «злостность» применительно к неисполнению. В частности, как злостное квалифицируется сознательное, недобросовестное, продолжительное по времени неисполнение судебного акта, игнорирование неоднократных требований суда исполнить решение¹; продолжительное неисполнение, имевшее место после предупреждения, сделанного виновному в письменной форме²; непринятие действия по его реализации после неисполнения в пятидневный срок повторного предложения судебного пристава добровольно исполнить судебное решение³.

Иногда понятие злостности приравнивается к неоднократности, что, на наш взгляд, не совсем корректно, ибо и этот термин неодинаково трактуется судом и прокуратурой. В этой связи заслуживает поддержки встречающееся

¹ См.: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под ред. В.К. Дуюнова. М., 2005. С. 467.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : Учебник / под ред. А.С. Михлина. М., 2004. С. 418.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : Учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005. С. 621.

в литературе предложение дополнить ст. 315 УК РФ примечанием, где дать легальную (официальную) дефиницию понятия злостности, например, как «умышленного неисполнения судебного акта, воспрепятствования исполнению, несмотря на два письменных предупреждения должностных лиц уполномоченных органов, вынесенных после наложения на лицо, не исполняющее судебный акт, воспрепятствовавшее исполнению, административного наказания в виде штрафа»¹.

В нормативных правовых актах встречается довольно «туманный», на наш взгляд, термин «нарушение обязанностей». Речь, прежде всего, идет об уже анализированной ст. 81 Трудового кодекса РФ, где в п. 6 сказано, что причиной расторжения работодателем трудового договора с работником, может быть, помимо прочего, однократное, но грубое нарушение последним своих трудовых обязанностей². Далее в статье приводится перечень такого рода нарушений, причем согласно упомянутому выше Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 он является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

В тексте названной статьи Трудового кодекса РФ законодатель использовал термин «нарушение обязанностей», с указанием на его квалифицирующий признак – грубость. Закономерно возникает вопрос: как соотносится он с исследуемым нами понятием неисполнения обязанностей? Ответ на него осложняется тем фактом, что в ТК РФ отсутствует легальное (официальное) определение понятия исполнения трудовых обязанностей, равно как и понятий их неисполнения и нарушения. Последнее же определяется законодателем лишь посредством перечисления конкретных примеров (прогул, появление на работе в состоянии алкогольного,

¹ Иванцова Н.В., Городнова О.Н. Неисполнение судебного акта, а равно воспрепятствование неисполнению как уголовно наказуемое деяние против правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 115–117.

² См.: Ващенко Ю.С. К вопросу толкования ст. 81 ТК о расторжении трудового договора и практике ее применения // Евразийский юридический журнал. 2010. № 8 (27). С. 113–116.

наркотического или токсического опьянения¹, совершение по месту работы хищения и т.д.).

На наш взгляд, сама формулировка «нарушение обязанностей» не совсем удачна – как с точки зрения русского языка, так с позиции терминологического словаря юридической науки. Обязанности можно либо исполнить, либо не исполнить, и логически данные понятия («исполнение обязанностей» и «неисполнение обязанностей») находятся в отношении противоречия, т.е. являются взаимоисключающими². Это означает, что все, что не является исполнением обязанностей (а прогул, хищение, и др. деяния, перечисленные в п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, явно не могут быть признаны таковым), автоматически подпадает под объем понятия «неисполнение обязанностей». Таким образом, мы приходим к выводу, что «грубое нарушение обязанностей», являющееся основанием расторжения работодателем трудового договора с работником по п. 6 ст. 81 ТК РФ, – это есть неисполнение трудовых обязанностей, совершенное одним из указанных в данной статье способов.

Анализируя используемую законодателем для характеристики преступного неисполнения обязанностей лексику, мы сталкиваемся с еще одним смежным с рассмотренными выше термином – «уклонение». Он далеко не нов, о чем можно судить по результатам анализа уголовных кодексов РСФСР, где он активно использовался, что очевидно, должно объясняться спецификой соответствующих правоотношений. Наибольший удельный вес в них занимали нормы, посвященные уклонению от обязанностей, связанных с призывом на военную службу и ее несением (ст. 81, 206 УК РСФСР 1922 г.; ст. 66, 68, 69, 70 УК РСФСР 1926 г.; ст. 80, 81, 249

¹ См.: *Соколова С.С.* Спорные вопросы доказывания нахождения работника в состоянии алкогольного опьянения при применении к нему меры дисциплинарного взыскания, предусмотренной пп. «б» п. 6 ст. 81 ТК РФ // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). 2014. № 1 (4). С. 135–138.

² Подробнее об этом см.: *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: Учебник для юридических вузов. М., 2001.

УК РСФСР 1960 г. и т.д.). Однако уголовно наказуемым признавалось уклонение и от некоторых других обязанностей (например, от обязанности явки в суд свидетеля или эксперта (ст. 70 УК РСФСР 1926 г.); от обязанности свидетеля, потерпевшего или эксперта от дачи показаний (заклЮчения) (ст. 182 УК РСФСР 1960 г.); уклонение от примирения (ст. 231 УК РСФСР 1960 г.); уклонение от отбывания наказания (в виде лишения свободы) (ст. 188¹ УК РСФСР 1960 г.) и др.).

Действующий Уголовный кодекс РФ 1996 г. также использует термин «уклонение» и его разновидность – «злостное уклонение» в формулировке составов преступлений. К сферам его использования в соответствии с изменившимися условиями объективных реалий добавились налоговые (ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации»), финансово-кредитные (ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», валютные (ст. 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»), таможенные (ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица») отношения. Также сохраняет свою значимость охрана интересов семьи (ст. 157 УК РФ «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»), военной службы (ст. 328 УК РФ «Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы»), правосудия (ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера»). «Злостность» уклонения при этом является оценочным понятием, которое устанавливается судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела¹.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. С. 364.

Тексты упомянутых нормативных правовых актов не дают возможности проведения разграничения понятий «неисполнение обязанностей» и «уклонение от исполнения обязанностей». Этот факт стал предметом для научных исследований специалистов в сфере уголовного права, которые определили термин «уклонение» как неисполнение длящейся обязанности, в обязательном порядке предполагающее осознание преступником характера и последствий своих действий, а также наличие абсолютной (т.е. неисчисляемой) ценности объектов, охраняемых соответствующими нормами¹.

Итак, неисполнение права представляет собой антипод понятия «исполнение права» и всегда оценивается с позиции государства как противозаконное явление (исключение составляют случаи неисполнения заведомо незаконных приказов или распоряжений), что предопределяет его причинно-следственную связь с наложением юридической ответственности. Можно предложить следующее его определение: *неисполнение права* – это деяние, нарушающее определенные нормы права или обязательства, совершаемое в виде бездействия, влекущее за собой наступление юридической ответственности, конкретный вид (уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая) и мера которой определяется характером и общественной значимостью публичных или частных интересов, которым причиняется вред. Применительно к конкретным нормам и обязательствам неисполнение классифицируется на абсолютное (полное игнорирование отдельных обязывающих предписаний) и частичное (ненадлежащее исполнение тех или иных предписаний, выражающееся в неполном, некачественном, несвоевременном исполнении), а также может быть простым и квалифицированным (злостное неисполнение).

¹ См.: Нагаева Т.И. Уклонение от исполнения обязанностей как вид преступного деяния по уголовным кодексам РСФСР // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 105–108.

§ 3.2. Проблема исполнимости правовых актов: причины и способы решения

Правовые акты принимаются для того, чтобы быть реализованными, поскольку в любой период своего развития государство испытывает необходимость в исполнении своих властных решений¹. Данная идея, будучи по сути аксиомой, не нуждается в каких-либо подтверждающих аргументах. Тем не менее, анализ юридической практики демонстрирует очевидную проблему неисполнимости (ненадлежащей, т.е. некачественной, неполной и (или) несвоевременной исполнимости) правовых актов.

При этом важно подчеркнуть, что названная проблема носит комплексный характер и не может быть сведена к недостаточной степени реализации какого-либо одного вида правовых актов, например, судебных, т.е. фактически к вопросу эффективности исполнительного производства. Последний, безусловно, составляет важную часть общей проблемы практической бездейственности российского права, включающей, однако, и другие, не менее сложные аспекты.

Что же есть «исполнимость»? Исходя из буквального (словарного) толкования, исполнимость – это выполнимость, осуществимость, реализуемость. Исполнимость как характеристика определенного объекта подразумевает потенциальную возможность его превращения из идеального объекта в практические результаты, но не саму фактическую реализацию. Таким образом, исполнимость правового акта – это совокупность его свойств и объективных условий, необходимых и достаточных для претворения в жизнь содержащихся в нем юридических норм.

Проблема исполнимости правовых актов, будучи сложной и многогранной, тесно связана со многими другими негативными явлениями российской правовой действительности, что обусловило всплеск внимания

¹ См.: Завьялова И.С., Махина С.Н. Становление и развитие управленческого процесса в России // Территория науки. 2014. Т. 1. № 1. С. 74–76.

ученых к ее причинам и путям решения. Вслед за Н.И. Матузовым¹, И.Н. Сенякин и Н.И. Сухова указывают на существование такого специфического юридического феномена, как «неисполнимые нормы права»², представляющих собой разновидность дефектных правовых норм (обязывающих по своему характеру), реализация которых затруднена ввиду нарушения функциональных связей с другими элементами системы права, правил юридической техники, процедур и механизма их реализации. Причинами появления таких норм выступают несовершенство юридической техники, коллизионность российского права, с одной стороны, и пробелы в правовом регулировании – с другой. Само наличие в российском законодательстве таких норм априори влечет неисполнение (ненадлежащее исполнение) права, а их причисление к дефектным нормам свидетельствует о необходимости минимизации их количества в отечественном законодательстве в рамках решения общей задачи повышения исполнимости правовых актов в Российской Федерации.

Начиная рассмотрение исполнимости правовых актов с проблемы практической реализуемости законов (в рамках настоящего параграфа считаем целесообразным взять за основу широкий подход к толкованию термина «закон», обозначая им все многообразие нормативных правовых актов), прежде всего, считаем необходимым определиться с соотношением таких близких по содержанию понятий, как «исполнимость закона», «качество закона», «эффективность закона», каждое из которых, однако, имеет собственное смысловое наполнение.

«Качество закона» – сложное понятие, не имеющее в научной литературе единообразной трактовки³. В.И. Червонюк отмечает, что абстракция «качество закона» охватывает собой целую систему свойств, благодаря которым качественный нормативный правовой акт может

¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 204.

² См.: Сенякин И.Н., Сухова Н.И. Неисполнимые нормы российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 27–36.

³ См. напр.: Поленина С.В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 12–19.

удовлетворять как публичные, так и частные потребности и интересы¹. Эти свойства, по мнению С.А. Белоусова, заключаются в соответствии юридического документа требованиям как с содержательной (социальная обусловленность, гуманистическая направленность, своевременность, ресурсная обеспеченность), так и с формальной (принятие в соответствии с правилами юридической техники) стороны².

Не вызывает сомнений наличие взаимосвязи качества закона и его исполнимости. В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 г. справедливо отмечено: «О законе судят не по его тексту, а по качеству реализации его на практике. Наша ахиллесова пята – не столько законотворчество, сколько законоприменение»³. В русле этого некоторые специалисты и вовсе приравнивают понятие «качество закона» к его исполнимости, осуществимости на практике⁴.

Мы считаем данную позицию не совсем верной, хотя бы по тем основаниям, что зачастую даже «качественный», т.е. соответствующий всем вышеперечисленным условиям, закон не претворяется в жизнь. Не случайно, основной претензией к отечественным нормативным правовым актам является не их «некачественность» (в этом кстати, их упрекают не так часто), а бездейственность, декларативность, или иначе – неисполнимость. Взаимосвязь качества закона и его исполнимости выглядит следующим образом: первое является обязательным условием второго, однако далеко не единственным. Чтобы стать «исполнимым», «качественный» закон должен быть в обязательном порядке обеспечен соответствующим правореализационным механизмом.

¹ См.: Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. Ежегодник. 2012. № 8 «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». С. 490.

² См.: Белоусов С.А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных проявлений законодательного дисбаланса // Вестник Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. 2014. № 4. С. 11–17.

³ См.: <http://ombudsmanrf.org/doklady/5381> (дата обращения: 11.04.2014).

⁴ См.: Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986. С. 54; Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 288.

Эффективность юридической нормы (эффективность закона) с функционально-целевой позиции рассматривается как соотношение между ее целями и реально наступившими результатами¹. А данные результаты могут наступить лишь в случае ее исполнения. Поэтому эффективным может быть только исполнимый, т.е. практически реализуемый правовой акт. Однако отождествлять две данные характеристики – исполнимость и эффективность – применительно к закону (нормативному правовому акту) все же не следует.

Действительно, эффективность в обязательном порядке подразумевает исполнимость, но не наоборот. Дело в том, что эффективность норм права помимо функционально-целевого оценивается еще с позиции целого ряда критериев: аксиологического (соответствие основополагающим социальным ценностям: свободе, порядку, справедливости), социального (соответствие балансу общественных интересов), экономического (обеспечение экономического роста, облегчение справедливого доступа к экономическим благам), психологического (создание возможностей для личностного развития, духовной и материальной самореализации индивида)². И далеко не всегда исполнимый (практически реализуемый) правовой акт соответствует всем перечисленным критериям, т.е. «исполнимый» не обязательно значит «эффективный».

Таким образом, эффективность закона может быть достигнута только при условии его исполнимости (практической реализуемости), которая в свою очередь, основывается на «качестве закона», обозначающем соответствие правового акта определенным содержательным и формальным требованиям, и наличии соответствующего правореализационного механизма.

Проблема неисполнимости правовых актов (отдельных норм) ввиду отсутствия четко прописанного механизма их правореализации наглядно проявляется, в частности, в сфере жилищного законодательства по

¹ См.: *Жинкин С.А.* Эффективность права: антропологическое и ценностное изменение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 11.

² См.: *Жинкин С.А.* Указ. соч. С. 11–12.

отношению к такой категории граждан, как ветераны. Основы правового регулирования данного вопроса закреплены в Федеральном законе от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»¹, а также Указе Президента РФ от 7 мая 2008 г. № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»². Согласно указанным нормативным правовым актам все ветераны, инвалиды ВОВ, члены семей погибших (умерших) инвалидов и участников ВОВ, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, вне зависимости от их материального положения и дат принятия на квартирный учет, имеют право на обеспечение жилыми помещениями, а на органы государственной власти субъектов Российской Федерации, соответственно, возлагается корреспондирующая обязанность обеспечить перечисленных лиц жилыми помещениями согласно закрепленным нормам и в соответствии с определенным порядком. Однако практика показывает, что изложенная норма и закрепляемая ею обязанность либо исполняется ненадлежащим образом, либо не исполняется вовсе.

Властные органы зачастую вольно трактуют положения нормативных правовых актов в части признания перечисленной категории лиц нуждающимися в улучшении жилищных условий, отталкиваясь исключительно от формальных критериев – общей площади жилого помещения, приходящейся на них, с учетом чрезвычайно «скромной» учетной нормы жилья, результатом чего выступает отказ ветеранам, инвалидам ВОВ, членам семей погибших (умерших) инвалидов и участников ВОВ в признании их нуждающимися в улучшении жилищных условий и принятии на квартирный учет. При этом не берется во внимание качество жилищных условий, нехватка в нем элементарных удобств, необходимых для обеспечения достойного человеческого существования, потребность в

¹ См.: О ветеранах : Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 3, ст. 168.

² См.: Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : Указ Президента РФ от 07 мая 2008 г. № 714 (ред. от 09.01.2010) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 19, ст. 2116.

капитальном ремонте, возрастные критерии, параметры здоровья, обязательность постороннего ухода, а также иные факторы.

Ненадлежащее исполнение нормы выражается в том, что указанным лицам могут предоставляться жилые помещения существенно меньшего размера, нежели им полагаются в соответствии с законом, или помещения, полноценное проживание в которых невозможно в связи с потребностью в капитальном ремонте, произвести который пожилым лицам весьма проблематично, либо же им предлагаются не устраивающие их альтернативы – например, места в домах для престарелых¹.

Отсутствие четко прописанного механизма правореализации рассматриваемых нормативных правовых актов, включающего в обязательном порядке решение вопросов финансового обеспечения, создания системы контроля за реализацией конкретных юридических норм и исполнением тех или иных обязанностей, приводит к тому, что фактически данные акты не исполняются, либо же к многочисленным злоупотреблениям при их претворении в жизнь, что можно квалифицировать как ненадлежащее их исполнение.

Иногда исполнимости юридических норм препятствует такой объективный фактор, «устаревание» конкретной нормы, требования которой перестали соответствовать изменившимся обстоятельствам жизни. В частности, не соответствует объективным реалиям норма ст. 89 Жилищного кодекса РФ, вследствие чего она не фактически не может быть исполнена. В соответствии с ней при расселении граждан из ветхого, аварийного жилья, признанного непригодным для проживания, компетентные органы обязуются предоставить им другое благоустроенное жилое помещение, равное по общей площади ранее занимаемому. Однако по закону это должно быть жилое помещение в доме-новостройке. Проблема «устаревания» нормы заключается в том, что в новых домах (даже в новостройке «бюджетного»

¹ См.: Куликов А., Зотикова В., Шепелева А., Саванкова Н., Чернышева В. Долгая дорога домой // Российская газета 2012. 16 февр.

класса) минимальная площадь квартиры, как правило больше 35 квадратных метров, в то время как квартиры в старых домах имели площадь 30 и менее квадратных метров, не говоря уже о комнатах в коммунальных квартирах. Соответственно, в условиях современной российской жилищной ситуации эквивалентное по площади помещение рассматриваемой категории граждан просто не может быть предоставлено. Печальным итогом становится исключение указанных лиц из очереди на предоставление жилья и неисполнение базовой нормы жилищного законодательства.

Для реального исполнения рассматриваемой нормы, закрепляющей право названной категории граждан на получение нормального, благоустроенного жилья, требуется привести ее в соответствие с объективными жизненными реалиями, а именно, закрепить, что в указанных случаях следует предоставлять жилье размером, *не менее* ранее занимаемого, но и *не ниже* нормы предоставления площади жилого помещения на одного человека по договору социального найма¹.

Примеры важности второго обязательного компонента исполнимости нормативного правового акта – правореализационного механизма – можно найти также в сфере уголовного права. Как известно, Уголовный кодекс РФ изобилует отсылочными и бланкетными нормами, что обусловлено соблюдением принципа экономии законодательных ресурсов. Однако «отсылка» к нормам других отраслей права – конституционного, административного, гражданского, семейного, экологического и т.д. – вовсе не означает, что законодатель тем самым создал необходимый правореализационный механизм. И зачатую базовая норма УК РФ фактически исполнена быть не может.

Так, ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного

¹ См.: Цыбуленко З.И. Исполнение и осуществление норм гражданского права как формы реализации и условия осуществления гражданских прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 8. С. 11–15.

имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» явно нуждались в конкретизации в специальном тематическом нормативном правовом акте, который был принят еще в 2001 г.¹ Тем не менее, и после этого рассматриваемые нормы уголовного закона не стали «исполнимыми», поскольку у кредитных организаций в рамках общепринятых банковских технологий отсутствовала фактическая возможность реализовать отдельные требования Федерального закона № 115–ФЗ². Практической осуществимости данного нормативного правового акта способствовало лишь принятие «Типовых правил внутреннего контроля в кредитной организации» (утв. Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 21 от 17.06.2009 г.), которые утратили силу в связи с изданием «Типовых правил внутреннего контроля в кредитной организации» (утв. Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 24 от 01.12.2010 г.)³.

Таким образом, наряду с качеством закона вторым важнейшим условием исполнимости нормативного правового акта является наличие четко прописанного механизма его реализации, охватывающего следующие основные вопросы: финансовое и кадровое обеспечение; установление сроков и порядка (процедуры) исполнения; организацию системы контроля за исполнением юридического акта и механизма привлечения к юридической ответственности за его неисполнение.

Одним из наиболее очевидных и при этом действенных способов повышения исполнимости нормативных правовых актов, содержащих материальные нормы, выступает их опосредование нормами процессуальными с установлением необходимого набора процедурных

¹ См.: О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон РФ от 7 августа 2001 г. № 115–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I), ст. 3418.

² См. напр.: Волков Ю.Л., Танюшева Н.Ю. Актуальные вопросы применения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Деньги и кредит. 2006. № 10. С. 29–37.

³ Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правил¹. При этом чрезвычайно важно учитывать временной фактор и по возможности принимать материальные и процессуальные нормы одномоментно, поскольку, как верно отмечает В.В. Ковалева, создать действенный правореализационный механизм по истечении определенного времени после разработки и принятия закона становится весьма затруднительно².

В рамках данного направления повышения исполнимости правовых актов целесообразно по возможности включать в каждый из них специальный «процедурный блок» (раздел, главу, отдельную статью). Так, добавление в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135–ФЗ «О защите конкуренции»³ статьи 18.1⁴, имеющей процессуальную направленность, которая предусматривала ускоренный порядок рассмотрения дел, существенно упростило реализацию положений данного нормативного правового акта, а следовательно, повысило его исполнимость и эффективность⁵.

Отдельное направление решения проблемы исполнимости (неисполнимости) правовых актов образует вопрос реализации на практике такого их вида, как судебные акты, или, по-другому, задача повышения эффективности исполнительного производства.

Несмотря на происходящее уже на протяжении почти двух десятилетий реформирование системы исполнения судебных решений, радикальных изменений к лучшему в ее функционировании пока нет. Во время своего пребывания на посту Президента РФ Д.А. Медведев с сожалением

¹ См.: *Абрамова А.И.* Вопросы финансовой обеспеченности действия закона // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 46–47.

² См.: *Ковалева В.В.* Место и роль механизма правового регулирования в оптимизации правотворчества // Юридическая техника. Ежегодник. 2012. № 6 «Техника современного правотворчества: состояние проблемы, модернизация». С. 216.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 31 (ч. I), ст. 3434.

⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 6 декабря 2011 г. № 401–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7343.

⁵ См.: *Алпатова Д.А.* Актуальные вопросы применения статьи 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции», то есть о том, как она «толкуется» правоприменительной практикой // Муниципальное право. 2012. № 2 (58). С. 18–20.

констатировал, что каждое второе судебное решение как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов не исполняется¹, и в настоящий момент ситуация в данной сфере по-прежнему далека от того, чтобы быть признанной удовлетворительной. В литературе встречаются довольно резкие высказывания о том, что неисполнение судебных решений стало «хроническим» и приобрело «государственный системный характер», поскольку власть не уделяет достаточного внимания данной проблеме и не устраняет ошибки организационного характера в деятельности соответствующих органов².

Между тем, уровень исполнения судебных решений выступает одним из критериев эффективности судебной власти как таковой³. Без действенного исполнительного производства, как справедливо отмечают ученые, «любой суд лишается всякого смысла»⁴.

Как мы уже говорили выше, ни одно современное общество не свободно от необходимости применения в определенных случаях принудительной формы исполнения судебных решений. Вопросы принудительного исполнения судебных актов в виду его неизбежной связи с определенными ограничениями прав и свобод граждан, нуждаются в детальном правовом урегулировании, совершенствование которого должно происходить на концептуальной основе.

Существует несколько направлений, по которым может пойти развитие исполнительного производства и которые, по идее их сторонников, должны существенно повысить его эффективность. Первое из них предполагает сохранение в целом существующей административной модели, однако при условии ее некоторой модернизации, заключающейся в усилении ее правоохранительного начала и дальнейшего обособления службы судебных

¹ См.: *Медведев Д.А.* Выступление на VII Всероссийском съезде судей РФ // Российская газета. 2008. 2 декаб.

² См.: *Старженецкий В.В.* Указ. соч. С. 18–19.

³ См.: *Лебедев В.М.* От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 2–4.

⁴ См.: *Колоколов Н.А.* Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007. С. 35.

приставов, вплоть до полного отделения от Министерства юстиции Российской Федерации. В рамках него предлагается освободить Федеральную службу судебных приставов от «второстепенных» функций (в настоящий момент она выполняет самые разнообразные задачи: исполняет судебные решения и постановления налоговых и других специально уполномоченных органов по принудительному взысканию недоимок в бюджеты различных уровней, штрафов, обеспечивает установленный порядок деятельности судов, осуществляет дознание, составляет протоколы по фактам административных правонарушений и др.) и сконцентрироваться на ее основной цели – исполнении актов юрисдикционных органов¹.

Данный вариант представляется наиболее простым и легко реализуемым в условиях современных российских реалий. Однако, поддерживается он далеко не всеми специалистами, которые предлагают другие альтернативы совершенствования системы исполнения судебных актов, каждый из которых нуждается в критическом осмыслении и выявлении как их положительных, так и отрицательных аспектов².

Так, первый альтернативный вариант развития административной модели заключается в приватизации (полной или частичной) организации исполнительного производства, предполагающей ликвидацию Федеральной службы судебных приставов (ФССП) и переходе соответствующих полномочий частным приставам.

Сторонники данного варианта реформирования исполнительного производства считают, что предпосылки для его проведения в России в целом сложились³. Идея приватизации службы судебных приставов

¹ См.: *Абдулин Р.С.* Пути повышения эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 5. С. 63–70.

² См.: *Воронов Е.Н., Нехороших А.М.* К вопросу о моделях принудительного исполнения актов юрисдикционных органов в России // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2012. № 2-2. С. 24–29.

³ См.: *Улетова Г.Д.* Проблемы исполнения судебных актов и перспективы института частных судебных приставов-исполнителей в России // *Законодательство.* 2006. № 12. С. 59–65.

реализована и доказала свою эффективность в ряде государств – Франции, Канаде, Литве, Эстонии и т.д. В перечисленных странах принудительное исполнение осуществляют частные структуры, которые выступают от имени государства, но при этом финансируются за счет сторон исполнительного производства¹. Заимствование Россией данной модели и замена ФССП на конторы частных приставов, по мнению сторонников данной идеи, может существенно повысить исполнимость судебных актов, ибо основное ее достоинство заключается в высокой материальной заинтересованности приставов в результатах своей деятельности, чего сейчас, безусловно, не хватает отечественной системе принудительного исполнения². При этом, что тоже немаловажно, государство не будет устраняться полностью из организации исполнительного производства и оставит за собой осуществление лицензирования данной деятельности и контроль за частными приставами³.

Однако наряду с несомненными достоинствами, у рассматриваемой модели существуют и определенные недостатки. Главный из них состоит в возложении бремени материальных расходов на взыскателей, которое для большинства российского населения может оказаться «неприподъемным». С подобной проблемой столкнулись, в частности, в Литве, где из-за дороговизны услуг частных приставов к ним перестали обращаться⁴.

В этой связи некоторые ученые выступают за более «мягкий» вариант данного направления реформирования исполнительного производства – частичную его приватизацию, предполагающую параллельное сосуществование государственных и частных судебных приставов-

¹ См.: Кузнецов Е.Н. К вопросу о модели принудительного исполнения: французский правовой опыт и российская правовая действительность // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 8. С. 41–46.

² См.: Ярков В.В. Небюджетная организация исполнительного производства: за и против // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М., 2006. С. 348.

³ См.: Иванов А.А. О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 2–3.

⁴ См.: Вишинскис В., Валанчус В. Реформа службы судебных приставов в Литве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 12. С. 34–37.

исполнителей¹. Это, однако, не исключает возникновения проблем практического характера, в частности, при сводном исполнительном производстве, в делах, где взыскателем будет выступать государство и т.п., пути разрешения которых должны быть продуманы заранее и подробно прописаны в нормативных правовых актах.

Второй альтернативный путь реформирования исполнительного производства основывается на воссоздании системы приставов при суде либо с полной заменой административной модели на судебную, либо с их совместным функционированием при условии распределения полномочий по принудительному исполнению между органами исполнительной и судебной власти. Аргументом в пользу первого варианта (полной замены модели) его активный сторонник профессор А.Ф. Изварина считает необходимость возрождения и поддержания на должном уровне авторитета судебной власти, что возможно только при условии наличия в ее распоряжении механизма исполнения судебных актов, осуществляемого ее работниками, которые подчиняются данной ветви власти с кадровой, организационной и статусной позиции, контролируются ею и несут перед ней ответственность². Ей возражает Р.С. Абдулин, глубоко убежденный в том, что судебная власть должна быть свободна от исполнения судебных решений, в противном случае существует опасность ее превращения в обычный правоохранительный орган со всеми признаками силовой структуры³.

В качестве компромисса между двумя приведенными крайними точками зрения рядом специалистов предлагается организация смешанной, административно-судебной модели принудительного исполнения судебных актов. В подтверждение ее потенциальной эффективности приводится в

¹ См.: Капорина Е.Е. О правовом статусе органов принудительного исполнения и предпосылках его реформирования // Современное право. 2007. № 8. С. 67–74; Афанасьев С.Ф., Шварц М.З., Машанкин В.А. Заключение на авторский проект Федерального закона РФ «Об исполнительской деятельности частных судебных приставов-исполнителей» // Исполнительное право. 2006. № 4. С. 5–10.

² См.: Изварина А.Ф. Исполнение судебных решений в России должно стать компетенцией суда // Мировой судья. 2006. № 10. С. 29–32.

³ См.: Абдулин Р.С. Указ. соч. С. 68.

пример положительный опыт зарубежных стран: Англии (где существуют шерифы и бейлифы) Франции и др.¹. Применительно к российской действительности, предлагает М.В. Филимонова, она должна заключаться в создании подразделения судебных приставов в структуре Судебного департамента при Верховном суде РФ, которые будут градироваться на приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и приставов-исполнителей, с возложением на последних функции по практической реализации судебных актов по делам, вытекающим из частного права. Исполнение же актов правосудия, вытекающих из административных и иных публичных отношений, и исполнение актов других юрисдикционных органов останется в ведении ныне функционирующей структуры, которую предлагается переименовать в Федеральную службу государственных приставов². Такое разграничение компетенции между разными видами приставов-исполнителей будет способствовать усилению специализации в сфере принудительного исполнения, что позволит повысить его эффективность³.

Все вышеперечисленные предложения относятся к совершенствованию механизма только одной – принудительной – формы исполнения актов юрисдикционных органов. Между тем, цели исполнительного производства вовсе не исключают добровольности исполнения судебного решения должником, более того, требуют концентрации именно в данном направлении. В частности, об этом говорится в долгосрочной программе повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 годы)⁴, которая подчеркивает актуальность задачи существенного

¹ См.: *Ярков В.В.* Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 465–504.

² См.: *Филимонова М.В.* Процессуальные аспекты взаимодействия судебного пристава-исполнителя и суда в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 34.

³ См.: См.: *Воронов Е.Н., Нехороших А.М.* Указ. соч. С. 27–28.

⁴ См.: Долгосрочная программа повышения эффективности судебных решений (2011–2020 годы) // <http://docs.pravo.ru/document/view/10963602> (дата обращения: 26.11.2016).

повышения числа судебных актов, исполняемых добровольно, то есть без применения принудительных мер со стороны государственных органов.

Добровольное исполнение судебных решений расценивается не просто как одна из возможных вариаций их претворения в жизнь, а как важнейшее средство поддержания баланса интересов в обществе, способ обеспечения социального консенсуса¹. Важность укрепления побудительных мотивов для оптимизации исполнительного производства неоднократно отмечалась специалистами в соответствующей сфере². В качестве одной из возможных мер предлагается внедрение в исполнительное производство «концепции невыгодности быть должником»³.

Примирение сторон должно стать приоритетной целью в деятельности судебного пристава-исполнителя. Для ее достижения полномочия пристава должны включать целый ряд возможных действий: вызвать стороны на беседу привлечь незаинтересованных посредников, экспертов и т.д. Помимо этого, в постановлении о возбуждении исполнительного производства предлагается указывать перечень процессуальных прав должника с обязательным указанием на возможность проведения процедуры медиации и заключения мирового соглашения⁴.

Исходя из отмеченного выше концептуального приоритета, можно увидеть рациональное зерно в предложении продлить срок возможности добровольного исполнения судебных решений до десяти дней. Данная мера имеет и чисто практическую подоплеку, состоящую в происходящих в определенном проценте случаев нарушениях установленных сроков. Кроме того, разъяснительная работа судебного пристава-исполнителя также требует дополнительных затрат времени. В пользу предлагаемой меры говорит и

¹ См.: *Чекмарева А.В.* Добровольное исполнение судебных решений – путь к социальному консенсусу // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 5. С. 37–41.

² См., напр.: *Морозова И.Б., Треушников А.М.* Исполнительное производство: учебно-практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 17–18.

³ См.: *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб., 2010. С. 277.

⁴ См.: *Чекмарева А.В.* Указ. соч. С. 41.

опыт иностранных государств, в частности, Финляндии, где общий срок для добровольного исполнения судебных решений составляет три месяца, а исключительный – вплоть до шести¹.

Таким образом, решение проблемы исполнимости юридических актов применительно к судебным решениям видится не столько в ужесточении принудительных мер воздействия на должника, сколько в организации и поддержании необходимых условий, побуждающих его к добровольному, инициативному исполнению.

Рассматривая вопрос повышения удельного веса добровольной формы исполнения судебных актов, мы затронули чрезвычайно важный для решения общей проблемы исполнимости (неисполнимости) юридических актов аспект – субъективную готовность (желание) адресатов норм их реализовать.

Готовность личности к претворению в жизнь юридических предписаний напрямую зависит от степени ее заинтересованности в результатах данных действий. Главный субъективный фактор, препятствующий исполнимости юридических актов, основывается на значимости категории интереса в формировании поведения личности и заключается в том, что в отличие от использования как формы реализации права, предполагающей удовлетворение потребностей самого субъекта, исполнение практически всегда связано с необходимостью совершить определенные действия в чужих интересах.

Как мы выяснили, исполняться может только то, что имеет в своей основе элемент обязательности (обязанности). Любой юридический акт несет в себе обязанность для определенного субъекта (субъектов), и задача общего плана любого цивилизованного общества заключается в создании таких условий, когда обязанности будут исполнять его членами добровольно. Это, в свою очередь, возможно только при осознании общей массой населения неразрывной связи между правами и обязанностями, свободой и ответственностью, возможностями и долженствованием. Только в таком

¹ См.: Гуреев В.А., Гуцин В.В. Указ. соч. С. 168.

случае обязанности перестанут восприниматься как нечто чуждое, вынужденное. Добровольность по отношению к реализации обязанностей, как справедливо отмечали еще советские ученые, выступает залогом уважения других людей¹. Поэтому желательно добиться отношения к обязанностям как к осознанной необходимости, т.е. такого положения вещей, чтобы они стали своеобразной личностной потребностью и заняли место целевой установки во внутреннем мире индивида, а это требует от государства упорной, планомерной, последовательной работы по повышению общего уровня правосознания и правовой культуры населения.

Идеальной будет ситуация не просто добровольного исполнения всеми членами общества своих обязанностей, а практика «сверхисполнения», которая связана с понятием социальной ответственности. Последняя, в отличие от юридической, предполагает инициативный отклик граждан и их объединений на общественные проблемы, который «превосходит» уровень обычных требований закона.

Рациональная, грамотная, научно обоснованная организация правового регулирования также способна оказать побуждающее воздействие на граждан к исполнению возложенных на них обязанностей. Особую, тактическую роль здесь играет правильная расстановка стимулов, которые могут носить как позитивную, так и негативную направленность². Позитивное стимулирование базируется на взаимосвязи двух понятий – «заслуга» и «поощрение»; негативное, в свою очередь, также имеет в своей основе определенную корреляцию (уже рассмотренную нами выше) «неисполнение обязанности – наступление юридической ответственности».

На первый взгляд, наиболее эффективным способом оказания воздействия на субъективный критерий исполнимости юридических норм кажется установление (ужесточение) ответственности за их неисполнение. Однако практика доказывает обратное: наибольшую результативность имеют

¹ См.: Генкин Д.М. Сочетание прав с обязанностями в советском праве // Советское государство и право. 1967. № 7. С. 35.

² См.: Малько А.В. Указ. соч. С. 32–48.

те средства, которые формируют заинтересованность обязанного субъекта в качественном, полном и своевременном выполнении обязанности¹. В свое время И.А. Ильин справедливо указывал на то, что честность и законопослушание – это результат личного решения². Поэтому одним из важнейших направлений повышения эффективности исполнения юридических норм является стимулирование добровольного претворения в жизнь различного рода обязанностей.

Однако наличие субъективной готовности личности к исполнению возложенных на нее обязанностей еще не является гарантией претворения их в жизнь, которое может быть парализовано отсутствием необходимых объективных условий. Чтобы этого не произошло, необходимо наличие и реальное функционирование особого механизма, позволяющего различным субъектам беспрепятственно реализовывать свои обязанности. Иначе говоря, государство должно позаботиться о создании *механизма исполнения обязанностей гражданами*, включающей определенный набор правовых гарантий (средств), обеспечивающих добровольное, полное и своевременное исполнение обязанностей³.

Входящие в обозначенную систему гарантии (правовые средства) могут быть сгруппированы по двум основным направлениям:

- 1) информационные гарантии (средства);
- 2) организационные гарантии (средства).

Информационные гарантии (средства) обеспечивают информирование субъекта о его обязанности, а также ее основных признаках (содержании обязанности, сроки, в которые ее необходимо исполнить, возможные способы исполнения, мера ответственности за неисполнение конкретной юридической нормы). Они играют роль «запускающего механизма» в процессе исполнения

¹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 243–244.

² См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 54.

³ См.: Зайцева Е.Р. Гарантии исполнения обязанностей в конституционном праве // Конституционные основы экономических и социальных отношений. Конституционная юстиция: Материалы IV Всероссийской конференции по конституционному праву. 31 марта–1 апреля 2006 г. / под ред. А.А. Ливеровского. СПб., 2006. С. 58.

обязанностей, поскольку для совершения адекватных действий, направленных на практическую реализацию обязывающей нормы, субъект должен быть информирован о ее содержании. Вряд ли можно поспорить с тем, что люди, не знающие своих обязанностей, не имеют возможности их исполнить¹. Знание же гражданином обращенных к нему государству требований, «довлеет» над ним и побуждает к исполнению обязанностей.

Гарантии первой группы предполагают определенные требования к правовой информации, доводимой до адресата, а именно ее ясность (понятность); определенность, четкость (однозначность); доступность для получения (открытость), полнота (достаточность для совершения юридически значимых действий)².

Организационные гарантии (средства) заключаются в процессуальном опосредовании исполнения обязанностей. Исполнение права в любом из его проявлений, как мы знаем, представляет собой некую процедуру, для осуществления которой необходимо создание определенных условий.

Гарантии данной группы приобретают особое значение в тех ситуациях, когда реализация обязывающей нормы находится в зависимости от действий не только и не столько самого обязанного лица, сколько других субъектов – граждан, организаций, государственных органов. Соответствующие гарантии должны быть четко прописаны в нормативных правовых актах – путем установления «встречных» обязанностей определенных субъектов в целях исполнения главной, «изначальной» обязанности. Так, любая организация вне зависимости от ее организационно-правовой формы и формы собственности, а также ее должностные лица должны обеспечить претворение в жизнь гражданами воинской обязанности (к примеру, создать фактическую возможность своевременно явиться для

¹ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

² См.: Правовая информация / А.Ф. Шебанов, А.Р. Шляхов, С.С. Москвин. М., 1974. С. 8–14.

постановки на воинский учет, пройти медицинское освидетельствование и т.д.)¹.

Не следует, однако, увлекаться излишней процессуальной регламентацией, поскольку она, равно как и ее недостаточность, одинаково опасны. Абсолютизация процедурной стороны вопроса ограничивает свободу выбора граждан, порождая бюрократизм и формализм².

Рассуждая о создании механизма исполнения обязанностей, хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Следует различать обязанности, прямо проистекающие из правового статуса конкретного лица (конституционного, трудового, административного, уголовно-правового и т.д.), то есть фактически составляющие его содержание, и обязанности, непосредственно им не предусмотренные, но могущие возникнуть в связи с данным статусом. При этом гарантии (средства) исполнения двух названных видов обязанностей будут существенно различаться.

В частности, Трудовой кодекс РФ предусматривает, что наряду с исполнением трудовых (основных) обязанностей работники могут привлекаться к исполнению различных государственных и общественных обязанностей в рабочее время. Общие вопросы такого привлечения регулируются главой 25 ТК РФ. При этом Кодекс не содержит конкретного перечня государственных и общественных обязанностей, к которым могут привлекаться работники, и только анализ российского законодательства позволяет выделить несколько групп упомянутого рода обязанностей:

– обязанности, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, опосредующие участие работника в качестве члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса, зарегистрированных кандидатов, доверенных лиц кандидатов и т.д.;

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону РФ «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 1999. С. 7.

² См.: Зайцева Е.Р. Указ. соч. С. 60.

– обязанности, возникающие в связи с осуществлением правосудия и участием в деятельности правоохранительных органов, опосредующие участие работников в качестве арбитражных заседателей, присяжных заседателей, свидетелей, переводчиков, специалистов, экспертов, понятых, потерпевших, законных представителей потерпевших и т.д.;

– обязанности, возникающие в связи с избранием работника на выборные должности в государственных органах и органах местного самоуправления, проистекающие из деятельности депутата Государственной Думы РФ, члена Совета Федерации, деятельности на выборных должностях в государственных органах РФ, субъектов РФ и органах местного самоуправления;

– обязанности, связанные с деятельностью общественных организаций, опосредующие участие работников в деятельности профсоюзных организаций, комиссий по трудовым спорам, в примирительных комиссиях и т.д.;

– обязанности, связанные с организацией военной службы, предполагающие привлечение работников на время медицинского освидетельствования, медицинского обследования или лечения для решения вопросов о постановке на воинский учет, об обязательной подготовке к военной службе, о призыве или добровольном поступлении на военную службу, призыве на военные сборы, а также на время исполнения ими других обязанностей, связанных с воинским учетом, обязательной подготовкой к военной службе, призывом или добровольным поступлением на военную службу и призывом на военные сборы.

Поскольку основными обязанностями работника как субъекта трудовых отношений выступают его обязанности по отношению к работодателю, которые он исполняет согласно установленному порядку в рабочее время, то все остальные обязанности, в том числе государственные и общественные, следует рассматривать как дополнительные, факультативные, т.е. необходимость их реализации может и не наступить. Поэтому

исполнение обязанностей данного вида можно охарактеризовать как «сверхисполнение». Исходя из этого, для его обеспечения законодатель закрепляет особый механизм, включающий дополнительные гарантии и компенсации работникам, привлекаемым к исполнению государственных или общественных обязанностей¹.

Подобный подход вполне оправдан, ибо на работника возлагаются дополнительные обязанности «поверх» его основных, которые могут и зачастую приходят с ними в противоречие. Возникает конфликт интересов – государственных (общественных) и частных (работодателя). При этом законодатель очевидным образом указывает на приоритет первых, закрепляя то, что работодатель обязан освобождать работника от работы с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных или общественных обязанностей в случаях, если в соответствии с законом эти обязанности должны быть исполнены в рабочее время (ст. 170 ТК РФ).

Таким образом, одним из важнейших направлений решения проблемы недостаточной исполнимости правовых актов выступает создание механизма гарантий исполнения обязанностей – системы информационных и организационных гарантий (юридических средств), обеспечивающих добровольное, полное и своевременное претворение в жизнь юридических норм.

В отношении исполнения обязанностей таким специальным субъектом, как государственные органы и их должностные лица, вопрос о создании системы гарантий, т.е. организации необходимых условий для исполнения приобретает особую актуальность. Данные гарантии (условия) подразделяются на *объективные* (четкое закрепление в законодательстве наряду с полномочиями (т.е. по сути правами) тех или иных государственных органов и их должностных лиц, начиная с Президента РФ, конкретных обязанностей, а также ответственности за их неисполнение, и субъективные,

¹ См.: Шайхутдинова Н.П. О некоторых проблемах предоставления гарантий работникам при исполнении ими государственных или общественных обязанностей // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2013. № 2. С. 196–198.

предполагающие активную работу по повышению уровня правосознания и правовой культуры государственных служащих.

Подводя итоги нашему исследованию, сделаем следующие выводы. Одной из актуальных проблем российской правовой действительности выступает декларативность, бездейственность, или по-другому, *неисполнимость юридических норм*. В свою очередь, *исполнимость правового акта* представляет собой комплексную характеристику его свойств, означающую потенциальную возможность его практической реализации, т.е. претворения в жизнь, обеспеченную совокупностью условий субъективного (психологические установки, т.е. внутренняя готовность субъекта) и объективного (наличие механизма исполнения) характера, выступающую обязательным условием (и одновременно критерием) его эффективности.

Исполнимость судебных актов как основа эффективности исполнительного производства может быть повышена только путем осуществления комплекса (системы) мероприятий одновременно в двух направлениях: с одной стороны, реформирования механизма принудительного исполнения актов юрисдикционных органов (модернизации существующей административной модели с исключением несвойственных Федеральной службе судебных приставов России полномочий; воссоздания судебной (либо создания смешанной административной-судебной) модели; реализации идеи введения института частных приставов вместо либо наряду с государственными), с другой – организации и поддержания необходимых условий, побуждающих граждан к добровольному, полному и своевременному исполнению юридических предписаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законы принимаются для того, чтобы они исполнялись. С этим, казалось бы, сложно поспорить. Однако в чем же тогда кроется причина неэффективности, бездейственности, декларативности современного российского законодательства, в чем его нередко (и надо сказать, вполне справедливо) обвиняют? Ответ, на наш взгляд, заключается в тех препятствиях и проблемах, которые возникают на пути следования юридической нормы от идеального мысленного образа к практическим действиям и результатам, т.е. в процессе исполнения заложенного в ней общеобязательного начала.

Исполнение принято рассматривать в контексте общей теории реализации права. Согласно наиболее распространенной трактовке, исполнение представляет собой наряду с соблюдением, использованием и применением форму реализации права, посредством которой претворяется в жизнь один из видов юридических норм, а именно обязывающие нормы. При этом, если соблюдению запретов, выступающих оплотом поддержания состояния законности и правопорядка в обществе, использованию прав как форме, приобретающей все большую популярность ввиду общей тенденции к укреплению дозволительных начал в правовом регулировании, не говоря уже о правоприменении, в литературе уделено достаточно внимания, то про исполнение такого сказать, увы, нельзя. Между тем, исполнение выступает не менее важной, чем остальные, формой реализации права уже хотя бы на том основании, что само право как система общеобязательных правил поведения несет в себе императивное начало, следовательно, про него с полной уверенностью можно сказать, что оно реализуется посредством исполнения. Тем не менее, на сегодняшний день наблюдается явный дефицит теоретических исследований монографического уровня, комплексно и всесторонне анализирующих данную категорию.

Таким образом, понятие «исполнение права», несмотря на его кажущуюся «очевидность», практически не становилось в науке предметом самостоятельного теоретического анализа. Его можно называть простым и сложным одновременно. С одной стороны, исполнение права представляет собой одну из форм реализации права, заключающуюся в полном, качественном и своевременном претворении в жизнь обязывающих норм, что задает базовое направление исследования данной категории. С другой стороны, «исполнение права» можно рассматривать как абстракцию более высокого уровня, подразумевающую реализацию общеобязательного начала, заключенного в праве. Такой подход открывает еще больший простор для научных изысканий, позволяя обогатить понятийно-категориальный аппарат юриспруденции и разработать новые идеи концептуального характера в рамках общей теории правового регулирования.

Рассмотрение объектов и субъектов исполнения права необходимо осуществлять исключительно во взаимосвязи. Объектами исполнения выступают правовые явления, имеющие в своей сущности начало императивности, необходимости, долженствования, а субъектами – лица, непосредственно претворяющие данное начало в жизнь. При этом именно объектная характеристика исполнения детерминирует его субъектные особенности.

С объектно-субъектной характеристикой исполнения сопряжено и исследование его форм. Несмотря на то, что их в принципе существует всего две – добровольное и принудительное исполнение, их применимость в конкретном случае также зависит от объекта исполнения. Одни осуществляются исключительно в добровольном порядке, другие, напротив, реализуются только в принудительном. Третьи же могут быть претворены в жизнь в обеих формах, однако эта группа также неоднородна: в отношении одних объектов принудительное исполнение является факультативным (в случае, если добровольно оно не происходит), других же – наоборот,

принудительная форма является общим правилом, а добровольная – исключением.

Достаточно много вопросов вызывает процессуальная сторона содержания исполнения права. Проблема осложняется тем, что создать универсальную модель процесса исполнения права в принципе не представляется возможным, главным образом, ввиду многовариантности объектов исполнения. Также на особенности процесса исполнения влияет характер императива, заключенного в правовой норме, (единичный или длящийся) и форма реализации (добровольная или принудительная). Вышеперечисленные факторы определяют степень конкретности законодательной регламентации процесса исполнения в каждом отдельно взятом случае. При этом, важно отметить, что детальное законодательное урегулирование процесса исполнения права необходимо именно для принудительной его формы, неизбежно предполагающей ограничения прав и свобод граждан.

Антиподом исполнения выступает понятие «неисполнение права», которое всегда носит правонарушающий характер, что является основанием его связи с наступлением юридической ответственности. За различные виды неисполнения права возможно наступление всех видов юридической ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой ответственности), что регулируется соответствующими отраслями права. При этом неисполнение может констатироваться как в случае полной нереализации (игнорировании) обязывающих норм, так и в случае ненадлежащего (некачественного, неполного, несвоевременного) их исполнения, происходить не только в пассивной (безусловно, основной), но в отдельных случаях – также и в активной форме, а также представать в простом и квалифицированном варианте (злостное неисполнение).

Одной из очевидных проблем современной российской правовой действительности следует признать неисполнимость (ненадлежащую, т.е. некачественную, неполную и (или) несвоевременную исполнимость)

правовых актов. Озвученная проблема, безусловно, носит комплексный характер, но в ее рамках особую актуальность приобретают вопросы недостаточной степени реализации, прежде всего, судебных актов. Между тем, добровольное исполнение судебных решений расценивается как важнейшее средство поддержания баланса интересов в обществе, способ обеспечения социального консенсуса. При этом проведенный комплексный анализ проблемы свидетельствует о том, что ее решение заключается не столько в ужесточении принудительных мер воздействия на должника, сколько в организации необходимых условий, побуждающих его к добровольному, инициативному исполнению норм.

Полученные выводы свидетельствуют о необходимости продолжения теоретических изысканий в рассматриваемом направлении в целях укрепления научного базиса концепции эффективности правового регулирования, достижения высокого уровня исполнимости правовых актов в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты и другие официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декаб.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. 05.04.2005 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1.
4. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 8, ст. 801.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 13 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 1 (ч. 1), ст. 1.

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

14. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 41 (ч. 1), ст. 14.

15. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 18 февр.

16. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 3, ст. 168.

17. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

18. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 148.

19. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52, ст. 5880.

20. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3590.

21. Федеральный закон РФ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I), ст. 3418.

22. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

23. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133.

24. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

25. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 31 (ч. I), ст. 3434.

26. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

27. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849.

28. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 28.06.2010) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч 1), ст. 6217.

29. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.

30. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.

31. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

32. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19, ст. 2716.

33. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7343.

34. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2012. № 49, ст. 6752.

35. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1392.

36. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 15.07.2016) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 7, ст. 300.

37. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 766.

38. Указ Президента РФ от 31 декабря 1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию» // Российская газета. 1994 г. 10 января.

39. Указ Президента РФ от 5 апреля 1994 г. № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных законов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 15, ст. 1173.

40. Указ Президента РФ от 24 ноября 1995 г. № 1178 «О мерах по обеспечению открытости и общедоступности нормативных актов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4660.

41. Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 22, ст. 2663.

42. Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23, ст. 2756.

43. Указ Президента РФ от 14 февраля 1998 г. № 170 «О мерах по повышению эффективной работы, связанной с формированием Свода законов Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 829.

44. Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 33, ст. 3356.

45. Указ Президента РФ от 14 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42, ст. 4111.

46. Указ Президента РФ от 7 мая 2008 г. № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 19, ст. 2116.

47. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.

48. Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2009 г. № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 48, ст. 5832.

49. Распоряжение Правительства РФ от 4 августа 2006 г. № 1082-р «О Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России" на 2007–2011 годы» : // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 33, ст. 3652.

50. Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р «О концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 5, ст. 547.

51. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 8 апр.

52. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

53. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп.) // СПС «Гарант»;

54. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Книги:

1. *Авдеев В.А.* Правовое регулирование условного исполнения наказания. Иркутск, 2013. 350 с.
2. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940. 192 с.
3. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
4. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах. Т. 2. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. института, 1973. 401 с.
5. *Анисимков В.М., Капункин С.А., Рыбак М.С.* Уголовно-исполнительное право : курс лекций / под ред. В.М. Анисимова. Саратов: Издательство СГАП, 2001. 240 с.
6. *Байтин М.И.* Сущность права. (Современное нормативное понимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
7. *Бабаков В.А.* Гражданская процессуальная обязанность. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2001. 116 с.
8. *Бахрах Д.Н.* Административное право России. Учебник для вузов. М.: Норма–Инфра-М, 2000. 640 с.
9. *Белослудцев В.И., Щербакова М.В.* Формирование и развитие института прав человека в российской системе исполнения наказаний: монография. М.: ФГБОУ ВПО РГАЗУ, 2014. 192 с.
10. Большой юридический словарь / Под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2009. 704 с.
11. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1979. 94 с.
12. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.; Юридическая литература, 1976. 215 с.

13. *Валеев Д.Х.* Исполнительное производство. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
14. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
15. *Винденбальд В.* О свободе воли. Минск: Харвест, 2000. 208 с.
16. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
17. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. Учебное пособие. М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М – Норма, 1997. 304 с.
18. *Воронов Е.Н.* Органы принудительного исполнения судебных актов в России: история и современность: монография. Курск: Изд-во Юго-Запад. гос. ун-та, 2013. 107 с.
19. *Вставская И.М., Савченко С.А.* Исполнительное производство: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 232 с.
20. *Габачидзе Б.Н., Елисеев Б.П.* Российское административное право. Учебник для вузов. М.: Норма–Инфра-М, 1998. 605 с.
21. *Гревцов Ю.И.* Правовые отношения и осуществления права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 127 с.
22. *Гревцов Ю.И.* Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 83 с.
23. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
24. *Гуреев В.А., Гущин В.В.* Исполнительное производство. 2-е изд. М.: Юрайт, 2011. 559 с.
25. *Дюрягин И.Я.* Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. 248 с.
26. *Ефимов И.А., Сабанин С.Н.* Уголовно-правовые аспекты неисполнения обязанностей налогового агента: монография. Екатеринбург: УрГИ, 2013. 180 с.

27. *Жеребцова А.Н.* Общая теория публично-правовой обязанности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 405 с.
28. *Жуйков В.М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. 283 с.
29. *Завадская Л.Н.* Механизм реализации права. М.: Наука, 1992. 288 с.
30. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
31. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 158 с.
32. *Иваненко О.Ф.* Некоторые проблемы теории юридической ответственности. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1979. 190 с.
33. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
34. *Иоффе О.С.* Избранные труды. В 4-х томах. Т. 3. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 837 с.
35. *Калмыков Ю.Х.* Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976. 268 с.
36. *Козлов Ю.М.* Государственное управление и административное право. М.: Юридическая литература, 1978. 358 с.
37. *Колоколов Н.А.* Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Юрист, 2007. 512 с.
38. *Комаров С.А., Ростовщиков И.В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб.: Изд-во юридического института, 2002. 336 с.
39. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под ред. В.К. Дуюнова. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 с.
40. *Конин Н.М.* Административное право России : Учеб. М.: Издательство СГАП, 2006. 596 с.

41. Конституционный статус личности в СССР / редкол. Н.В. Витрук, В.А. Масленников, Б.Н. Топорнин. М.: Юридическая литература, 1980. 256 с.
42. *Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В.* Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. 280 с.
43. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб.: ООО «Статус», 2010. 320 с.
44. *Лазарев В.В.* Применение советского права. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. 200 с.
45. *Лепешкин А.И.* Правовое положение советских граждан. М.: Мысль, 1966. 56 с.
46. *Липинский Д.А.* Юридическая ответственность: история и современность. Тольятти: Изд-во Тольяттинского государственного ун-та, 2014. 268 с.
47. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 384 с.
48. *Лукич Р.* Методология права. М.: Прогресс, 1981. 304 с.
49. *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юридическая литература, 1985. 192 с.
50. *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 204 с.
51. *Маликов М.К.* Проблемы реализации права. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1988. 138 с.
52. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. М.: Изд-во Саратовского университета, 1994. 184 с.
53. *Маслова С.В.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства, регулирующего управление и распоряжение федеральной собственностью: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

54. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во СГАП, 2004. 512 с.
55. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
56. *Мирошникова Н.И.* Механизм осуществления субъективных гражданских прав : учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Ярославского университета, 1989. 83 с.
57. *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1963. 213 с.
58. *Морозова И.Б., Треушников А.М.* Исполнительное производство: учебно-практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 528 с.
59. *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М.6 Госюриздат, 1960. 511 с.
60. *Никитина А.В.* Разумный срок судебного разбирательства и исполнения судебных актов: практика получения справедливой компенсации: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 160 с.
61. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 352 с.
62. *Новоселов В.И.* Правовое положение граждан в отраслях государственного управления. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1977. 166 с.
63. *Нырков В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2006. 204 с.
64. *Орлов В.Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография. М.: Юстиция, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. 416 с.
65. *Осин В.В.* Правомочен ли Президент России обеспечить исполнение судьями требований Конституции РФ и иных законов? М.: Юрлитинформ, 2012. 56 с.

66. *Паламарчук А.В.* Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации, 2014. 328 с.
67. *Панов А.П.* К вопросу о понятии юридической обязанности // Проблемы политической и правовой науки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 2007. С. 67–73.
68. *Панов А.П.* Конституционные права и обязанности человека и гражданина: проблемы соотношения // Конституционные чтения. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 118–122.
69. *Панова И.В.* Юридический процесс. Саратов: Светопись, 1998. 76 с.
70. *Пеньков Е.М.* Социальные нормы – регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М.: Мысль, 1972. 198 с.
71. *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
72. *Пикин И.В.* Юридические гарантии правового статуса личности в процессе исполнения наказания. Монография. Владимир: Изд-во Владимирского юрид. института, 2008. 136 с.
73. *Погодин А.В.* Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 260 с.
74. *Полубинская С.В.* Цели уголовного наказания. М.: Наука, 1990. 142 с.
75. Правовая информация / А.Ф. Шебанов, А.Р. Шляхов, С.С. Москвин. М.: Наука, 1974. 158 с.
76. Проблемы теории права и правореализации : учебник / отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.
77. *Протасов В.Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.

78. *Пчелкина Е.В.* Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы: монография. Астрахань: Изд-во ИП Сорокин Р.В., 2012. 220 с.
79. *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства). М.: Юрлитинформ, 2012. 272 с.
80. Реализация права : учебное пособие / Л.Т. Бакулина, А.Р. Губайдуллин, А.В. Погодин. Казань: Казанский университет, 2012. 134 с.
81. *Решетов Ю.С.* Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 159 с.
82. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 720 с.
83. *Рудаков А.А.* Соотношение прав и обязанностей как парных юридических категорий // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. № 3. Красноярск, 2006. С. 167–169.
84. *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс, Н. Мандро. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 576 с.
85. *Самощенко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971. 239 с.
86. *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
87. *Свирин Ю.А.* Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М.: Оверлей, Астра-Полиграфия, 2009. 232 с.
88. *Слышалов И.В.* Исполнение административных наказаний: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2014. 76 с.
89. *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль: Изд-во Лань, 1919. 240 с.
90. *Старилов Ю.Н.* Служебное право. М.: Издательство «БЕК», 1996. 698 с.

91. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 190 с.
92. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.
93. Теория государства и права: Хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. М.: Юристъ, 2001. 620 с.
94. *Тихомиров Ю.А.* Об административной реформе России // Исполнительная власть: организация и взаимодействие. М. Юстицинформ, 2000. 240 с.
95. *Толстой В.С.* Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. 206 с.
96. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : Учебник / под ред. А.С. Михлина. М.: Юристъ, 2004. 494 с.
97. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : Учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М.: Эксмо, 2005. 705 с.
98. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. 336 с.
99. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
100. *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. 542 с.
101. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. 160 с.
102. *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 134 с.
103. *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: ЛГУ, 1976. 286 с.
104. *Яровая С.В.* Уголовно-правовой анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Саратов: Сателлит, 2009. 124 с.

Научные статьи:

1. *Абдулин Р.С.* Пути повышения эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 5. С. 63–70.
2. *Абрамова А.И.* Вопросы финансовой обеспеченности действия закона // *Журнал российского права.* 2010. № 5. С. 46–47.
3. *Алексеев С.С.* Юридические конструкции – ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) // *Гражданско-правовые записки. Межвузовский сборник научных трудов.* М., 2001. С. 5–20.
4. *Алпатова Д.А.* Актуальные вопросы применения статьи 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции», то есть о том, как она «толкуется» правоприменительной практикой // *Муниципальное право.* 2012. № 2 (58). С. 18–20.
5. *Афанасьев С.Ф., Шварц М.З., Машанкин В.А.* Заключение на авторский проект Федерального закона РФ «Об исполнительской деятельности частных судебных приставов-исполнителей» // *Исполнительное право.* 2006. № 4. С. 5–10.
6. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность как правоохранительное правоотношение // *Советское государство и право.* 1980. № 8. С. 122–125.
7. *Барзилова Ю.В.* Единство прав и обязанностей как неотъемлемый элемент демократии // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2006. № 4. С. 65–71.
8. *Белоусов С.А.* Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных проявлений законодательного дисбаланса // *Вестник Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.* 2014. № 4. С. 11–17.
9. *Богатырев Ф.О.* Интерес в гражданском праве // *Журнал российского права.* 2002. № 1. С. 33–43.

10. *Богданова Е.Е.* Принцип реального исполнения обязательства в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика. 2005. № 3. С. 31–35.
11. *Вавилин Е.В.* Структура механизма осуществления прав и исполнения обязанностей: к обоснованию подхода // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 3 (67). С. 81–85.
12. *Вавилин Е.В., Колодуб Г.В.* Методологический подход при исследовании категории «исполнение гражданско-правовой обязанности» // Власть закона. 2012. № 4. С. 24–31.
13. *Валеев Д.Х.* Исполнительное производство и процессуальная форма // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2003. № 2. С. 378–386.
14. *Варламова Н.В.* Правоотношения: философский и юридический подходы // Правоведение. 1991. № 4. С. 44–54.
15. *Ващенко Ю.С.* К вопросу толкования ст. 81 ТК о расторжении трудового договора и практике ее применения // Евразийский юридический журнал. 2010. № 8 (27). С. 113–116.
16. *Величко А.М.* Правовой статус личности как основополагающая ценность современного российского конституционализма // Юридическая мысль. 2001. № 1. С. 7–11.
17. *Воеводин Л.Д.* Содержание правового положения личности в науке советского государства и права // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 42–50.
18. *Волков Ю.Л., Танющева Н.Ю.* Актуальные вопросы применения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Деньги и кредит. 2006. № 10. С. 29–37.
19. *Воронов Е.Н., Нехороших А.М.* К вопросу о моделях принудительного исполнения актов юрисдикционных органов в России //

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2-2. С. 24–29.

20. Вишинскис В., Валанчус В. Реформа службы судебных приставов в Литве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 12. С. 34–37.

21. Вопленко Н.Н. О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 41–53.

22. Галанза П.Н. О применении советских правовых норм // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 94–97.

23. Генкин Д.М. Сочетание прав и обязанностей в советском праве // Советское государство и право. 1967. № 7. С. 27–38.

24. Гоголев М.И. Отношение граждан к конституционной обязанности по несению военной службы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 5-1. С. 172–176.

25. Горшунов Д.Н. Цель в механизме правореализации // Международные юридические чтения. Материалы научно-практической конференции (14 апреля 2005 г.). Ч. 1. Омск, 2005. С. 31–34.

26. Грачев Т.С. Права и обязанности: модели единства // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск "Правоведение". 2009. № 5 (8). С. 31–33.

27. Гукасян Р.Е. Личные интересы в механизме правового регулирования // Защита личных и общественных интересов в гражданском судопроизводстве. Сборник научных трудов. Калинин, 1985. С. 3–18.

28. Гукасян Р.Е. Соотношение прав и обязанностей социалистических организаций и государственных органов // Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1979. С. 12–25.

29. Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 40–44.

30. *Жигачев Г.А.* Правореализация на современном этапе: конфликты, проблемы, противоречия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 9 (101). С. 322–328.

31. *Завьялова И.С., Махина С.Н.* Становление и развитие управленческого процесса в России // Территория науки. 2014. Т. 1. № 1. С. 74–76.

32. *Зайцева Е.Р.* Гарантии исполнения обязанностей в конституционном праве // Конституционные основы экономических и социальных отношений. Конституционная юстиция: Материалы IV Всероссийской конференции по конституционному праву. 31 марта–1 апреля 2006 г. / Под ред .А.А. Ливеровского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 2006. С. 57–60.

33. *Затонский В.А.* Правовая инициатива – мощный фактор прогресса. Право на инициативу и его обеспечение // Юрист. 2004. № 11. С. 8–11.

34. *Зинин Г.Ю.* Значение судимости в процессе исполнения наказаний // Российский судья. 2014. № 9. С. 46–48.

35. *Иванов А.А.* О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 2–3.

36. *Иванова В.В.* Правовая природа и сущность принудительного исполнения исполнительных документов неимущественного характера // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2. С. 92–98.

37. *Иванцова Н.В., Городнова О.Н.* Неисполнение судебного акта, а равно воспрепятствование неисполнению как уголовно наказуемое деяние против правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 115–117.

38. *Игнатенкова К.Е., Аминев А.Т.* Роль юридических норм в процессе детерминации поведения личности // Академический юридический журнал. 2010. № 1 (39). С. 13–15.

39. *Изварина А.Ф.* Исполнение судебных решений в России должно стать компетенцией суда // *Мировой судья*. 2006. № 10. С. 29–32. *Казаков Р.М.* Сущность конституционного долга по защите Отечества // *Lex Russica*. 2009. Т. LXVIII. № 5. С. 1203–1206.

40. *Кабакова О.В.* Место конституционных обязанностей в системе средств правового регулирования // *Проблемы современной науки и практики*. № 1 (3). Ставрополь, 2009. С. 9–11.

41. *Капорина Е.Е.* О правовом статусе органов принудительного исполнения и предпосылках его реформирования // *Современное право*. 2007. № 8. С. 67–74.

42. *Каримова Р.Р.* О естественно-правовой сущности юридических обязанностей // *Право и политика*. 2007. № 7. С. 32–37.

43. *Карлов В.П.* Материальный признак общественной опасности как критерий различения преступления и административного правонарушения // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2014. № 1 (80). С. 59–63.

44. *Кечекьян С.Ф.* Норма права и правоотношения // *Советское государство и право*. 1955. № 2. С. 23–32.

45. *Ковалева В.В.* Место и роль механизма правового регулирования в оптимизации правотворчества // *Юридическая техника*. Ежегодник. 2012. № 6 «Техника современного правотворчества: состояние проблемы, модернизация». С. 215–217.

46. *Кондрашова М.А.* Соотношение принципов осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском и семейном законодательстве // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 4. С. 93–96.

47. *Конин В.В.* Стадия исполнения приговора – УПК или УИК? // *Вестник Самарского государственного университета*. 2014. № 11-2 (122). С. 187–192.

48. *Коновалова Л.Г.* Понятие, правовая природа и принципы исполнительного производства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2014. № 11. С. 77–80.

49. *Константинов С.А.* История, концепция и технологии воспитания патриотизма и готовности к защите Отечества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 112. С. 29–36.

50. *Крашенинников М.П.* Условия (основания) применения мер гражданско-правовой ответственности // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 60–68.

51. *Кузнецов Е.Н.* К вопросу о модели принудительного исполнения: французский правовой опыт и российская правовая действительность // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 8. С. 41–46.

52. *Кутько В.В.* Юридический процесс: основные методологические подходы к определению понятия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20. С. 154–158.

53. *Лагутин И.Б., Вычерова Н.В.* Федеральная служба судебных приставов как орган принудительного исполнения налоговой обязанности в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2 (15). С. 32–37.

54. *Лебедев А.Н., Диденко Ю.А.* Преднамеренное неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 133–141.

55. *Лебедев В.М.* От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 2–4.

56. *Леонова Т.Ю.* Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1. С. 206–214.

57. *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 2. С. 39–52.
58. *Майорова Е.И.* Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Российский следователь. 2014. № 1. С. 27–31.
59. *Маслов Н.А.* Обязанность по защите Отечества как юридическая категория // История государства и права. 2009. № 23. С. 41–42.
60. *Матузов Н.И.* Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Правовая культура. 2016. № 1. С. 23–25.
61. *Матузов Н.И.* Право и политика: антиподы или союзники? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 11–26.
62. *Миняева Т.Ф.* Нормы международного права и проблемы их реализации в процессе исполнения наказания в Российской Федерации // Международное уголовное право: актуальные вопросы и современные проблемы: сборник научных статей и сообщений. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 102–110.
63. *Мошкин С.И.* Совершенствование законодательства в сфере реализации конституционной обязанности по охране окружающей среды // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 1. С. 158–162.
64. *Мотовиловкер Е.Я.* Право собственности и притязание // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Тезисы докладов областной научно-практической конференции, 25 - 26 октября 1989 г. Ярославль, 1989. С. 55–58.
65. *Осинов М.Ю.* Теория правовых процессов и ее место в системе юридической науки // Государство и право. 2015. № 6. С. 71–75.
66. *Нагаева Т.И.* Уклонение от исполнения обязанностей как вид преступного деяния по уголовным кодексам РСФСР // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 105–108.

67. *Некрасов А.П.* Конституционные права осужденного в процессе исполнения наказания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 47–52
68. *Патюлин В.А.* Государство и общество (некоторые аспекты взаимоотношений в контексте исторического развития) // Социалистическое государство и общественный прогресс. М., 1982. С. 32–46.
69. *Пиголкин А.С.* Формы реализации норм общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 26–36.
70. *Погодин А.В.* Содержание и методология теории реализации норм права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 4. С. 7–14.
71. *Поленина С.В.* Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 12–19.
72. *Попова Ю.А.* Процессуальная форма разрешения споров, возникающих из публичных и административных правоотношений // Российский судья. 2011. № 4. С. 5–8.
73. *Путеева Н.Е.* О некоторых вопросах криминализации и уголовно-правовой характеристики неисполнения приказа сотрудником органов внутренних дел // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3). С. 106–112.
74. *Рабинович П.М.* Общетеоретические вопросы реализации советского права // Вестник Львовского ун-та. Серия юрид. 1983. Вып. 22. С. 7–10.
75. *Родионова О.М.* К вопросу о правовой природе исполнения обязательств // Право и экономика. 2011. № 4. С. 60–69.
76. *Сапун В.А.* Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. № 1. С. 3–11.
77. *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 80–81.

78. *Сенякин И.Н., Сухова Н.И.* Неисполнимые нормы российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 27–36.

79. *Соколова С.С.* Спорные вопросы доказывания нахождения работника в состоянии алкогольного опьянения при применении к нему меры дисциплинарного взыскания, предусмотренной пп. «б» п. 6 ст. 81 ТК РФ // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). 2014. № 1 (4). С. 135–138.

80. *Старженецкий В.В.* Неисполнение судебных актов – нарушение Россией своих международных обязательств // Законодательство и экономика. 2006. № 1. С. 18–19.

81. *Тернова Л.В.* Правовой механизм исполнения судебных решений // Журнал российского права. 2008. № 9 (141). С. 53–58.

82. *Толстой Ю.К.* Еще раз о правоотношении // Правоведение. 1969. № 1. С. 32–36.

83. *Трофименко А.В.* Гражданское право: соотношение публичных и частных интересов // Наука и общество. 2012. № 6. С. 109–115.

84. *Тыняная М.А.* Отграничение халатности от других смежных преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 47–53.

85. *Улетова Г.Д.* Проблемы исполнения судебных актов и перспективы института частных судебных приставов-исполнителей в России // Законодательство. 2006. № 12. С. 59–65.

86. *Уруков В.Н.* Отдельные вопросы прекращения и окончания исполнительного производства // Право и экономика. 2005. № 11. С. 75–78.

87. *Федькин Г.И.* Применяют ли граждане и общественные организации нормы права? Советское государство и право. 1955. № 2. С. 106–109.

88. *Хакимов И.А.* Средства обеспечения реализации права: к постановке проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 34–37.

89. *Хатунцева А.С.* Конституционная обязанность Российского государства по охране окружающей среды // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1 (24). С. 184–188.

90. *Царев Е.В.* К вопросу о технико-юридической конструкции норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с исполнением профессиональных обязанностей // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 814–817.

91. *Цыбуленко З.И.* Исполнение и осуществление норм гражданского права как формы реализации и условия осуществления гражданских прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 8. С. 11–15.

92. *Чекмарева А.В.* Добровольное исполнение судебных решений – путь к социальному консенсусу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 37–41.

93. *Шаганова О.М.* Толкование понятий «неисполнение обязанностей по воспитанию» и «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию» несовершеннолетнего // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-2. С. 63–67.

94. *Шагинян С.А.* О сущности отдельных дополнительных производств в российском уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. Серия «Юридические науки». 2013. № 6. С. 220–224.

95. *Шайхутдинова Н.П.* О некоторых проблемах предоставления гарантий работникам при исполнении ими государственных или общественных обязанностей // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2013. № 2. С. 196–198.

96. *Шемчук О.А.* К вопросу о мере свободы при возложении и исполнении гражданско-правовых обязанностей // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4. С. 141–144.
97. *Широнин В.* Реформа ЖКХ: обязанности без прав // Известия. 2005. 20 апреля.
98. *Шербакова Л.В.* Стадия исполнения в механизме правового регулирования административно-договорного правоотношения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1. С. 201–210.
99. *Шестакова Е.В.* Неисполнение законов или решений налоговым органом // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 266–271.
100. *Шетинин Б.В.* Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 3–10.
101. *Шундилов К.В.* Правовые механизмы: постановка проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2002. № 3. С. 82–86.
102. *Эрделевский А.* О правовой природе исполнения обязанности // Хозяйство и право. 2012. № 1. С. 119–122.
103. *Юнусов М.А., Юнусов Э.А.* Формы реализации обязанностей человеком и гражданином // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 3. С. 64–66.
104. *Яковлев В.Ф.* Реализация права и отраслевые методы правового регулирования // Проблемы применения советского права. 1973. Вып. 22. С. 3–11.
105. *Ямпольская Ц.А.* О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 145–226.
106. *Ярков В.В.* Небюджетная организация исполнительного производства: за и против // Актуальные проблемы гражданского права и

процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2006. С. 332–350.

107. *Ярков В.В.* Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 465–504.

108. *Ячменев Ю.В.* Юридическая ответственность: понятие, виды и особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 54. № 2. С. 66–74.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. *Амиров Д.С.* Права и обязанности судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 18 с.

2. *Байрамкулов А.М.* Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 30 с.

3. *Бакулина Л.Т.* Государственная правореализующая деятельность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 20 с.

4. *Бро Ю.Н.* Изучение фактических данных и обстоятельств дела в процессе применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 16 с.

5. *Бурмаков И.Ю.* Проблемы организации исполнительного производства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.

6. *Вавилин Е.В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 54 с.

7. *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.

8. *Виноградова В.С.* Правовой статус полиции в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 201 с.

9. *Грачев Т.С.* Единство прав и обязанностей как принцип права: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 200 с.

10. *Губайдуллин А.Р.* Преемственность в правореализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.

11. *Доренкова Ю.М.* Исполнение договорного обязательства в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 27 с.

12. *Жинкин С.А.* Эффективность права: антропологическое и ценностное изменение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.

13. *Жукова Ю.А.* Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 183 с.

14. *Карасев А.И.* Преступления, совершаемые судебными приставами-исполнителями при исполнении своих служебных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 175 с.

15. *Кудрявцева В.П.* Исполнение требований неимущественного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.

16. *Лукьянов В.В.* Правовые основы исполнения обязанности по уплате налогов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 172 с.

17. *Максименко С.Т.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970. 17 с.

18. *Милушева Т.В.* Исполнительная власть как форма реализации права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 25 с.

19. *Оганесян В.М.* Исполнительное производство в Российской Федерации: административно-правовая природа и правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

20. *Орзих М.Ф.* Реализация советской общественностью норм общенародного социалистического права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1966. 21 с.

21. *Павлов А.А.* Присуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 219 с.

22. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 49 с.

23. *Семенко Б.М.* Юридические обязанности граждан СССР (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1978. 24 с.

24. *Сенников И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 21 с.

25. *Сергун А.К.* Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 32 с.

26. *Смецкая А.М.* Исполнение судебных постановлений путем обращения взыскания на имущество граждан и на заработную плату : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков. 1988. 23 с.

27. *Уваров П.В.* Исполнительное производство как разновидность юридического процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 22 с.

28. *Филимонова М.В.* Процессуальные аспекты взаимодействия судебного пристава-исполнителя и суда в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 180 с.

29. *Шейндлин Б.В.* Сущность советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1962. 36 с.

30. *Шигабутдинова А.Л.* Правосубъектность и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 24 с.

31. *Шумейко И.Ю.* Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 244 с.

32. *Эбзеев Б.С.* Конституционные проблемы прав и обязанностей человека в советском обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1989. 32 с.

33. *Яковлева С.А.* Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. 211 с.

Интернет-ресурсы:

1. <http://docs.pravo.ru>
2. <http://fssprus.ru>
3. <http://old.ombudsmanrf.org>
4. <http://www.cdep.ru>
5. <http://www.interfax.ru>
6. <http://www.kremlin.ru>
7. <http://www.un.org>